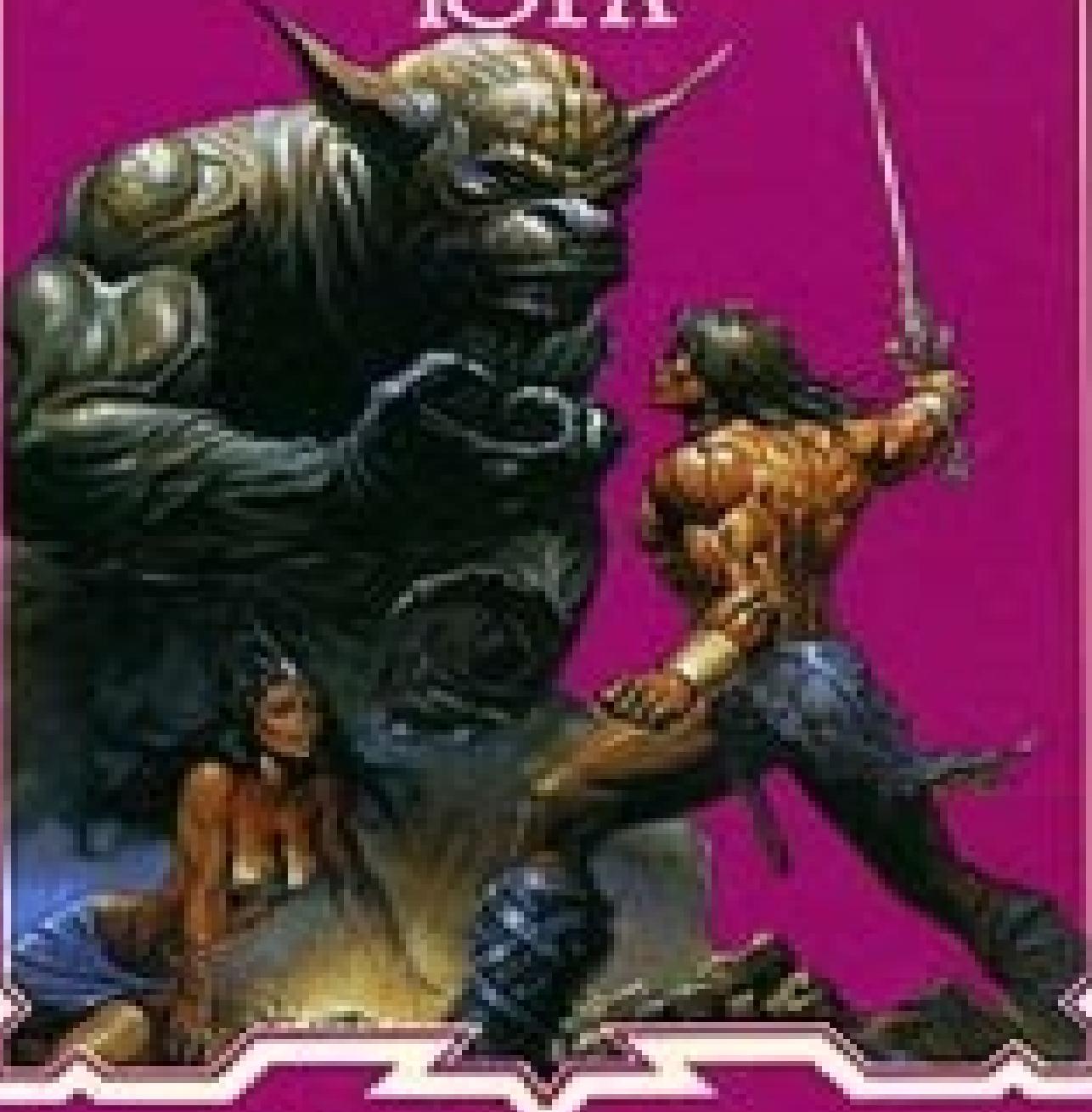
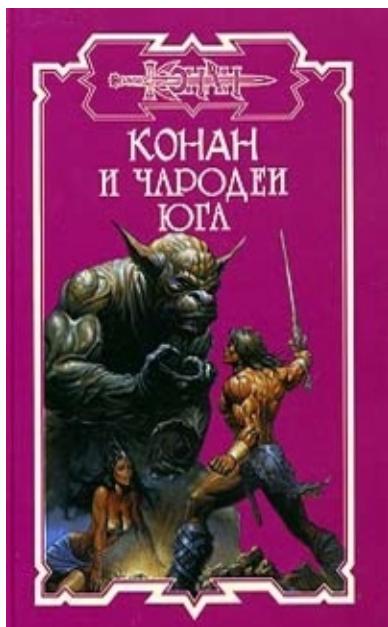

ПЕРВЫЙ
САЛЮТ

КОНАН И ЧАРОДЕИ ЮГА

- - [Брэнт Йенсен](#)
  - [Чародеи Юга](#)
-

Брэнт Йенсен

Чародеи Юга

(Цикл «Хозяева Побережья» — приквел)

(ACT, «Северо-Запад Пресс», 2005, том 113 «Конан и Чародеи Юга»)

Молодой наемник уже несколько часов блуждал по подземельям, которые не без основания считал проклятыми. Он был строен, довольно высок. У него были серые глаза, в которые постоянно лезли пряди густых темных волос.

На лице парня был написан ужас. Однако он старался не поддаваться панике. Если хотя бы в строении этого места нет проклятой магии, то выход должен быть близок, даже очень. Возможно, он и сумеет до него добраться. Время от времени он останавливался, чтобы успокоиться и попытаться почувствовать движение воздуха. В его голове уже не осталось места для молитв и воспоминаний, которым он предавался после гибели последнего из товарищей. Сейчас он думал лишь о том, что он сделает с тем, по чьей воле оказался здесь. Если, конечно, выживет.

В отряде Эмилио был шпионом, а также первым помощником Рузеса, их командира, стигийца по происхождению. Большими воинскими талантами Эмилио никогда не отличался. Он предпочитал притворяться, обманывать, сыпать яды и бить в спину своим любимым стилетом. Родившись двадцать пять лет назад в пригороде Мессантии, он умудрился побывать почти во всех странах Заката и Полудня Хайбории, выучить аквилонский, шемитский, кофийский и стигийский языки. Он был гребцом, бардом, дипломатом, купцом, успел примерить на себя рабские кандалы, а в результате стал наемником.

Отряд Рузеса занимался тем, что выполнял неординарные поручения, исходившие от лиц, открайся имена которых, весь Полдень немало бы удивился. Задания бывали двух типов: магические и незаконные. Эмилио предпочитал именно вторые. Благодаря своей внешности он мог втереться в доверие к кому угодно. Дамы приглашали его в свою постель, благородные господа к столу, а стражники внутрь охраняемых ими помещений. Чтобы ни было его целью: секретный план крепости, подвески любовницы или чья-то жизнь, Эмилио всегда добивался успеха. Остальные

члены отряда лишь оказывали ему посильную помощь. Аргосец резонно полагал, что мог бы обойтись и без них, но это, по его мнению, было бы слишком скучно.

Магией же занимался сам Рузес. Будучи самоучкой он никогда не входил ни в один из магических кругов, а потому вести обширную практику считал делом небезопасным. Стигиец предпочитал воровать артефакты, устранивать всякого рода магических тварей, а также колдунов. Не в пример большинству выходцев своей страны Рузес имел репутацию честного и открытого человека. Было у него и трое учеников, практикующих магию школы Равновесия. Оставшиеся семеро наемников были простыми рубаками, стоявшими, однако, каждый, как минимум, двух Черных Драконов аквилонской гвардии.

В подземелья в окрестностях Кеми они оказались по милости одного шемита. Эмилио всегда терпеть не мог этих бородачей. Этот был младшим сыном одного богатого дворянина, который уже около пяти лет находился при смерти. Но перед тем как дойти до столь плачевного состояния, папаша умудрился произвести на свет девятерых сыновей и двух дочерей. Соблюсти местную традицию и прирезать всех братцев младший не смог, ввиду их количества, и отправился искать себе богатства, приключений и славы. Семейство столь обрадовалось грядущему бескровному устраниению одного из претендентов на титул, что обеспечило его немалыми подорожными.

Шемит оказался в меру везуч, так как приключениями и славой он себя обеспечил за очень короткий срок, спустив, правда, почти все деньги. Почему он был еще жив к моменту встречи с Рузесом, Эмилио понять не мог. Тем не менее, у него была карта с сокровищами и сумма, более чем достаточная, чтобы заинтересовать командира наемников. Рузес прикидывал проверить место, помеченное крестиком, убедиться, что там нет обозначенного на карте разрушенного храма с подземным ходом, взять деньги и отправиться пропивать их ближайший город. Особенную радость стигийца вызывал тот факт, что в этих местах он бывал неоднократно и совершенно точно знал: храма там нет!

Каково же было всеобщее удивление, когда отряд обнаружил руины точно в означенном месте. Были там и подземелья. Эмилио уже тогда всё это не понравилось: храмы из-под земли не возникают, если в дело не замешана очень серьезная магия. Но предложение прирезать шемита, взять деньги и унести побыстрее ноги из проклятого места, было встречено с негодованием. Вдобавок ученикам Рузеса не терпелось исследовать загадочное место. Эмилио осталось только вознести молитвы Бэлу и

Дэркето, коих он считал своими покровителями, прикрикнуть на воинов и поспешать за неразумными магами.

Туннели, которые с помощью своих заклятий осветили маги, постепенно превратились в сложнейший лабиринт, но карта предупреждала и об этом. Ловушек или какой-нибудь охраны на своем пути кладоискатели не встретили. Только попадалось всё больше и больше боковых ответвлений. Со временем в подземелье начало появляться и естественное освещение, если, конечно, его можно было считать таковым: ядовито зеленое свечение, исходящее и от стен, и от потолка, и пола. Дышать становилось всё тяжелее и тяжелее. Маги пытались сотворить что-нибудь с воздухом, и вроде бы у них это получилось, только вот свечеение становилось всё ярче и ярче и начало пульсировать. Рузес принял решение оставаться на месте, и посмотреть не будут ли разрастаться магические явления.

Несколько воинов настаивали на том, чтобы повернуть назад. Шемит-наниматель был полностью с ними согласен: куда разумней найти человека, продавшего ему карту и хорошенко порасспросить об этом месте, благо тот ни от кого не скрывался. Эмилио пожалел, что эта светлая мысль сразу не пришла ему в голову.

Но свечеение со временем вернулось на прежний уровень, воздух был чист, а маги не чувствовали волшбы творимой поблизости. Отряд двинулся дальше. Эмилио уже не убирал руки с эфеса меча.

Когда наемники увидели впереди большую пещеру, усыпанную золотыми монетами стигийской и кофийской чеканки, они позабыли о дисциплине и бросились вперед набивать заранее припасенные на случай удачи мешки. Рузес тихо выругался про себя, глядя на этот бардак, подозвал к себе магов, присоединившихся к остальным, и нецензурно объяснил им, что их задача не грабить, а следить за происходящим. Пара грозных окриков командира вернула наемникам чувство реальности

Эмилио лишь наблюдал за сбором денег, который обрел некое подобие порядка. Ему происходящее не нравилось всё больше и больше. Помимо отсутствия охраны более всего удивлял состав найденных сокровищ. Никаких камней, произведений искусства или оружия, только монеты. Нетрадиционно, а значит подозрительно. Подумав Эмилио, решил не следовать примеру большинства и не стал набивать свои карманы золотом. Содержимое четырех огромных мешков и так обеспечит каждого до конца жизни.

Маги тем временем начали проявлять беспокойство: свечеение становилось всё сильнее, а заклинание по очистке воздуха отнимало

больше и больше сил. Рузес дождался, пока будет заполнен последний из мешков, и приказал срочно строиться и уходить.

Эмилио и одного из магов поставили в арьергард. В случае опасности аргосец на него не рассчитывал. Бедняга был совсем плох: пот катился с него градом, из носа шла кровь, каждый шаг давался магу с невероятным трудом.

Неприятности начались, когда они преодолели примерно треть обратного пути. Свечение стало невероятно ярким, а через миг на отряд из боковых туннелей набросились твари, которым впору было прислуживать самому Сету. Каждая в полтора человеческих роста, покрытые по всему телу плотно состыкованными черными пластинами, с довольно длинными конечностями, заканчивающими острыми когтями. На невероятно подвижных головах горели ярко зеленые глаза.

Встреча была краткой и кровавой. Пробить демоническую броню простой стали было явно не под силу, а маги были слишком обессилены, чтобы что-то сотворить.

Наемники всё же, несмотря на ситуацию, проявили и выучку, и характер, встав кольцом и сдерживая в меру сил натиск подземных тварей. Исчезли демоны столь же внезапно, как и появились. Несколько секунд воины просто стояли, опустив мечи, бескураженные произошедшим. Эмилио удивился про себя, что не слышит привычных команд Рузеса, а когда огляделся, понял, что главный теперь он. Рузес и двое магов, шедших впереди лежали мертвыми. У одного не хватало головы. Погиб один из воинов, несших золото. Маг, шедший с Эмилио, к счастью оказался жив, и смерть от удушья спасшимся не грозило. Только у него не хватало одной ноги: один из демонов отхватил её, до того, как аргосец столкнул бесполезного мага в безопасный центр кольца. Означало ли это, что твари выбрали в качестве цели именно имевших доступ к Силе? Вполне возможно.

Когда кровотечение у мага остановили, Эмилио повел отряд дальше, вынув из неподвижных пальцев Рузеса проклятую карту. Пятеро воинов так и двигались кольцом, в центре которого находились раненный маг и шемит, тащивший мешок с золотом. Оставшуюся часть найденного Эмилио велел бросить, догадываясь, что демоны просто так не отстанут и в бою понадобятся все умеющие обращаться с мечом. Занимать воинов перетаскиванием мешков не стоит. К тому же аргосец допускал, что охотиться могут не только за магами, но и за ворами. Если в следующем схватке шемита убьют, то придется оставить всё золото, что есть у них. Жаль, но жизнь дороже.

Но нападения всё не было и не было. Надежда выбраться и выбраться богатыми становилась всё ощутимей. Некоторые воины даже начали шутить. Эмилио это не понравилась, но прикрикнуть на них он не нашел в себе сил. Слишком хотелось, чтобы спало напряжение. Мысли о грядущей смерти в забытой богами норе пугали. Постепенно свечение становилось глуше, а это значило, что магия пещер слабеет. Когда они минули большую часть пути наверх, тьма стала полной. Продвигались на ощупь, но это не мешало наемникам радоваться, предвкушая скорое спасение.

Эмилио хотел даже попросить мага осветить путь, когда со всех сторон начал доноситься топот. Это могло означать только одно. И аргосец принял единственно верное решение. Он побежал. В темноте у них не было шансов. Он не знал, последовали ли остальные его примеру. Судя по звукам, да. Эмилио бежал так, как не бегал никогда в жизни, пытаясь по памяти найти путь. Сзади доносились звуки схватки. Раздавались крики товарищей. Рядом с ним мелькнула пара зеленых глаз, и он почувствовал, как лапа твари рассекает воздух рядом с его ухом. Были потом и другие, но ни одна не подошла столь близко. Внезапно стало тяжело дышать. Значит, маг уже мертв. Вскоре звуки вокруг стихли, но Эмилио не останавливался до тех пор, пока не потерял сознание, ударившись головой об одну из стен.

Очнувшись, он увидел, что стены снова испускают привычное тусклое свечение. А рядом с Эмилио, к невероятному удивлению аргосца, сидел один из воинов, выходец из Черных Королевств по имени Алой. На командира он смотрел без злобы, что позволило Эмилио сделать вывод, о том, что Алой тоже бежал от схватки. Странно, правда, что направление совпало. Карту видели только он, Рузес и их наниматель.

— Очнулись, командир? — участливо поинтересовался Алой. Эмилио пришла мысль, что с учетом цвета кожи воина, демоны вполне могли бы принять его за своего.

— Да, вроде всё в порядке, — ответил аргосец.

— Сильно вы головой приложились, — сказал Алой. — Но всё лучше, чем там с остальными валяться.

— Это точно, — согласился Эмилио. — Только как ты сюда добрался то? У тебя же нет карты.

— Какой? Этой? — рассмеялся воин, продемонстрировав идеальные белые зубы. В руке он вертел карту, изъятую у бессознательного аргосца. — Она мне вообще то не нужна. Я из любой норы выход найду. У нас это семейное. Чувство пространства!

Эмилио только раскрыл рот от удивления.

— А карту я всё-таки у себя оставлю, — продолжал Алой. — Не

доверяю я вам. Вы уж простите, командир. Может, вернусь сюда когда-нибудь. Она мне и сгодится!

«Вот, ублюдок!» — пронеслось в голове у Эмилио. Он подумывал не прикончить ли мерзавца, когда перед ними возник один из демонов. Тварь переводила взгляд со шпиона на воина, словно выбирая. И в итоге выбрала: когтистая лапа вонзилась в живот Алою. Предсмертный крик несчастного, казалось, был в состоянии сотрясти пещеры. Демон поднял воина в воздух, словно пушинку, и скрылся также быстро и беззвучно, как и возник.

Когда Эмилио отошел от шока, то осознал, что теперь у него нет карты. Хотя может это и к лучшему. Аргосцу казалось, что именно из-за неё выбор пал на Алоя. Теперь уже ему придется выбираться, ориентируясь на то самое “чувство пространство”. Решив не терять времени, он встал и двинулся в том направлении, которое считал верным. Спустя пять часов страха, молитв и проклятий перед Эмилио забрезжил дневной свет.

Сейчас у него не было ни друзей, ни денег, ничего. Только жизнь и ярая жажда мести.

* * *

«Вестрел» покачивался на волнах у небольшой пристани в городке с названием Сартос, располагавшемся на побережье Стигии. До пустынь было три дня ходу через полосу джунглей. Благодаря ним эта часть страны обладала определенной долей независимости. Население подобных поселений, раскиданных по побережью, составляли выходцы из множества стран, терпевшие здесь кораблекрушения и за долгие годы, основательно перемешавшие кровь с местными аборигенами. Язык являл собой смесь стигийского, зингарского и аргоского.

Маги, заправлявшие в Стигии, несколько веков тому назад предприняли несколько попыток подчинить эти места централизованному управления. Их войска без труда заняли всю местную территорию. Затем в течение двух лет солдаты бесследно пропадали в джунглях, тонули в океане и гибли в бесчисленных кабачных драках. Целителей, чтобы лечить их раны никогда не оказывалось рядом, поставщики провианта подвергались нападению диких животных, а пираты и контрабандисты неизменно угадывали места очередных засад.

Пришлось искать иное решение проблемы независимых поселений. Остатки войск вывели, а вместо них в мало-мальски крупных городах организовали торговые конторы. Непримечательные одноэтажные домики

вскоре стали главными объектами для обсуждения. Стигийцы полностью переняли местную тактику. Никаких официальных сборов, никакого контроля за ввозимыми товарами, только ненавязчивые услуги по посредничеству, предлагаемые частными лицами. Капитаны пособразительнее от предложения не отказывались, благо суммы стигийцы требовали разумные, да и законностью путей приобретения товаров конторы не интересовались. У тех же, кто отказывался, грузы неизменно и непоправимо портились. Большинство предполагало, что без магии здесь не обошлось. Подтверждение они получили спустя два года после начала новой стигийской политики.

Многие капитаны-отказники, привыкшие к тому, что местные порты свободны от какой-либо власти, решили положить конец тайному контролю стигийцев. План их был достоин всяческих похвал. Операция была полностью тайной и должна была претвориться в жизнь одновременно на всем побережье. В качестве основной ударной силы мятежные капитаны выбрали яро настроенных митрианцев, пообещав им в случае победы введение второго культа, наравне с поклонением Сету. Каждый вплоть до рядового члена проходил тщательную проверку. Необходимо было удостовериться, что стигийцы ни о чем не прознают. По плану сначала должны были быть умерщвлены те представители торговых контор, что находились в городах, затем сами здания окружались арбалетчиками и поджигались. Выживших не должно было остаться.

Но в ночь предшествующую бунту стигийцы нанесли упреждающий удар. Каждый из главарей мятежа, где бы он не находился сначала чувствовал головную боль и жар, а потом вспыхивал синим пламенем, которое однако ни на что не перекидывалось. Участвовавшие в заговоре митрианцы также поплатились: половина из них превратилась в местных дурачков, остальных поразили различные телесные недуги.

Утром следующего дня в сопровождение воинов, облаченных в черную броню, на центральные площади городов вышли люди, назвавшие себя «Хозяевами Побережья». Каждый Хозяин входил в Черный Круг, о чем не преминул сообщить собравшимся вокруг людям. Рассказали стигийцы и о деталях раскрытоого заговора, и о наказании, постигшем виновных. С этого дня власть Хозяев объявлялась официальной, и каждый мог обратиться к ним с жалобами или просьбами. Однако дабы уверить местное население в своем благожелательном отношении к нему от формирования регулярной стражи и армии стигийцы отказались. Товары «сомнительного» происхождения по-прежнему разрешались к обращению. А в довершении всего теперь каждый мог поклоняться тому богу, которому

пожелает.

Так завершилась история последнего местного восстания. Хозяева своих слов назад со временем не взяли, зато представили их в своеобразном ракурсе. За порядком, кроме местной дружины наблюдала также «лиловая гвардия», люди Хозяев, на одном из предметов одежды, которых присутствовал этот цвет. Официальных полномочий у них не было, но все знали на кого они работают. Вмешивались в происходящее «лиловые» редко, но когда это случалось, нарушившие их покой живыми не уходили.

За возможность же молиться своим богам люди должны были платить и немало. Вырученные деньги отправлялись на строительство новых храмов Сета. Факт был общеизвестным, но говорить о нем с чужаками местные почему-то не любили.

Узаконивания пиратства было достигнуто путем объявления всех подобных судов временными каперами Стигии. И это дало совсем невероятный результат. Чем могли заинтересоваться в портах вроде Сартоса? Вина, ткани, оружие. Всё это стигийцы, конечно же, скупали, но и цены ставили с учетом того, что в других местах награбленное продать будет трудно, а им оно не сильно и надо.

Но вскоре искомая золотая жила была найдена. Один ванир, по имени Кервин Хитрый, решил, что раз в этих местах полно магов, то, может, они заинтересуются старинными книгами шаманов Нордхейма. Хозяева заинтересовались настолько, что обеспечили северянина безбедной старостью в престижном районе Тарантии, а себе неиссякаемым потоком различных артефактов и магической литературы. По большей части привозимое было совсем или частично бесполезным, но время от времени попадалось и что-то действительно ценное. Остальные государства просто не могли безучастно смотреть на происходящее, и вскоре в каждом из городков побережья Стигии можно было найти и аквилонских, и немейдийских, и туранских конфидентов. Были даже те, кто работал на далекие Кхитай и Вендию. «Лиловым» и их хозяевам это, конечно, не нравилось, но так как что-то предпринимать было поздно, да и с политической точки зрения небезопасно, пришлось приспособливаться.

Таков был Сартос: смесь культур половины Хайбории, замешанная на магии, шпионаже и пиратстве. И здесь волею судеб пришлось причалить «Вестрелу». Капитан корабля был высок, широкоплеч. Глаза его были похожи на две льдинки. Длинные черные волосы опоясывал кожаный шнурок. Звали капитана Конан.

Стигию он не любил. Будь его воля он и близко бы не подошел к этим

местам, но шторм накрывший корабль, седмицу назад не оставил ему выбора. «Вестрел» истрепало так, что он еле держался на плаву. Лишь благодаря выдержке и воле матросов, корабль сумел достичь суши. И сейчас ему требовался длительный ремонт, денег на который у пиратов не было. Из всей команды в этих местах раньше бывал только старший помощник Сигурд, громадный рыжеволосый уроженец Ванахейма. Он и был одним из двух вышедших на берег людей. Вторым был, естественно, капитан. Остальная команда под руководством боцмана Зелтрана пыталась хоть как-то починить верное судно.

Направлялись двое северян в прибрежную таверну. Как рассказывал Сигурд, в последнее время “лиловые” стали сами нанимать охочих до денег смельчаков и отправлять их искать различные магические побрякушки. Платили исправно, задания давали посильные. Киммерийца выворачивало при мысли о том, что он идет требовать работы у магов, да еще и у стигийских. Однако ситуация была безвыходной: за два последних месяца, кроме бурь и военных галер, «Вестрелу» ничего не встречалось. Можно было бы заняться контрабандой, но местная торговая политика совсем искоренила этот вид промысла у окрестных берегов. Да и денег на ремонт еще надо было ссудить, а под незаконный бизнес никто кредит давать не будет.

Вообще-то, называть таверну «Морской Змей» прибрежной было бы не совсем верным. Она была единственной на весь Сартос. Это было довольно чистое двухэтажное деревянное здание с множеством окон и площадкой для игрищ во дворе. Сейчас там огромный лысый детина предлагал желающим помериться с ним силой. Время от времени кто-то решался на сей опрометчивый шаг, и тогда, толпа, собравшаяся вокруг, разражалась звуками заключаемых пари и криками в поддержку одного из участников. Конан и Сигурд задержались посмотреть пару схваток, в каждой из которых лысый легко взял верх. К чести бойца следовало отметить, что обходился он без членовредительства.

Сигурд было вопросительно посмотрел на капитана, явно желая поучаствовать в развлечении и немного подзаработать деньжат. Конан на миг задумался, а потом отрицательно покачал головой. Найти работу сейчас было важнее, чем покрасоваться. К тому же Конан сомневался, что он или Сигурд смогут победить лысого. Того, скорее всего, подпитывала пара придающих силу заклятий, иначе усталость рано или поздно взяла бы верх над бойцом, а терять прибыль от такого аттракциона было глупо. Наверняка несколько схваток в день лысый сознательно проиграет, но бездумно ставить на то, что счастливчиками станут они именно они,

Конану не хотелось. Пересказывать эти размышления Сигурду киммериец не стал: сам догадается. Это только на публике ванир любил изображать глуповатого варвара, разумно полагая, что с помощью этого простого трюка, он сможет почерпнуть множество полезной информации.

Была у Сигурда и еще одна примечательная черта, которую Конан решительно намеривался сегодня использовать. Ваниру постоянно везло в кости. Долгое время команда «Вестрела», подозревала старпома в мошенничестве и всякими способами пыталась вывести его на чистую воду, но всё было напрасно. Сам Сигурд утверждал, что это Имир помогает храбрецам, к коим он себя относил, в ответ на что, Зелтран говорил, что это Иштар помогает слабоумным, к коим боцман относил ванира. Так или иначе, Сигурду предстояло с последним запасом корабельного золота прибыть к игральному столу, где он должен был своим примером показать, какая везучая у капитана Конана команда.

У двери в таверну сидело трое митриан-дурачков, которые играли в какую-то игру на пальцах. Призом служило небольшое колечко из латуни. Победитель любовно смотрел на него, затем корчил страшную рожу и призывал свергнуть одного из дарфарских царьков с непроизносимым именем, остальные двоё всячески с ним всячески соглашались. Затем розыгрыш кольца повторялся. Из таверны тем временем упорно пытались выйти, но один из играющих нецеленаправленно, а потому профессионально не давал двери открыться.

— Пошли отсюда! — крикнул Сигурд, подняв одного из юродивых и отвесив ему пинка. Конан для верности выкинул подальше кольцо. Вывалившийся из двери пьяный моряк рассыпался в благодарностях и, пошатываясь, направился к одному из кораблей.

К обстановке, царившей внутри, Конан, несмотря на все рассказы старпома о Побережье и его Хозяевах оказался не готов. Казалось, что магия здесь была повсюду. Ламп не было, вместо них применялись заклинания, дающие различные световые эффекты в зависимости от места в зале. В противоположном двери конце таверны размещались две сцены, на одной из которых танцевали обнаженные девушки, а на другой туманные образы рыцаря и дракона изображали отрывок из древней саги. Пол казался выполненным из агата, хотя на самом деле был деревянным. В зале звучала музыка. Как Конан ни старался места, где могли бы скрыто располагаться музыканты, он не обнаружил. В левой части залы находились столики и хозяйская стойка, справа было два игральных стола. Лестница, уводившая на второй этаж, была белоснежной и скрывалась в созданных магией облаках. Рядом с одной из сцен находилось помещение,

огороженное шёлковыми тканями. Оно предназначалось для ведения торговых переговоров. Там же всегда можно было найти представителя Хозяев.

Время было близким к закату, а потому народу внутри собралось уже прилично. Северяне прошли к одному из свободных столиков, не желая показывать, что они куда-то торопятся. Одна из официанток поинтересовалась, что благородные господа желают заказать.

— Вина. Два кувшина, — ответил Конан, слегка прихватив девушку за ляжку.

— Лучшего? — кокетливо поинтересовалась официантка.

— Местного, — с горечью в голосе уточнил заказ капитана Сигурд.

Официантка обиженno фыркнула и пошла за вином. Хоть клиенты были и прелесть, как хороши, но с тугостью кошельков у них явно были проблемы.

— Ну, как тебе Побережье? — поинтересовался Сигурд у капитана, дегустируя принесенный напиток.

— Слишком много магии, — ответил Конан. — Без неё было бы лучше. Красиво тут, я не спорю, но на душе зато не спокойно.

— Разве это магия? — усмехнулся Сигурд. — Сюда Хозяева ненужные им артефакты отдают, которые в магической подпитке не нуждаются. Игрушки, да и только.

— И уж тем более, — продолжил Конан, — у меня нет никакого желания знакомится с чем-либо серьёзным. Почему нас шторм не в Коф заскинул, а сюда?

— Потому, что Имир, — сказал Сигурд, — рассудил, что здесь мы быстрее найдем помощь. На местных сделках можно заработать, как нигде в Хайбории.

— Правильно Зелтран про любимчиков Иштар говорил, — себе под нос, но в пределах слышимости вания сказал капитан. — Мало у нас было с волшебниками неприятностей. Мы их теперь сами искать стали. И вообще, входи в образ. Пойдем решать судьбу корабля.

Конан встал и направился в огороженное шторкой помещение. Сигурд заказал еще вина и начал приглядываться к играющим в кости. Ему было интересно, кто из них может мошенничать. У игрового стола крутилось трое стигийцев, довольно броско одетых, двое шемитов, один зингарец и четверо местных.

Стигийцы, судя по внешнему виду и совершаляемым ставкам, были купцами. Странно. Торговый люд обычно деньгам находит совсем другое применение. Игроками они были не очень, хитростей не знали, так что их

ставки раз от раза доставались шемитам или зингарцу. Торговцев это не сильно расстраивало, что подтверждало догадку Сигурда о какой-то провалившейся сделке, поставившей стигийцев на грань разорения. Сейчас они спускали на ветер последние сбережения. Ванир был готов биться о заклад, что через пару дней их тела найдут в какой-нибудь тихой бухте.

Шемиты были довольно высокие и мускулистые. Скорее всего, охранники какого-нибудь каравана, прибывшего из глубины страны. Точно, что не моряки: двигаются совсем по-другому. Вина они почти не пили, предпочитая сохранять ясную голову в игре, пусть и рассчитанной прежде всего на везение.

Черноволосого парня, обладателя пары красивых ярко зеленых глаз, чарам которых поддалась, наверное, не одна красотка, Сигурд сначала ошибочно счел зингарским моряком. Но, последив за ним, понял, что-то если в море и бывал, то нечасто. На уроженца Сартоса он совсем не походил: нет характерного кривоватого носа, глубоко посаженных глаз и тонких губ, свойственных местным жителям. Значит, выходец с Заката, причем в первом поколении, невесть как оказавшийся на Побережье. Сигурд внимательно осмотрел одежду "зингарца", пытаясь разглядеть какую-нибудь лиловую вещицу. Таковых не оказалось. Везло парню невероятно. Ставки он или забирал себе, или делил с шемитами. Разглядеть мошенничает он или нет, Сигурд с такого расстояния не мог, но зингарца взял на заметку.

Местные ставок почти не делали, больше наблюдали. Их задачей было определить обладателя самого большого куша, а потом дать знак сообщникам кого именно следует препроводить на Серые Равнины. Ваниру стало интересно, попытаются ли они как-нибудь вывести из игры купцов, пока те не просадили все золото. Сигурд терпеть не мог таких "шакалов", но власти Побережья разрешали все, что не мешало им увеличивать благосостояние, так что подобные дельцы чувствовали себя в Сартосе вполне уверенно.

Допив большим глотком вино, Сигурд, делано пошатываясь, направился к игровому столу. «Шакалы» мимоходом бросили на него несколько взглядов, оценивая размеры его кошеля и степень опьянения. Зингарец приветливо улыбнулся, пропуская Сигурда к столу. Стол, между прочим, был самый обыкновенный. Деревянный, потрескавшийся, с пятнами от пролитого вина. Он всем своим видом показывал, что к магии никакого отношения не имеет.

Игра у Сигурда пошла привычно легко. Купеческие деньги стали улетучиваться с невиданной скоростью. Шемиты начали подозрительно

поглядывать на то и дело прикладывавшегося к кувшину с вином варвара. Повод для этого был. С приходом Сигурда от них удача отвернулась. На счастье ванира они были достаточно трезвы, чтобы бездоказательно обвинять последнего в жульничестве, и сочли за лучшее удалиться. «Шакалов» тоже, как ветром сдуло. Подобные людишки опасность нутром чуют, а ванир таковую в данный момент олицетворял.

Стигийцы же оказались куда богаче, чем предполагал Сигурд, и раз за разом кидали деньги на стол. Что же это за сделка должна была быть?! В порыве странной щедрости, столь свойственной нецивилизованным народам, Сигурд купил купцам вина на выигранные у них же деньги, надеясь услышать что-нибудь интересное. Зингарец же поставил ему кувшин белого офирского. Последний, как Сигурд успел заметить, всё-таки играл честно, а значит, был просто невероятно везуч. Ваниру сейчас доставалась лишь десятая часть выигрышей.

Узнать что-нибудь о том, почему стигийцы столь яро просаживают нажитое и почему оно не заканчивается, Сигурду было не суждено. К игровому столу подошла пара распутных девиц и принялась всячески расхваливать свои прелести и умения, которые они готовы хоть сейчас продемонстрировать. Купцы сомневались не долго, видимо, решив получить за этот вечер максимум удовольствия.

— Ладно, эти хоть глотку не перережут, — с удовлетворением сказал зингарец, когда они с Сигурдом остались вдвоем за игровым столом.

— А чего их резать-то? — с глуповатым видом произнес Сигурд, кидая кости.

— Деньги, — философски заметил зингарец. — Они здесь всем нужны. Помнишь, здесь четверо стояло, когда ты пришел? Эти бы не пощадили, дикие они. А девчонки сейчас позабавятся, усыпят магией или травкой, обчистят, разденут и работорговцам продадут. Тоже плохо, конечно. Зато живы останутся.

— Вина еще хочешь? — спросил Сигурд, кляня про себя кубики. С тех пор, как они с зингарцем остались вдвоем, он уже проиграл три ставки подряд. Раньше с ним такого не случалось. Никогда.

— Давай! — сказал зингарец и подозвал официантку. — Тебя как зовут-то, моряк?

— Сигурд, — ответил ванир.

— А меня Счастливчик, — сказал черноволосый.

Сигурда передернуло, когда он услышал прозвище. Сразу же стало обидно, что показал, как проигрышу расстраивается, но было поздно.

— Первый раз вижу, чтоб купцы в кости играли, — совершенно честно

заметил ванир. — Часто у вас такое бывает?

— Всю последнюю неделю, — сказал Счастливчик, пробуя принесенное вино. Судя по выражению лица, оно ему не очень то понравилось. Сигурд с опаской поглядывал на кувшин: он до этого тоже брал другое. Ванир отхлебнул и поразился, насколько же отвратительными наклонностями должен был обладать человек, такую пакость изготавливающий. Но в соответствии с образом, лицо сделал благообразное и виноделу пожелал здоровья.

— А с чего это они? — поинтересовался Сигурд, тряся стаканчиком. Перед тем, как посмотреть, что выпало, он даже прикрыл глаза, призывая на помощь и Имира, и Иштар. Но боги оказались немилостивы. Сумма точек опять оказалась меньше, чем у Счастливчика. — Проклятье!

— Шторм на море стоит, — пояснил Счастливчик. — Вот вся торговля у них и сорвалась.

— Тогда ясно, — сказал Сигурд. Ясно ему было одно: что ему морочат голову. Ну, потеряют они из-за погоды часть прибыли, но с жизнью из-за этого не расстаются.

— Не веришь, — ухмыльнулся парень. — Зря. Так легче. Здесь всё на магии замешано, и многих вещей не знать лучше. «Лиловые» за всеми следят, и оттого, что я тебе обо всем здесь творящему расскажу, жизнь твоя приятней не станет.

— А сам магией не промышляешь? — поинтересовался Сигурд, отмечая, что зингарец в «глупого варвара» не поверил. — Больно кости у тебя хорошо ложатся.

— И ты туда же! — обиделся Счастливчик. — Думаешь, за что мне прозвище дали? Пытайся я колдовать, меня бы давно отсюда выставили. Нагости Хозяева не любят.

— Ладно, парень, — сказал Сигурд, вспоминая разговоры на «Вестреле», — извини. Это я так, в шутку. Мне самому в кости обычно фартит.

— Я и гляжу, — усмехнулся зингарец, прихлебывая своё мерзкое вино. — Половину денег проиграл. Причем, заметь, своих, а не купеческих. Не будет тебе удачи, варвар, в полуденных краях.

— Это мы еще посмотрим! — сказал Сигурд, широко улыбаясь. Ванир чувствовал, что игру пора прекращать, пока он не проиграл все деньги. Деньги собранные всей командой. Но упрямство было сильнее.

— Сигурд, я не шучу, — уже абсолютно серьёзно сказал Счастливчик. — Заканчиваем. У меня нет никакого желания разорять тебя. Я и так достаточно выиграл.

— Боишься, что отыграюсь? — поинтересовался ванир, хотя сам в это не верил. Парень казался ему довольно честным. Сигурд встряхнул стакан и бросил костяшки на стол. Выпало шесть и пять. Ну, неужели?!

Счастливчик понуро покачал головой и потянулся за стаканчиком. Тряс он его не особо долго, всем своим видом показывая, что не желает продолжения. Сигурд неотрывно следил за кувыркающимися по столу кубиками, и когда выпало две шестерки, на ванира было просто страшно смотреть. Зингарец просто стоял и грустно улыбался, словно знал, что будет так, а не иначе.

— Бери выигрыш, — расстроено сказал Сигурд.

— Честно, я не виноват, — сказал Счастливчик. — Я хотел, чтобы выпало меньше твоего. Мне не нужно столько денег. Не хочу я брать, а то и меня однажды поплавать отправят, с искусно сделанными жабрами.

— Значит, предпочитаешь меня на Серые Равнины отправить, — шутя, спросил Сигурд. Зингарец выиграл честно, и деньги свои получит. Что с ним самим потом Конан сделает, вопрос другой. — Своего здесь не тронут, не первый день на свете живу.

— Ладно, — согласился зингарец и взял выигрыш. — Теперь точно хватит. Идем, угощу тебя лучшим вином, а потом познакомлю с парой красоток. Должно же у тебя останаться хоть одно хорошее воспоминание о Сартосе!

— Нет. Продолжаем.

— Сигурд, поверь, это бесполезно.

— Продолжаем.

* * *

Стоило Конану проникнуть внутрь импровизированной комнаты, где, по словам Сигурда, должен находиться “лиловый”, как на него накатила волна холодного воздуха, к тому же наполненного ароматом незнакомых киммерийцу цветов. Стояло здесь всего четыре столика. Все были заняты. За одним сидел выходец с Восхода. Мысли его были где-то очень далеко. Что тому было причиной магия или лотос, киммериец не разобрался. За вторым расположилось трое жрецов Эрлика, Сета и Митры, которые о чем-то оживленно спорили, не забывая опустошать подносимые им блюда с едой. За третьим какой-то молодой человек, сидящий к Конану спиной, беседовал с обворожительной жрицей Дэркето.

О том, что ему нужен человек за последним столом, Конан догадался

бы, даже не видя шикарного украшенного золотой вышивкой и драгоценными камнями лилового камзола. Представитель Хозяев был очень дороден, гладко выбрит и постоянно улыбался, поглощая виноград из стоящей перед ним пиалы. Как Конан ожидал, перед ним оказался не стигиец. Хозяева предпочитали расположить клиентов, а представители их страны у большинства людей вызывали опасение. Полный офицер с добродушным лицом на эту роль подходил куда больше.

— Присаживайтесь капитан, — сказал «лиловый» и широким жестом руки указал на стул напротив. — Я уже вас совсем заждался.

— Пожалуй, следовало догадаться, — с легким сарказмом ответил Конан, — и не испытывать ваше терпение уважаемый...

— ...Рашил, капитан, — закончил фразу офицер. — Просто Рашил. И не стоит забивать голову поиском никому ненужных титулов. К тому же я очень рад, что вы нашли время осмотреть порт и таверну. Я вовсе не собирался попрекать вас за неспешность.

— Прекрасный город, — сказал Конан. — Искренне жаль, что не получилось уделить ему чуть больше времени. Все мысли о корабле. Вы ведь понимаете?

— Конечно, конечно, капитан, — согласился «лиловый». — Вы, кстати, виноград пробуйте. Местный, куда лучше турецких и заморских сортов. А какое из него вино делают! Потрясающий букет. Не желаете?

— Нет. Спасибо, — ответил киммериец. — Вино не всякому разговору спутник хороший.

— Прошу простить, капитан, — сказал Рашил. — Вы правы, сначала дело.

— Насколько я понимаю, — начал Конан, — вы в курсе нынешнего состояния моего корабля.

— «Вестрел»? — поинтересовался Рашил. Конан кивнул. — Ужасно. Просто ужасно. Но вы вполне можете собой гордиться. Никто из моих знакомых моряков не сумел бы довести подобное до порта.

— Я бы хотел просить у вас денег и материалов на его починку, — сказал Конан. — Естественно под возврат средств. Хотя я полагаю, единственным приемлемым способом оплаты Хозяева сочтут добычу предмета достаточной магической силы.

— Вы не догадываетесь даже, сколь приятно мне слышать такие смелые слова, — сказал Рашил. — Да, капитан подобные вещи практикуются на Побережье, и до сих пор никто не обвинял нас в непорядочности. Каждый в силу своих способностей способен у служить Хозяевам, и они ценят это, не оскверняя себя отказами, — Рашил вздохнул,

взял горсть винограда и начал медленно её поедать. Конану оставалось только ждать. — Не желаете шербету, капитан?

— Благодарю, — сказал Конан и отрицательно покачал головой.

— А я не откажу себе в удовольствии, — сказал Рашил и хлопнул в ладоши, подзывая слугу, — если позволите. Знаете, капитан, когда я волнуюсь, то начинаю непрестанно есть. Ужасная привычка, не правда ли?

— У каждого из нас есть свои недостатки, — философски заметил Конан, ожидая пока Рашил сам не вернется к теме корабля.

— И опять вы правы! — сказал офицер. — И всё-таки у меня есть маленькое оправдание. А впрочем... какое уж маленькое! Месяц назад передо мной сидел один молодой капитан. Он даже внешне вас чем-то напоминал. Он был амбициозен и горд, да и умен не мало. Как и вы, капитан, он просил послать его на поиски одного из древних артефактов. К нам в это время попала карта. Старая, неизвестного происхождения, сильно смахивающая на подделку. Там были координаты острова, на котором якобы хранится артефакт, позволяющий... Одним словом очень сильный артефакт, и никакой охраны, никаких заклятий, просто затерянный в океане остров. Хозяева проверили её и выяснили, что рисовавший её был и вправду Черным Магом. Но понять был ли он еще и шарлатаном, не смог бы и Тот-Амон. И мы совершили чудовищную ошибку, решив, что всё это выдумка, для проверки который юнец этот вполне пригоден. Через неделю этот капитан уничтожил один из двух сигнальных амулетов, которые мы дали. Его выбор означал, что карта не врала. Но радость наша оказалась преждевременной. По мере приближения к Побережью над кораблем, везущим артефакт, начала зарождаться магическая буря. Вскоре она достигла такой силы, что никакие заклинания не могли пробиться внутрь неё. Две недели назад буря уничтожила корабль. Что там произошло, мы не знаем, но даже следов артефакта не осталось, а море вокруг, словно с ума сошло. Да, капитан, эта та самая буря, от которой вы пострадали. Хозяева, как могли, пытались уберечь корабли внутри неё, но повезло немногим. Она бушует до сих пор, наша магия в силах защитить лишь прибрежные воды.

— Когда она должна закончиться? — спросил Конан. Как бы ни был зол на проклятых змеепоклонников, сейчас он находился на их территории, и должен был вести себя соответствующе.

— Если она будет гаснуть в прежнем темпе, то можно будет выйти в море через три седмицы. На это время мы обеспечим пищей всю вашу команду, но жилье, увы, предоставить не сможем.

— Так как насчет договора? — напомнил киммериец. — Вы чините

корабль, а я беру задание. Могу даже сплавать на тот остров.

— К сожалению не всё так просто, капитан, — сказал Рашил. — Инцидент с гибелью артефакта не остался не замеченным. В Сартосе не только мы занимаемся магией и всем с ней связанным. Здесь есть представители Руки, Павлина, Алого Круга и многих других магических сообществ. Вот, например, туранец за соседним столиком. Если приглядитесь, то увидите, что одно из его колец выполнено в форме Золотого Павлина. Этот сabbатеец в месяц приносит минимум две человеческие жертвы, и мы ничего с этим не можем поделать. Дипломатия. Конечно, большинство чужих магов довольно посредственны. Они выполняют посольские и контрольные функции, попросту говоря, следят за Черным Кругом, иногда, правда, пытаются перехватить добычу. И сейчас настал их звёздный час! Магические ордена всей Хайбории потребовали от Черного Круга приостановить деятельность на Побережье на время проведения расследования, связанного с гибелью древнего артефакта и образования магического шторма. Представьте, капитан, какое невиданное единство! Тот-Амон, решил, что лучше принять требования, тем более что ничего противоречащего магическому кодексу чести мы не совершили. Но теперь, пока они не убедятся, что мы невиновны, а они будут очень долго в этом убеждаться, Хозяева не вправе даже нанять плотника, чтобы починить крышу собственного дома. Простите, капитан, что вынужден вам отказать, но у меня нет другого выхода. Мне искренне жаль.

— Но можно же всё сохранить в тайне, — негромко проговорил Конан. В этот момент поклонник культа Золотого Павлина Сabbатеи вернулся из небытия и очень нехорошо посмотрел на Конана.

— Видите, капитан, — с сожалением проговорил Рашил, — у меня действительно нет возможности вам помочь. Вы уж поверьте, вашим способностям мы бы нашли применение.

— В городе есть какая-нибудь работа, не связанная с Хозяевами?

— Конечно, капитан. Но к конкурентам можете и не подходить. Они сейчас тоже не вправе нанимать людей. Можете пойти в охранники к какому-нибудь караванщику, можете клад какой-нибудь поискать... В Сартосе всяких карт полно, и некоторые, поверьте моему горькому опыту, подлинные.

— Благодарю вас за помощь, Рашил, — сказал Конан, вставая. — Виноград у вас действительно очень вкусный.

Что делать дальше киммериец не знал. Может хоть у Сигурда дела получше.

Их было семеро. Облаченные в серые и черные одежду, традиционные

для местных жителей, они расположились за четырьмя разными столами и следили за играющими в кости. Оружия не было видно, но это означало лишь то, что семеро проявляют необходимую осторожность. Наверняка и входили они в зал по одному.

Конан почти сразу отверг предположение, что им нужен Сигурд. Навряд ли бы на ванира устроили охоту в столь неподходящем месте. Значит, убивать собираются черноволосого парня.

Конан быстрым шагом направился к игровому столу. На его лице было написано крайнее негодование. Настроение было таким, что притворяться практически не пришлось.

— Пошли отсюда! — сказал он, хлопнув по плечу первого помощника. Сигурд смущенно потупил взгляд.

— Капитан, я всё проиграл. Все наши деньги.

— Ничего, — спокойно произнес Конан. — Зато не будет повода задерживаться здесь дольше. Проклятое змеиное логово!

— Конан, — обратился к капитану Сигурд, — ты нашел работу?

— Всё расскажу на корабле! — рявкнул Конан. — Идем!

— Может лучше здесь? — возразил Сигурд. — У меня еще есть вино.

Конан склонился к уху ванира, вознося мольбы богам, чтобы убийцы решили, что пара пиратов просто не желает сообщать миру о своей будущей жертве.

— Не вертись и слушай, — прошептал киммериец. — На твоего черноволосого приятеля похоже объявлена охота. Я заметил, как минимум, семерых, которые с вас, пьяниц, глаз не сводят. Почему они еще не напали, не знаю. Лучше убраться, пока не получили кинжалом по горлу.

— Боишься? — не поверил ванир.

— Если им местные маги ни почем, — отрезал Конан, — то значит, у них в запасе есть нечто очень серьёзное.

— Давай выведем и парня, — предложил ванир.

— Уходим, — сказал Конан. — Это не наше с тобой дело. Лучше пройдем по купцам. Может там всё-таки найдется работа.

— Отказали?! — удивился Сигурд.

— Хуже, — произнес киммериец.

Сигурд переборол желание увидеть потенциальных убийц собственными глазами и озираться не стал, просто грустно посмотрел на Счастливчика и вместе с капитаном направился к выходу.

— Ванир, постой! — вдруг крикнул зингарец и, когда Сигурд обернулся, кинул ему его кошелек с деньгами. — Лови! Ты хороший игрок.

В этот миг один из семерки, замеченной Конаном, достал из-под

рубахи метательный нож и прицелился. Сигурд, увидевший это движение, прыгнул вперед, повалив Счастливчика на пол. Конан, страшно ругаясь, ринулся на двух убийц стоявших у двери. Двуручный меч должен был достать обоих на одной дуге, но прошел сквозь них, словно противники были лишь фантомами. Тот, что повыше нехорошо усмехнулся и, вытягивая из сапога кинжал, двинулся на киммерийца. Времени на раздумья не оставалось, и Конан схватив стоящий рядом стул, метнул его в противника Сигурда, готовящегося к очередному броску, и прыгнул рыбкой в ближайшее окно. Сигурд через мгновение сделал то же самое. К удивлению северян трюк оказался по силам и Счастливчику, правда, приземление у него вышло самым неудачным.

На улице было несколько человек, одетых также как и недавние убийцы, но активности они не проявляли. Рядом с дверью расположился нищий старик. Лысый борец куда-то пропал. Конан счел самым разумным двинуться к кораблю, но словно в ответ на его мысли нужную дорогу перегородила многочисленная толпа безумных митриан. Тем временем убийцы уже появились из дверей таверны.

— За мной, — неожиданно сказал зингарец. — Я знаю, где можно спрятаться.

Конан вопросительно посмотрел на Сигурда. Тот лишь пожал плечами, и пиратам ничего не осталось, кроме как побежать вслед за черноволосым игроком в кости. Убийцы бросились за ними следом.

* * *

Когда погоня отдалилась от дверей “Морского Змея” нищий старик встал, отряхнулся, выбросил шляпу с собранными монетами и двинулся в направлении, выбранном незадолго до него пиратами и их преследователями. С каждым шагом его фигуру было всё тяжелее и тяжелее различать, а вскоре он и вовсе стал невидим.

* * *

Особняк Рашила представлял собой совершенно недоступное для воров сооружение. Для начала, немалым препятствием являлась стена в шесть локтей шириной, неизменно патрулируемая охранниками «лилового». Смельчак, умудрившийся её миновать, оказался бы в саду, в

котором обитал десяток мастифов, специально натасканных на людей. Внутри самого дома располагалось несчитанное множество магических ловушек, срабатывающих исключительно на незваных гостей. Вообще-то местные воры и не пытались проникнуть внутрь. Задача казалась им невыполнимой.

Эмилио усмехнулся, удивившись тому, что довольно неглупые люди подчас упускают из виду элементарные вещи. На то, чтобы соблазнить одну из служанок «лилового» у аргосца ушло два дня. Первоначально каких-то конкретных планов по использованию девушки у него не было, но потребность оказаться в гостях у одного из самых влиятельных людей Сартоса могла появиться в любой момент.

Как выяснилось, он не ошибся. У Рашила оказалась нужная Эмилио информация. Аргосец решил, что в такой ситуации просто необходим разговор по душам в располагающей к доверию обстановке. Служанка почти сразу согласилась провести аргосца в дом. Ей даже не пришло в голову, что направляется он туда отнюдь не ради неё. Стражникам она сказала, что он её брат. Эмилио ужаснулся столь нелепой лжи, но возможности исправить положение у него уже не было. Надо было сразу обсуждать детали, а не поддаваться на девичьи уговоры. Теперь придется придумывать новый план. Но вопреки ожиданиям аргосца стражники и не подумали их останавливать, только пожелали удачи. Мастифы тоже не проявили большой прыти. Подошли, обнюхали и убежали, даже не стали лаять.

В дом они попали через заднюю дверь, ведущую на кухню. Внутри копошились повара, бегали туда сюда слуги с подносами, и никто не обратил на Эмилио ни малейшего внимания. Скорее всего, они даже не могли представить себе, что кто-то посмеет тайно проникнуть в дом одного из самых влиятельных людей города. Была и вторая возможность, о которой Эмилио также не забывал. Его могли ждать.

Уже давно стемнело, так что Рашил должен был уже выехать из таверны, и сейчас находиться на полпути к особняку. Эмилио очень нравилось иметь дело с людьми, которые строго придерживаются распорядка дня. От таких было меньше всего неприятностей. Оставалось тихо избавиться от девчонки, незаметно проникнуть в хозяйские покой и ждать.

Тем временем служанка привела его в одну из пустующих кладовых. Внутри обнаружилась охапка соломы и недопитая бутылка вина. Аргосец даже не пытался скрыть разочарование. Видимо кладовая постоянно использовалась для любовных утех, а потому просто прикончить девушку и

оставить здесь бездыханное тело возможности не представлялось. Жаль. Служанка тем временем уже скинула с себя платье и разлеглась на соломе в самой неприличной позе. Эмилио, как мог, изобразил вожделение и принял раздеваться.

Дальнейшее большого удовольствия аргосцу не доставило: служанка была хоть и горяча, но очень уж неопытна, а самому ему не терпелось побыстрее выбраться отсюда и заняться делом. Какое-то время они обессиленные валялись в объятьях друга и потягивали прокисшее вино. Затем Эмилио очень показательно зевнул и перевалился на бок. Девушка шептала ему на ухо комплименты, требуя продолжения ласк. Сначала аргосец лениво отмахивался, а потом и вовсе притворился спящим. Обиженная девушка начала искать утешение в вине. Именно этого Эмилио и добивался. Тихо перевернувшись, он в нужных местах сжал шею девушки, и она погрузилась в сон, который должен был продлиться не менее полусуток. А даже, если девица и проснется раньше, то решит, что любовь и вино просто-напросто сморили её.

Эмилио быстро оделся и окинул взглядом комнату: обнаженная девушка, немного вина на полу, догорающий в углу фонарь. Ничего подозрительного. Хозяйская спальня к счастью располагалась неподалеку, и у аргосца было немного времени в запасе. На пути ему встретилось несколько слуг, спешивших по своим делам, и одинокий стражник, высматривающий воров по темным углам. Эмилио, однако, он не заметил. Оставалась лишь одна задачка, которая казалась аргосцу интересной. Двери спальни наверняка имели магический замок, к тому же снабженный смертельно опасной ловушкой. Можно, конечно, было истратить её заряд на одного из слуг, но тогда пришлось бы избавляться от тела. У Эмилио имелось в запасе более элегантное решение.

— Хозяин велел доставить ему воды для ванной! — крик аргосца облетел половину особняка.

В большинстве домов из слуг начисто выбивали привычку думать. Они должны были исполнять приказы и только. И сейчас, Эмилио не сомневался, кто-то да выполнит его распоряжение. Будь порядки у Рашила постороже, он никогда бы не пошел на такую авантюру, но в подобной ситуации риск был вполне оправдан. Скрывшись в тени, Эмилио стал ждать.

И действительно, вскоре появилось двое слуг, несущих чан с водой. Аргосец весь напрягся, пытаясь разглядеть, что они будут делать с замком. Однако слуга просто повернул ручку и отворил двери. Никаких заклинаний. Или что-то очень сильное, реагирующее исключительно на

чужаков. Рисковать Эмилио не хотелось, значит, надо было незаметно проникнуть вслед за слугами. Он, не дыша, на цыпочках двинулся к открытой двери, стараясь всё время находиться за спинами впередиидущих. Если бы хоть один из них оглянулся, ему бы пришлось несладко. Пойманым ворам на Побережье рубили головы.

Но, похоже, что Бэл или Дэркето решили помочь своему любимцу, и Эмилио благополучно проник внутрь. Поставив чан, рядом с огромной кроватью, слуги скрылись. Из окон в комнату проникал лунный свет, который дал возможность аргосцу оглядеться и выбрать себе укрытие. В спальне, кроме кровати, было несколько шкафов, заполненных книгами, письменный стол со стулом и шикарное кресло кофийской работы, стоящее перед дверью, ведущей на балкон. Она была слегка приоткрыта, и в комнату проникал прохладный воздух. Рядом с креслом стоял небольшой столик с графином и хрустальным бокалом. Видимо, «лиловый» любил перед сном выпить бокал вина, любуясь небосводом. Эмилио решил исходить из того, что и сегодня он не изменит своей привычке. Для начала он оттащил чан с водой в дальний угол комнаты, где он не сильно бросался в глаза. Затем представил себе возможные передвижения Рашила по комнате перед тем, как тот займет место в кресле, и выбрал себе такое укрытие, чтобы не попасться ему на глаза. Была лишь одна опасность: кто-то из слуг мог сказать про ванну. Тогда всё очень и очень усложнялось. К счастью такая вероятность, по мнению аргосца, была ничтожно мала.

Ждать пришлось довольно долго. К еде «лиловый» относился с великим уважением, а потому процесс её поглощения проходил очень неспешно. К тому времени, когда дверь в спальню отворилась, Эмилио уже немного нервничал. Дыры в его плане начинали ему казаться большими, чем это представлялось ранее. Рашил, тем не менее, полностью оправдал его ожидания, проследовав точно по проложенному для него аргосцем пути.

После того как «лиловый» уселся в кресло, Эмилио вынул из сапога кинжал, и аккуратно подкрался к хозяину дома. Когда холодная сталь коснулась горла Рашила, тот вздрогнул. Хороший знак. Значит, визитеров он не ждал.

— Добрый вечер, — сказал Эмилио, чуть-чуть отодвигая клинок. — Мне кажется, у нас найдутся общие темы для беседы.

— Я полагаю, — ответил Рашил, — что вы понимаете: я не в том положении, чтобы с вами спорить.

— Именно, — согласился Эмилио.

— И о чём же вы хотели поговорить? — поинтересовался Рашил.

— О человеке, которого вы зовете Счастливчиком, — сказал Эмилио. — Кто он?

— Человек. Самый обыкновенный, — сказал Рашил. — Может, уберете нож? Сет свидетель, у меня нет причин не побеседовать с вами.

— Нет. Я вам не доверяю, — сказал Эмилио. — Можете считать это комплиментом. Вернёмся, всё же, к заданному вопросу. На мой взгляд, человек, постоянно обыгрывающий всех в кости и продающий карты, ведущие к демонам в пасть, обыкновенным не является. Странно, что маги Черного Круга придерживаются иного мнения. Впрочем, я допускаю, что вы меня просто обманываете.

— Как вы могли такое подумать! — возмутился Рашил. — Эмилио? Вас ведь так зовут? Вы сегодня сидели за столиком с прекрасной Дэраной и слушали все мои разговоры. Я тоже кое-что слушал.

— Замечательно, что я имею дело со столь наблюдательным человеком, — заявил Эмилио. — Это означает, что мне не придется вам рассказывать о том, что на Счастливчика охотились люди, которым ни почем добрая сталь.

— А вам он, вообще-то, интересен живым или мертвым? — спросил Рашил.

— Я уже говорил, — ответил Эмилио, приблизив клинок к шее “лилового”. — Мне нужно знать лишь, кто он такой. Я не верю, что Хозяева им не интересовались.

— А я уже вам ответил, — сказал Рашил, — что он самый обыкновенный человек. Хозяева проверяли его. Дважды. Никаких способностей к магии.

— Тогда, почему вы натравили на него киммерийца сегодня? — поинтересовался Эмилио.

— С чего вы взяли?! — возмутился Рашил. — Даже, если бы я хотел его нанять, то не смог бы этого сделать. Вы же слышали наш разговор!

— С того, что вы предпочли закрыть глаза на убийц в таверне, — ответил Эмилио. — С того, что ваши люди начали обход территории у таверны с таким расчетом, чтобы спровоцировать нападение на Счастливчика в нужный момент. Попрошайки многое замечают вокруг, даже переодетых магов. А за золотую монету они охотно делятся информацией.

Эмилио блефовал. Он ничего не узнавал о передвижениях патрулей лиловых, но был готов ставить что угодно на то, что он в точности угадал происходившее днем.

— Какое невероятное предположение! — сказал Рашил. — Но

представим, что описанное вами и вправду происходило. Что тогда?

— Тогда вы мне еще расскажите, — ответил Эмилио, — что это за парочка пиратов такая, ради которой вы устроили так расстроившее купечество штормовое представление.

— Ничего мы не устраивали, — обиделся «лиловый». — Всё, что я рассказал киммерийцу, чистейшая правда. Если не верите, то можете хоть сейчас перерезать мне глотку. Хотя бы избавлюсь от проклятых разбирательств со всеми этими магическими ищёйками. Мы действительно потеряли тот артефакт!

— Ну, даже, если это и так, — согласился Эмилио, — то почему именно эти двое?

— Разве сцена в тавerne не показала, — ответил Рашил, — что именно эти двое лучше всего подходят для третей проверки?

— Чем закончились две предыдущие? — спросил аргосец.

— Я полагаю, что вы знаете об этом больше, чем я, — сказал Рашил. — Карта, клад, демоны. Больше нам ничего неизвестно. Исследовать природу этого места невозможно: маги оттуда живыми не возвращались. Известно, что подземелье каждый раз оказывается на новом месте. Иногда оттуда выбираются живыми. Однажды даже вынесли часть клада. Большинство выживших в Сартосе, да и на Побережье в целом больше не показываются. Некоторые, подобно вам, ищут мести. Кто-то пытается лично расплатиться по долгам, кто-то нанимает убийц. Парень, однако, до сих пор жив и вовсю продает свои карты. Так что, искренне советую вам отказаться от вашей затеи.

— Благодарю, — ответил Эмилио, — и за совет, и за содержательный рассказ. К сожалению, должен с вами рас прощаться. Дела. Надеюсь, ваши слуги не будут меня чинить мне препятствий.

— Что вы! — вскрикнул Рашил. — Я провел прекрасный вечер за беседой с вами и не намерен портить его ненужными кровавыми сценами. Я попрошу, чтобы вас проводили.

Эмилио улыбнулся и убрал кинжал назад в сапог. В искренности последних слов «лилового» он не сомневался. Он был нужен ему, как и те двое пиратов. В провожатые ему достался старик-слуга, лицо которого показалось Эмилио смутно знакомым.

* * *

Вокруг была абсолютная темнота.

Ни звуков, не запахов.

Покой.

Внезапно яркий синий луч прорезал пространство. С ним пришли чувства.

Боль. Ярость. Одиночество.

Свет становился сильнее.

Бессилие. Обреченность.

На одном конце луча возникла фигура девушки. Черные волосы её разметались по плечам, одежда была изорвана.

Ему захотелось приблизиться к ней, и он не видел причин, по которым не должен был этого делать. Он скользил сквозь тьму, оставаясь незамеченным.

Девушка двигалась вдоль линии. Бежала. На её лице был написан ужас.

Вероятно, причиной этому были три огромных черных зеленоглазых существа, что преследовали девушку.

Он решил какое-то время не вмешиваться, понаблюдать, находясь в определенном отдалении от синий линии. Она его пугала. Слишком много новых ощущений рождалось вблизи неё.

Существа приближались к девушке. Впереди же возникло огромное синее поле, за которым темнота исчезала. Оно пылало. Искры от него разлетались на десятки шагов, освещая пространство. Одна мелькнула совсем рядом с девушкой, и он смог различить черты её лица. Она была воистину прекрасна.

Страх исчез.

Девушка оглянулась, чтобы оценить расстояние от преследователей, и содрогнулась всем телом, когда поняла, что не успевает выбраться из тьмы. Из глаз её текли слёзы. Она пыталась бежать быстрее, но силы оставляли её.

Тогда он решил вмешаться. В темноте, как он уже понял, можно было двигаться с любой скоростью. Он приблизился к девушке, и вступил на путь, позади неё. В его руках возник длинный двуручный меч. Девушка видимо что-то услышала, а потому в очередной раз оглянулась.

Удивление, надежда, благодарность: то, что он прочел в её взгляде.

Преследователи были совсем близко, и он махнул девушке рукой, чтобы та продолжала свой путь.

Существа приблизились на расстояние достаточное для удара мечом. И он не замедлил воспользоваться этой возможностью, расколов голову первой твари пополам. Вторая попыталась ухватить зубами меч, а третья

проскользнуть под ним. Он отпрыгнул, несколько раз перевернувшись в воздухе. Нападавших это немного смутило. С таким они прежде не сталкивались. Этим необходимо было воспользоваться, и он совершил еще один прыжок. На этот раз за спины тварей. Те развернулись довольно быстро, но всё-таки недостаточно. Один из демонов лишился головы, а второй получил ранение в лапу. Тварь взмыла и начала медленно отступать.

Девушка тем временем достигла синего поля, и её фигура начала постепенно растворяться в нем. Ему захотелось уйти вместе с ней, но проклятая тварь загораживала дорогу. Сначала было необходимо с ней справиться. Бросившись вперед, он начал крутить мечом мельницу. Тварь пятилась, пытаясь выбрать момент для атаки. Он сделал вид, что совершил слишком сильное движение правой рукой и из-за этого в его обороне появилась брешь. Тварь поверила, за что расплатилась раной в живот, которая оказалась смертельной.

Он отбросил бездыханное тело прочь с пути и рванулся к исходящему искрами полю. Но девушка уже исчезла. Обессиленный он опустился на путь, радуясь хотя бы тому, что сумел спасти ей жизнь.

Тогда Счастливчик проснулся. Кошмар всегда обрывался на этом месте. Иногда он задумывался, почему считает этот сон кошмарным, но никакого логического объяснения в голову не приходило.

* * *

Конан и Сигурд сидели за столом в доме у Счастливчика и обсуждали сложившееся положение. Зингарец же в это время преспокойно отсыпался. Прошлым вечером он привел их к себе, заявив, что место безопасное: он всех в этом квартале знает, и семерке призрачных убийц их никто не выдаст. Квартал, разумеется, был воровским. Сигурд выражал определенные сомнения, утверждая, что за звонкую монету тут и родную мать продадут. Конан, проживший в подобных местах отнюдь не малое количество времени, с ним активно не соглашался. Спор длился долго. Время от времени в него включался и зингарец. Потом ему это надоело, и он, улегшись в гамак, заснул.

Гамак являлся одним из пяти предметов местной обстановки. Остальным были стол, два стула и сундук с вещами. Потолок лачужки всем своим видом показывал, что вполне готов обвалиться на головы гостей и почивавшего хозяина.

К полуночи пираты сошлись на том, что надо не спорить, а

распределить дежурства. Первым на вахту заступил Конан. Сигурд улегся прямо на полу, использовав в качестве подушки пару скомканных хозяйствских рубашек. Ближе к утру киммериец его разбудил. Ничего подозрительного за это время не произошло. Сигурд недовольно зевнул, но всё-таки поднялся, уступив спальное место капитану. Сидеть и просто плятиться на дверь ваниру не хотелось, и он занялся полированием секиры. Вскоре начали раздаваться первые крики петухов, а сквозь щели в двери стали пробиваться лучи восходящего солнца. Ванир решил, что пора будить капитана. Необходимо было решать, что делать дальше. Причем Счастливчику о деталях этого разговора было лучше не знать.

— Ты половину своей вахты скостили, — пожаловался Конан, нещадно растолканый первым помощником.

— Лучше поговорим, пока он спит, — сказал Сигурд, кивнув в сторону Счастливчика.

— И еще проспит неизвестно сколько, — проворчал Конан, но всё-таки поднялся.

Сигурд уже сидел за столом, явно ожидая, что капитан к нему присоединиться. Однако Конан сначала подошел к Счастливчику иостоял рядом с ним с полсотни ударов сердца, пытаясь определить крепко ли тот спит. Наконец, удовлетворенный результатом, он уселся напротив Сигурда и предложил тому высказать свои мысли по поводу их дальнейших действий.

— Надо выбираться и искать того, кто даст денег на ремонт «Вестрела», хотя, насколько я понял из твоих слов, задача эта почти невыполнима. Если ничего не получиться, выберем ребят из команды покрепче и попытаемся наняться охранниками в один из караванов. От платы за постой «Вестрела» я думаю, мы сумеем отговориться. В конце концов, это местные маги виновны в том, что корабль сейчас немногим отличается от решета.

— А что с нашими вчерашними знакомыми? — поинтересовался Конан. — Думаешь, нас с тобой оставят в покое?

— Кто их знает?! — философски заметил ванир. — Может да, а может и нет.

— Надо будет спросить у нашего хозяина, — сказал Конан, — что это вообще за люди и почему за ним охотятся. Похоже, что настроены они серьезно. Если бы мы вчера не вмешались, ему бы не жить.

— Узнаем, — сказал Сигурд. — Можно еще навестить твоего знакомого... Как его?

— Рашила? — подсказал Конан.

— Рашила, — продолжил Сигурд. — Не могли местные власти оставить подобное без внимания. Пытались убить человека практически на глазах у представителя Хозяев, да еще с использованием магии.

— Могли, — не согласился Конан, — если они сами этих молодчиков наняли. А если и не так, то возможно, увидев, что мы ими интересуемся, убийцы заинтересуются и нами. А у нас и без этого проблем предостаточно. Так что, пока нас зингарец не просветит на счет произошедшего, из лачуги лучше не вылезать. Странно, что вчера забыли его хорошенько расспросить.

— Не до того было, — с сомнением в голосе сказал Сигурд. — Хотя действительно странно. Даже имя его настоящее не узнали.

— А я его и сам не знаю, — заметил Счастливчик. Он сидел в гамаке и сонными глазами смотрел на приятелей. — Я, вообще, очень многоного о себе не знаю.

— Как это? — удивился Сигурд.

— Около года назад я проснулся, — начал свой рассказ Счастливчик, — в одной из комнат «Морского Змея». Я был одет в недорогие брюки и рубашку светло-серого цвета, вроде тех, что носили те вчерашние наши преследователи. На столе лежал кошель с небольшим количеством серебряных монет зингарской чеканки. Я не помнил ни кто я, ни откуда. Не знал и где я сейчас. Очень странное чувство. Я немного посидел на кровати, пытаясь хоть что-нибудь вспомнить. В голове мелькали какие-то образы, понемногу приходили названия вещей меня окружавших. Я догадался, что нахожусь в одном из тех мест, где люди платят деньги за еду и кров. Но ничего более конкретного в голову не приходило, и я решил покинуть комнату. Тогда «Морской Змей» произвел на меня просто неизгладимое впечатление: все эти иллюзии, множество непохожих друг на друга людей, непрекращающийся шум. Я так и стоял с открытым ртом, пока одна из официанток не поинтересовалась, чего я желаю. Желал я узнать, что же со мной происходит, но что-то мне подсказало, что вряд ли девушка способна ответить на этот вопрос, и я попросил порцию жаркого и фруктов. Увидев моё легкое замешательство, и видимо приняв его за последствия бурно проведенной ночи, официантка взяла меня под руку и усадила за один из свободных столов. Через какое-то время она вернулась с заказом. Я поинтересовался его стоимостью, и когда выяснилось, что еда мне вполне по карману, поблагодарил девушку и приступил к трапезе. Постепенно возвращались некоторые воспоминания. Главным для меня стало то, что я понял, у кого я могу узнать что-нибудь о себе. В таких заведениях обязательно есть человек всем заведующий, в том

числе и сдачей комнат. Хозяин. Я попытался определить, кто из присутствующих внизу людей подходит на его роль. Наиболее вероятной кандидатурой мне показался полный лысеющей человек, сидевший рядом со стойкой и покрикивающий на служек. Я подошел к нему и вежливо поинтересовался, на чьё имя записано моя комната. Его мой вопрос премного позабавил. Комнаты с тем номером, который я назвал в таверне никогда не было. Я предложил подняться наверх и показать ему то место, где я очнулся. Он рассмеялся и сказал, что было бы неплохо, если бы я сначала сходил и убедился в своей правоте в одиночку. И я последовал его совету. К своему величайшему удивлению, на том месте, где располагалась дверь моей комнаты, я обнаружил глухую стену. Не знаю, что нашло на меня в тот момент. Величайшая тоска сжала мою душу в своих объятьях. Я был совершенно одинок в мире мне не знакомом. Хотелось исчезнуть, перестать существовать. Даже мысль о том, что если я покончу с собой, а моё тело будет всё еще здесь, в материальном мире, пугала меня до дрожи в коленях, — Счастливчик попытался улыбнуться, давая понять, сколь глупым теперь ему кажется его тогдашнее состояние. Но вышло это у него не очень убедительно, и он продолжил рассказ. — Иногда это чувство возвращается. Жутко тяжело ему противиться. Может однажды я и поддамся... Если хватит храбости... Вообще, в то утро я, совершенно не понимая, что делаю, двинулся прочь из таврены. Тогда меня окликнул один из игроков в кости, предлагая присоединиться к игре. Почему он так поступил? Может жаждал легких денег, может хотел мне помочь... Не знаю. Играл я не задумываясь, всё происходящее вокруг меня мало интересовало. Я жаждал забвения. Но постепенно, с каждой выигранной ставкой во мне стал просыпаться вкус к жизни. Я собрал все деньги, что ставились на кон в тот день. Тогда я и заработал прозвище Счастливчик. Меня считали кем-то вроде тех несчастных служителей Митры, что смешат заезжих моряков. Подумав, я решил снять комнату в «Змее». На этот раз она оказалась вполне реальной. Хозяин заведения, звали его Хирамом, потом за кружкой вина втолковывал мне, что я, скорее всего перебравший лотоса зингарский моряк, отставший от своего корабля. Я попросил сказать его что-нибудь на зингарском. Фразу его я понял, но сам произнести что-нибудь на языке, который должен был быть родным для меня, я не смог. Жил я в гостинице недолго. Постояльцы стали подозревать, что я мошенник, состоящий в заговоре с Хирамом. Произошло это оттого, что на игорном столе я раз от раза собирал все деньги. Тогда Хирам нашел для меня этот дом. Хороший человек. Мне не хотелось ставить и себя, и его в неудобное положение, и я перебрался из таверны сюда. Не самое плохое

место, если не иметь здесь врагов и регулярно платить кому надо. Благо суммы вполне приемлемые. В «Змее» я теперь появлялся реже, только, если очень требовались деньги.

— Занимательный рассказ, — сказал Конан. — Только он ничуть не объясняет того, почему за тобой охотятся люди, не боящиеся даже местных магов. Навряд ли они настолько расстроились из-за проигрыша в кости. Очень хотелось бы знать, в какую именно историю ты нас втянул. Не хочешь ли просветить нас на этот счет?

— Это произошло, когда я уже жил здесь, — продолжил Счастливчик. — По соседству со мной жил один зингарец, Камилес. В Сартосе он жил с самого детства, но происхождением своим гордился страшно. И разглядев во мне соотечественника, да еще и подобно ему исконной родины ни разу не видавшего, сразу же проникся ко мне симпатией. Он занимался тем, что продавал заезжим морякам поддельные карты с сокровищами. В Сартосе многие этим занимаются, но Камилес был настоящим профессионалом. В юности он был охранником у одного шемского купца. Его караваны исходили половину всего хайборийского Полудня. Камилес же зарисовывал многие участки пути, не задумываясь тогда еще о будущей профессии. Просто из любви к искусству и на случай, если придется очутиться там в одиночку. Случай ему представился, когда на его караван, напало одно из кочевых племен, обитавших на границе Стигии и Шема. Тогда из десятка выживших лишь несколько человек смогло добраться до цивилизованных районов. После этого Камилес решил рас прощаться с мечтами о воинской карьере и обосноваться в родном Сартосе. Здесь нехватка денег и толкнула его на скользкий путь мошенничества. Он наносил на папирус маршруты своих странствий, пытаясь делать места захоронения сокровищ максимально правдоподобными. Это дало определенный результат, и вскоре он уже мог не думать о том, где переночевать и чем набить желудок. К своему занятию он постепенно начал приучать и меня. Камилес показывал, что надо делать с папирусом, чтобы его состарить, рассказывал, какие обозначения использовались картографами разных стран и времен, учил правильно обращаться с покупателями. Вскоре я нарисовал свою первую карту. Ей было очень далеко до шедевров Камилеса, но один золотой аквилонской чеканки я тогда за неё выручил. Ох, и набрались же мы по этому поводу! Постепенно у меня стали получаться всё более удачные образцы, некоторые было даже жалко продавать. Я сначала не понимал, почему я этим занялся: игра в кости меня вполне обеспечивала. Потом догадался. Когда я рисовал, на меня никогда не нападала та самая тоска. Я впервые

был счастлив. Но однажды случилось нечто невероятное. В Сартос прибыл один из моих бывших покупателей и принял меня разыскивать. В этом то ничего необычного не было. Я скрылся у одного из знакомых в квартале, и обнаружить меня он, разумеется, не смог. Просто позже выяснилось, что он нашел сокровище, обозначенное на моей карте, и всего-навсего собирался меня отблагодарить. Я ничего не понимал. Камилес объяснял произошедшее моей невероятной удачей.

Счастливчик остановился перевести дыхание. Между делом он достал из сундука с одеждой бутыль вина и поочередно предложил её Конану и Сигурду. Когда оба отказались, он непонимающе хмыкнул и отпил сам.

— Как бы то ни было, теперь от желающих приобрести карту, — продолжил зингарец, — отбоя не было. Я даже не успевал рисовать. Ситуация было двоякой. С одной стороны я начал зарабатывать столько, сколько мне и не снилось. С другой, я понимал, что тот случай был лишь невероятным совпадением, и теперь, когда все эти искатели сокровищ поймут, что их просто-напросто обманули, мне придется несладко. Но произошло то, чего я не мог и представить. Посреди пустынь, где я зарывал вымышленные сокровища, действительно обнаруживались развалины древних храмов, оазисы с крепостями из алоого камня, несколько раз встречались пирамиды. То есть всё то, что выводил я своей рукой на папирусе. Только добыть денег больше не удавалось никому. И лишь немногим случалось вернуться живыми. Некоторые из них решили, что на гибель послал я их намеренно. За мной устраивали настоящую охоту. Мне удавалось раз от раза избегать гибели, но сказать, что я рад этому, значит соврать. Многих моих друзей убили люди, нанятые выжившими кладоискателями, в том числе и Камилеса. «Лиловые» закрывали глаза на то, как мы зарабатывали деньги. Теперь они закрывают глаза на эту травлю.

— Ты пытался объясниться с этими людьми? — спросил Сигурд.

— Без толку, — ответил Счастливчик. — Большинство из них было наемниками. У остальных же в глазах было лишь безумие и страх. Они ни с кем не собирались делиться произошедшим с ними. Тем более со мной. Однажды я сам попытался пройти по своей карте, но увы... Я обнаружил лишь пустыню. Я думал о том, чтобы уехать куда-нибудь на Полночь... Но дальше планов дело не пошло. Сартос — единственное место, которое я знаю. Я привык жить здесь.

— И что теперь? — поинтересовался Сигурд. — Вернулся к игорному столу?

— Нет. Вчера я просто зашел выпить, — сказал Счастливчик. — Ну и не смог удержаться и не метнуть пару раз кости. Что было дальше, вы

знаете. А рисовать я, наверное, не перестану никогда, даже, если эти проклятые карты перестанут покупать, а их даже и сейчас берут с удовольствием.

Счастливчик сделал пару больших глотков, полностью осушив бутылку, чем расстроил Конана только собиравшегося попросить вина. Сигурду показалось, что у капитана как-то нехорошо загорелись глаза.

— А много денег нашел тот первый? — поинтересовался Конан.

— Ему хватила на имение неподалеку от Сартоса, на гарем, придворного мага и лекаря. По-моему еще немного осталось. Во всяком случае, именно такие слухи ходят.

— Так! — сказал Конан, поднимаясь со стула. — Пошли к тебе в мастерскую. Ты ведь не здесь рисуешь, верно? Будем искать ближайшее к нам сокровище. Из города всё равно убираться надо, а то нас эти наёмнички быстро к Нергалу отправят. Заодно, раздобудем денег на ремонт корабля.

Счастливчик закатил глаза, давая понять, как он оценивает степень разумности принятого киммерийцем решения. Сигурд тоже имел определенные сомнения.

Киммериец заметил их замешательство.

— Кром! — расхохотался Конан. — Вы, что за дурака меня принимаете?! Никто не собирается опрометью бежать в пустыню. У меня есть один план, вернее его наметки. Если всё пойдет, как надо, мы добудем деньги. Ну а если нет, то уже тогда будем думать стоит рисковать или нет.

Сигурд посмотрел на зингарца и пожал плечами, показывая, что ничего не понял. Счастливчик на секунду задумался, а потом вздохнул так, словно только что принял непростое решение.

— Ладно, — произнёс черноволосый мошенник. — Идем. Я проведу вас в свой храм.

С этими словами он распахнул дверь своей лачужки, и, не дожидаясь соизволения своих спасителей, вышел наружу. Пиратам не оставалось ничего, кроме как в очередной раз последовать за ним.

На улице было еще прохладно. Солнце только появилось над горизонтом, а с моря дул довольно сильный ветер. Сигурд с Конаном наконец получили возможность оглядеть окрестности того места, где им суждено было провести ночь. Во время вчерашней погони им и в голову не пришло любоваться местной архитектурой.

Впрочем, смотреть особо было не на что. Убогие одноэтажные домики, узкие улицы, грязь. Аромат нечистот мешался с запахами соли и подгнивших фруктов. Людей было мало, зато повсюду сновали тощие

собаки. Правда, по непонятной причине сюда тянуло еще и безумных митрианцев, к которым у Конана за время его пребывания в Сартосе выработалась стойкая неприязнь. Последняя замеченная им шайка этих ненормальных, встав на четвереньки, гонялась за парой дворняг, оглашая окрестности невообразимым лаем. Псы, чуя недоброе, даже не пытались сопротивляться, приложив все силы к бегству. Однако митрианцы ненамного от них отставали. Конан от души подивился той скорости, которую они умудрились развить. Внезапно один из жрецов остановился, повел носом, развернулся в сторону пиратов и тихо тявкнул. К счастью большая часть его товарищей уже скрылась за поворотом, и он, немного подумав, побежал вслед за ними. Конан про себя вознес молитву Крому.

— Счастливчик, Сигурд, — обратился киммериец к своим спутникам, — ведь то восстание против магов лет двести назад произошло. Почему эти безумцы еще живы? Их что бессмертием еще наградили?

— Не-а, — ухмыльнулся зингарец. — Это просто Хозяева с противоборствующим культом борьбу ведут. В качестве наказания за тот заговор они митрианам лет пятьдесят назад вот что придумали. Теперь каждый второй присланный сюда с Полunoчи жрец примерно через месяца два рассудка лишается. Желающих нести свет Митры людям, конечно же, сразу поубавилось. Так теперь сюда провинившихся в грехах телесных монахов ссылать стали. Говорят, если раскаялся в грехах своих, то защитит тебя Пресветлый от магии змеиной, ну а если нет, то пеняй на себя.

— Политика, — многозначительно заявил Сигурд.

— Угу, — согласился с ним Счастливчик.

После этого глубокомысленного замечания разговоры надолго стихли. Настроение у всех было довольно мрачное. Сигурду поспешность принятого Конаном решения очень не понравилась. Истории, рассказанной Счастливчиком, он сам поверил. Но когда стоит вопрос жизни и смерти, на веру полагаться глупо. Капитан человек довольно осторожный, и, значит, думает точно так же. Поучается, что Конану интересно не сокровище, а нечто совершенно иное. Желает скрыться от убийц? Навряд ли. Из рассказа стало ясно, что им нужен только Счастливчик, и можно было бы совершенно спокойно перебираться на «Вестрел». Непонятно. Ванир решил при первой же возможности выяснить, что же за план у капитана.

Улица тем временем становилась всё уже и начала совсем безбожно плутать. Вокруг стало очень тихо, даже собаки не попадались на глаза. Теперь уже ни в одном из домов нельзя было увидеть окон. Местные постройки отличались приземленностью и крепостью. Воздух вокруг стал заметно чище, но всё ощутимее становился непонятно откуда взявшийся

запах жареного мяса. Когда он стал почти невыносимым для голодных пиратов, Счастливчик в полголоса сообщил, что они пришли, и указал рукой на один из домиков внешне ничем от других не отличающийся.

Зингарец подошел к двери и постучал, выбивая известный лишь ему ритм. Через какое-то время внутри что-то щелкнуло, и Счастливчик сделал Конану с Сигурдом знак, чтобы те подошли поближе. Из-за двери начал доноситься неприятный писк, от которого заломило виски. Счастливчик жестом показал, что всё идет, как надо. Неожиданно шум прекратился, и дверь распахнулась.

Зрелище, открывшееся внутри дома, заставило содрогнуться даже повидавших виды северян. У дальней стены стояла статуя Золотого Павлина. Перед ней горел костер, рядом с которым лежало два расчлененных трупа. Пятеро людей стояли на коленях перед Павлином и самозабвенно наслаждались запахами, идущими от костра. Еще один человек, вероятно жрец, аккуратно отделял от трупов кусочки мяса и бросал их в пламя. Возле него стояло с десяток маленьких ступочек, заполненных различными порошками, щепотки которых он время от времени вскидывал над костром. От этого пламя выбрасывало вверх языки и на какое-то время меняло свой цвет.

Заметив, что людей в домике поприбывалось, жрец обернулся. Конан узнал в нем вчерашнего туранца. Тот тоже узнал киммерийца и улыбнулся ему, как старому знакомому. Счастливчик удостоился жеста, который можно было истолковать, как приглашение присоединиться к церемонии. Зингарец отрицательно покачал головой, и жрец вернулся к своему занятию. На этот раз он обратил своё внимание на правый глаз одного из трупов. Пара умелых движений ножом, и вскоре его пожрало пламя. Тем временем один из послушников достал из-за пояса кинжал с гардой в виде павлина, подцепил им один из обуглившихся кусков мяса, вынул его, и, не давая тому остыть, впился в него зубами.

Конан и Сигурд стояли, как завороженные, не в силах отвести взгляд от ужасающего зрелища. Счастливчик же в это время костяшками пальцев выбивал ритм на правой стене. Раздался режущий уши треск, и часть стены, казавшейся до того монолитной, повернулась вокруг своей оси, открывая проход. Зингарец окликнул пиратов и нырнул внутрь. Конан с Сигурдом не замедлили присоединиться к нему. Внутри была винтовая лестница, ведущая куда-то вниз. Слабое освещение давали факелы, располагающиеся на стенах.

На глубине около двенадцати локтей находилось помещение, заметно отличающееся от находящегося на верху храма. Конану оно напомнило

одну из мастерских Дворца Искусств Мессантии. На площади, не уступающей основной зале «Морского Змея», находилось великое количество стендов для рисования, всевозможных скульптурных заготовок, шкафчиков для хранения инструментов. Кое-где на полу валялись папирусы. Людей внутри было не очень много, человек пятнадцать, но создавали они суету неимоверную. Кто-то из них, пробегая мимо, кивал Счастливчику, кто-то подозрительно смотрел на Конана с Сигурдом, но большинству до них не было никакого дела.

— А вот и наш храм! — с гордостью заявил Счастливчик.

— Да, хорошенькое укрытие вы себе выбрали, — с немалой долей иронии в голосе сказал Сигурд.

— Что поделаешь? — сказал Счастливчик. — За возможность спокойно поработать приходится платить. Вы бы стали искать здесь подобную мастерскую? Вот. И никто бы не стал. Саббатейцам мы платим, и они хранят молчание. Недавно даже предложили ауру всех приходящих проверять. Мыслей не читают, но настроение улавливают. Будь оно не совсем обычным для этого места, ваши шансы выбраться отсюда живыми заметно бы упали.

— А почему мы вчера здесь не укрылись? — поинтересовался Сигурд.

— Ты доверяешь людям, питающимся человечиной? — спросил Счастливчик. Ванир энергично замотал головой. — Вот и я не доверяю.

Конан тем временем восхищенно озирался вокруг, вспоминая свою воровскую молодость. Даже в Шадизаре изготовление поддельных произведений искусства, магических артефактов, драгоценностей и тому подобных вещей не было поставлено на столь широкую ногу. Особенno его поразили два увиденных здесь типа людей. Первые занимались тем, что посредством неприятно пахнущих растительного происхождения жидкостей придавали нужный возраст пергаментам и папирусам, им передаваемым. Вторые оценивали уже изготовленные подделки, указывая на найденные недостатки. После увиденного Конан зарекся покупать в Сартосе что-нибудь, кроме фруктов.

— Ну, а это моя маленькая сокровищница, — сказал Счастливчик, подводя друзей к одному из ящиков.

Он немного провозился с замком. Тот ввиду сложности конструкции даже ключу время от времени сдаваться не желал. Когда же зингарцу, наконец, удалось распахнуть дверцу, к его ногам вывалилась целая гора свитков.

— Никак не получается их нормально расположить внутри, — сказал он извиняясь.

* * *

Небольшой кораблик с перепачканными смолою бортами и оттого совершенно неподходящим ему названием «Блистающий» находился в порту Сартоса около месяца. В его трюме не было груза. На палубе не было приспособлений для рыбной ловли. Из этого можно было сделать вывод, что кораблик промысловым не был. Для прогулочного же корабля «Блистающий» был слишком неопрятен.

Портовые рабочие, проходящие мимо него, ни разу не замечали людей на его палубе. Однако плату за простой «Блистающего» вносили в срок и в должном размере, так что властям до корабля не было никакого дела.

Но иногда, чаще всего перед самым восходом, на корабль всё-таки приходили люди. Смуглые, небольшого роста, одетые в черное с серым. Их вид был слишком типичен для Сартоса, чтобы кто-нибудь ими заинтересовался. Появились они и в ночь после разгрома в таверне «Морской Змей», о котором судачил весь город. Первый прибыл на корабль почти сразу после того, как солнце скрылось за горизонтом, последний незадолго до рассвета.

Кают, в которой собирались эти люди была под стать «Блистающему», маленькая и неказистая. Единственными здешними предметами обстановки были семь стульев и круглый стол, на котором чадила масляная лампа, наполняющая воздух гарью. Шесть стульев были заняты людьми, настолько похожими друг на друга, что можно было принять их за единокровных близнецов. Последний присутствующий на встрече человек стоял. Казалось, что он был чуть-чуть выше и постарше остальных. Он обвел взглядом каюту, внимательно всмотрелся в глаза сидящих за столом людей, словно пытался заглянуть в их души. Затем он достал из-за пояса кинжал, сделал надрез на ладони и поднес руку к столу, чтобы кровь стекала на его поверхность. Одновременно с этим он начал читать заклинание, на языке по своему звучанию напоминавшем один из полуночных. Один за одним сидящие добавляли к творимому заклинанию свою кровь, используя такие же кинжалы, как и у их товарища. Слов они не произносили.

Кровь под воздействием магии растеклась по всему столу и начала постепенно испаряться. Воздух в каюте стал приобретать алый оттенок. То здесь, то там вспыхивали искры. Когда их стало столько, что от их блеска начало рябить в глазах, человек по правую руку от стоящего начал плести своё заклинание. Рой искр устремился к нему, полностью скрыв его фигуру от глаз присутствующих. Голос его тонул внутри образовавшегося

магического кокона, становясь всё тише и тише. Когда он смолк совсем, искры начали разлетаться в стороны, освобождая заклинателя. Облик его претерпел разительные перемены.

Пред взорами собравшихся предстал очень красивый человек со светлыми волосами, голубыми глазами и высокими скулами. Аристократичность пропитывала весь его образ. Одет он был во всё красное.

В это время человек, находившийся справа от него, начал творить свою магию. Вновь искры окружили заклинателя, а затем разлетелись прочь, также изменив его внешность. Одежды его стали желтыми. Волосы были цвета пшеницы, глаза зелеными. Был он очень могуч, высокого роста, с огромными плечами. Подобные изменения вскоре произошли и со всеми собравшимися.

Третий, облаченный в серебряные одежды, был невысок и кряжист, имел очень коротко остриженные черные волосы и серые глаза.

Четвертый был одет в зеленое. У него было приятное лицо с небольшими, очень аккуратными чертами лица. Длинные черные волосы были собраны в хвост.

На его соседе были синие одежды. Единственный из присутствующих он носил бороду. Этот факт уравновешивало полное отсутствие волос на голове.

Последний из сидящих был облачен в коричневое. Его облик характеризовался прежде всего огромным выпирающим вперед подбородком. Небольшие черные глаза были очень глубоко посажены. Волосы его были каштановыми под стать одежде.

Перемены коснулись и самого первого заклинателя, так и не прервавшего ни на миг своего речитатива. И его рубаха, и его штаны стали снежно белыми. Волосы были черными, с сединой на висках. Глаза у него были небесно-голубые, лоб отметили своим присутствием несколько неглубоких морщин.

Когда искры метнулись прочь от его фигуры, все семеро собравшихся запели новое заклинание. Изменилось произношение, скорость, ритм. В некоторых словах стал угадываться староаквилонский. Теперь каюту постепенно начало наполнять нежно-голубое свечение. Искры стали оседать на предметах обстановки, меняя свою структуру и растягиваясь по ним словно масло. Не касалась появившаяся пленка исключительно людей. Сначала она была золотистой, подобно искрам, потом поменяла свой цвет на голубой, затем на темно-алый. Человеческий глаз к тому времени мог различить лишь общие очертания предметов. Точная форма и цвет исчезли.

При последних словах заклинания пленка заходила волнами, которые всё сильнее сотрясали её поверхность, а потом внезапно исчезла. Каюту было не узнать. Она стала больше в три раза. Все её стены были заполнены шкафами. В большинстве из них стояли книги. Довольно древние тома, если судить по истертости корешков и названиям на них. Один шкаф был доверху забит склянками с непонятными жидкостями совершенно жутких оттенков. В другом стояли шкатулки, с начертанными на них охранными рунами. А в ближайшем к столу рядками были выставлены вина и семь бокалов, соответствующих цветам одежды собравшихся людей. Стол теперь представлял собой красиво выполненную карту Сартоса, отделенную от людей тонким слоем стекла. Лампа, стоявшая на нем, бесследно исчезла.

— Помолимся! — сказал человек, облаченный в белое.

Все сидящие сложили руки ладьей и опустили глаза.

— Митра Пресветлый, — начал Белый, — благодарим тебя, что не оставил нас милостью своей на земле врага твоего. Благодарим, что очистил помыслы наши, что не подпустил злых чар к слугам твоим верным. Благодарим за хлеб, коим ты насытил нас. Благодарим за оружие, что позволяет без устали разить врагов твоих.

— Благодарим, Пресветлый! — произнесли одновременно все семеро собравшихся.

— Если ни у кого нет возражений, — сказал Белый, усаживаясь на свой стул, — то мы можем начать наш совет.

Возражений не последовало.

— Итак, мы потерпели неудачу, впервые за время нашей миссии на Побережье. Наша гордыня и невнимательность тому виной. То была самая последняя наша цель, казавшаяся самой легкой.

— Нет уж! — возразил Синий. — Мы здесь совсем не при чем. Дурацкий купец захотел публичной мести за сынка. И где?! В центре Сартоса! Мы могли бы спокойно прирезать зингарца в его клоповнике.

— Не забывайся, — спокойно сказал Красный. В его тоне читалось плохо скрываемое признание к собеседнику. — Ты самый младший в Кольце и не вправе говорить подобным тоном. Достопочтенный Жэран — один из самых уважаемых слуг Пресветлого в этой прогнившей змеиной мерзостью стране. На его пожертвования приходится половина всех денег, получаемых нашими храмами на Полудне. Так что, нет ничего удивительного в том, что наше Кольцо взялось выполнить его маленькую, подчеркиваю, маленькую просьбу.

— Граф Сизарлик снизошел до бедного палача из Пуантена, —

притворно восхитился Синий.

— Молчи! Или следующее слово станет последним в твоей жизни, — грозно сказал Белый. — Я много раз повторял, что вступивший в Кольцо Кинжалов теряет своё имя навсегда. У тебя есть только цвет. Ни лица, ни памяти, ни любви. Только твой цвет и вера в Митру Всеблагого.

— Прошу простить меня, — проговорил Синий, склонив голову.

— Прощаю, — сказал Белый.

— Не смотря не некоторую резкость своих высказываний, — произнес Зеленый, — наш Синий вложил в свои слова немало истинного. Жэран мог просить лишь Верховного Жреца в Тарантии, чтобы тот помог изничтожить слугу Сета. Но о Кольце Кинжалов он ничего не знает, а, значит, не знает ничего о нашем провале. Мы совершили попытку, и, да будет Пресветлый мне свидетелем, она стоила всех купеческих денег!

— Зеленый с Синим правы, — присоединился к разговору Коричневый. — Мы рисковали раскрыть саму тайну существования Кольца. Из моих запасов убыло три ценнейших амулета. Нам здесь больше нечего делать. Из-за своего честолюбия Жэран лишился возможности отомстить за сына, во всяком случае, нашими руками.

Белый с определенным сомнением посмотрел на остальных членов Кольца Кинжалов Митры. Дольше всего он смотрел на Зеленого и Серебряного.

— Всё не так просто, — промолвил он, глубоко вздохнув. — Я сказал вам не всю правду про нашу миссию на Побережье.

При этих словах Красный аж подскочил на стуле. На его лице читался гнев, который он не счел нужным скрыть. Зеленый удивленно приподнял одну бровь. Остальные новость восприняли спокойно.

— Поручение убить зингарца по прозвищу Счастливчик, — продолжил Белый, — исходило от Верховного Жреца и только от него. Жэран был здесь не при чем. Его сын погиб, когда мы уже были на Побережье. Тогда из Тарантии прислали новое предписание. Мы должны были действовать, словно выполняли просьбу Жэрана. Стигийцев о ней нужным образом информировали. В Аквилонии посчитали, что так мы можем продемонстрировать свою силу. К тому же никто не должен был подумать, что основной нашей целью является именно устранение зингарца.

— Так кто же он такой? — поинтересовался Коричневый.

— Я не знаю, — сказал Белый, а, заметив недоверие в глазах собравшихся, добавил. — Правда, не знаю. Но ради его головы нам приказано идти на любые жертвы.

— Не нравится мне это, — сказал Красный.

— Вера пошатнулась? — язвительно поинтересовался Синий.

Бывший граф собрался было ответить наглецу, но потом видимо, решив, что не стоит распылять своё красноречие на подобную мелюзгу, лишь криво усмехнулся.

— Братья, — обратился к собравшимся Белый, — я бы всё-таки хотел услышать, кто с каким известиями пришел сюда сегодня.

— Мы с Желтым, — начал Красный, — пытались преследовать нашу жертву и двух сопровождавших её северян. Единственное, что я знаю наверняка, это то, что стигийцы полностью контролировали происходящее ночью. Их отряды встречались на нашем пути, чаще местных псов, количестве коих, я полагаю, всем присутствующим хорошо известно.

— Пройти сквозь патрули не пытались? — спросил Синий.

Красный на мгновение задумался, стараясь понять не издеваются ли над ним. В итоге решил, что нет.

— Хозяева именно на такой наш ход и рассчитывали, — пояснил он. — У каждого из патрульных было по амулету, который он мог активировать, если бы заметил что-то необычное. В случае смерти своего владельца амулет также срабатывал. Наверное, все-таки можно было проскочить к дому зингарца, но мне кажется, на этот случай у них было припасено что-то особое.

— Полагаешь, они знают о существовании Кольца Кинжалов? — спросил Зеленый.

— Наверняка, — ответил вместо Красного Белый. — Ты не первый день, даже не первый век в Кольце, и должен понимать, что кроме Верховного Жреца и шести его помощников, о нашем существовании догадываются и в Черном Круге, и в Алом Братстве и еще много где. Только они не знают, кто мы такие, как действуем и где нас ждать. И, поможет нам Митра, не узнают этого никогда.

— Тогда почему мы должны были так подставляться вчера?! — рявкнул Синий.

— Потому что зингарец этот, — ответил Белый, — важнее и меня, и тебя, и всех нас вместе взятых.

— Хотелось бы всё-таки узнать, — сказал Красный, — ради чего мы так рискуем? Видимо, наша жертва знает нечто очень важное.

— И если, ты доберешься до этого секрета, — ответил ему Зеленый, — то станешь следующим, кого нам поручат устраниТЬ.

— Мудрые слова, — согласился с ним Белый. — На этом закроем тему неразрешимых тайн. Что удалось выяснить о северянах, помешавших нам

вчера?

— Пираты, — ответил Зеленый. — Прибыли вчера на корабле «Вестрел». Черноволосый — это капитан. Зовут его Конан. Моряки в порту отзываются о нем с уважением. Обитает в основном на Барахас. Рыжего помощника зовут Сигурдом. По мнению большинства, болван круглый, но я сомневаюсь в правдивости подобных откликов. Судя по всему, они пытались наняться в услужение Хозяевам. «Вестрел» выглядит совсем плохо. На ремонт потребуется кругленькая сумма.

— Может стигийцы их и наняли? — спросил Красный.

— Побоялись бы, слишком большой риск, — ответил Зеленый. — Хотя, сам понимаешь, ничего гарантировать не могу. Лишь предполагаю.

— Что будем делать с ними? — спросил Красный.

— Убить для надежности, — высказал своё мнение Синий.

— Ничего мы с ними делать не будем! — сказал Белый, недовольный тем, что его опередили. — У нас другая цель. Будут мешать — убьем, ну а нет, то пусть живут.

— Можно бедному магу вклиниться в вашу занимательную дискуссию? — поинтересовался Коричневый.

— Конечно, — сказал Белый.

— Я вчера заметил кое-что очень интересное, — продолжил Коричневый. — В «Змее» находился некто, обладающий не совсем понятной мне магией. Он не использовал каких-то сильных заклинаний, просто тихо и ненавязчиво за всем наблюдал.

— Кто-то из стигийцев? — спросил Белый.

— Нет, — сказал Коричневый. — Структура заклинания не такая, как у магов Черного Круга. Я о подобном даже не слышал. И еще. Он был полностью закрыт от наблюдения. Никто не смог бы догадаться, что он имеет хоть какое-то отношение к Силе. Для вчерашней охоты я использовал одно из самых древних заклинаний нашего ордена. Простенькое, одноразовое, но, если не знать принципа работы, закрыться не сумеешь. Черный Круг, к счастью его не знает, правда я думаю, что у них тоже есть подобный наборчик и получше нашего. Получилось, что и тот маг не сразу заметил моё заклятье, и я сумел его засечь.

— Стигиец, — заявил Зеленый. — Может даже один из Хозяев. Не забивай голову. Мы и так знаем, что в магическом оснащении мы местным магам заметно уступаем. Одним больше, одним меньше, хуже уже не станет. Главное скрытность. Через наши амулеты всему Черному Кругу не пробиться.

— Это вторая вещь, которую я хотел затронуть, — неуверенно

произнес Коричневый и вопросительно посмотрел на Белого. Когда тот кивнул, он продолжил. — У нас недостаточно средств, чтобы спокойно довести операцию до конца. Я могу перезарядить часть амулетов. Их силы хватит от силы на двое суток.

— И потому я запретил ему это делать, — прервал его Белый. — Задание слишком важно. Нам нужны новые личины, новое оружие, новые заклятья. И сроком не на два дня.

Красный и Зеленый помрачнели при этих словах.

— Нам вполне хватит двух дней! — яростно проговорил Зеленый. — Мы разыщем место, где он работает.

— Район уже определили, — согласился с ним Красный. Он произнес пару слов на староаквилонском, и один из участков карты Сартоса резко увеличился в размерах, заполнив собой половину столешницы. — Двух дней определенно хватит. Коричневый справится с магией этого места. Пусть она сильна, зато примитивна. Служит только для того, чтобы путать следы. В этом месте зингарец, наверняка, чувствует себя в безопасности, и мы сможем спокойно его прикончить.

— У нас нет права на такой риск, — сказал Белый. — Нам нужно много магии, и поэтому нам нужна жертва. Тот, чья кровь позволит нам пройти весь путь. Будем кидать жребий. Участвуют все, кроме Коричневого. Лишь он знает нужные заклятья.

— Не нужно жребия, братья, — это были первые слова, произнесенные Серебряным за столом.

На его губах возникла мягкая, добрая улыбка. Затем он достал тот самый ритуальный кинжал, которым вскрывал себе ладонь, и вонзил его в своё сердце. Коричневый не растерялся и сразу же начал плести заклинание. Зеленый смотрел на исходящее кровью тело Серебряного и едва сдерживал слёзы.

— Кем он был? — тихо спросил его бывший палач, ныне облаченный в синее.

* * *

Базар Сартоса, как ни странно, от большинства своих полуденных собратьев отличался не сильно. Он был разбит на пять частей, немного различавшихся размерами. Самая большая из них звалась «Рыбная». Она прилегала непосредственно к побережью, но не в районе порта, а около причалов, которые закрепили за собой местные рыбаки. К ним название и

нисходило, но на самом деле на «Рыбной» торговали различными морскими снастями. Помимо мелких лавчонок здесь находилось несколько крупных контор, заключавших сделки, связанные с ремонтом и строительством новых кораблей. На «Рыбной» отсутствовали толкотня и непрекращающийся гам, столь характерные для любого из хайборийских базаров. Попрошаек и воров давным-давно отсюда прогнали, а патрулированием территории занималась не городская стража, а специально нанятые наиболее крупными торговцами охранники. Для того чтобы уменьшить количество праздно шатающегося люда на «Рыбной», было решено брать плату за вход в пять медных монет стигийской чеканки.

К «Рыбной» прилегали две другие части: «Хлебная» и «Разбойная». На «Хлебной», как не трудно догадаться, торговали практически всем, что можно было съесть или выпить. Больше всего здесь было рыбы. Казалось, что жители Сартоса питаются только ей, а мясо и хлеб держат в доме только на случай прихода гостей. Торговались на рыбных прилавках со всей свойственной жителям Полудня страстью. Наличие шума около лавки практически полностью могло гарантировать отменное качество предлагаемого товара. Неподалеку от рыбных лавок обосновались торговцы мясом и хлебом. Их хозяева были по большей части неместными, и торговаться они, по мнению жителей Сартоса, не умели совершенно. За это их очень не любили. Почти на самой границе между «Хлебной» и «Разбойной» частями располагали свои товары торговцы фруктами и вином. Десяток рядов, занятых ими, был одним из самых популярных мест города. Обстановка царившая вокруг была на редкость дружеской и непринужденной. Сюда приходили отдохнуть и моряки, и горожане, а иногда даже заглядывали маги и аколиты некоторых храмов. Довольно часто городские власти организовывали здесь различные представления, приносившие неплохой доход, как артистам, так и виноторговцам. Правда и воров тянуло сюда со всех концов Сартоса. Тратить на них силы Хозяева не пожелали, а потому предоставили горожанам самим разбираться с пойманными воришками. Любимым наказанием было следующее. На все обнаруженное у несчастного золото, покупалось самое дешевое вино, из тех, что можно было найти вокруг, и бедняга должен был выпить всё до последней капли.

В «Разбойной» торговали свезенными со всех уголков Хайбории тканями, изделиями из дерева и металла, посудой, одеждой, оружием, доспехами и многими другими вещами. Постоянных лавок здесь было мало. Большинство из них арендовалось капитанами прибывших в Сартос судов. Хозяева давно прекратили скучать у моряков немагические товары, а

потому реализовывать их приходилось самостоятельно. Качество здесь, естественно, никто не гарантировал, но и цены были таковы, что попытка устроить торги воспринималась, как дурной тон. Местные купцы давно научились неплохо зарабатывать на перепродаже привезенных товаров. Многие капитаны подчас были просто не способны оценить стоимость предлагаемых ими вещей, так как последние ими не приобретались, а «займствовались».

Рядом с «Хлебной» находилась «Пустынная» часть. Одной из своих сторон она соприкасалась с дорогой, ведущей к пустыням Стигии и Шема. Отсюда и пошло название. Торговали здесь живым товаром. Это утверждение в равной степени можно было отнести и к животным, и к людям. Животные были представлены в основном курами, свиньями и верблюдами. Первые и вторые скапались местными жителями для собственного хозяйства, третьих приобретали караванщики. Лошадей в Сартосе было мало: только два загона в «Пустынной» части. Хозяевами их были двое шемитов, которые приходились друг другу братьями и люто друг друга ненавидели. Однако этот факт нисколько не мешал им договариваться о ценах, которые были просто запредельными. В той части «Пустынной», где торговали рабами, было не менее людно, чем на «Хлебной». Люди в Сартосе считались очень выгодным товаром. Большую часть рабов составляли моряки из экипажей взятых на абордаж судов. На Побережье их скапали за бесценок, а затем в Асгалуне или Кеми продавали в несколько десятков раз дороже. Пользовались спросом и симпатичные пленницы, захваченные в прибрежных деревушках Аргоса и Зингары. Наименее ходовым товаром были рабы из Черных Королевств. Работоторговцы из пустынных частей Стигии, снаряжавшие сухопутные экспедиции в Дарфар, назначали за них более приемлемые цены.

Последняя пятая часть базара носила более чем говорящее название. «Магическая». Здесь Хозяева сбывали ненужные артефакты, не представляющие для окружающих особой опасности, здесь маги-самоучки предлагали свои услуги в составлении смертельных заклятий, здесь продавались и карты с сокровищами, и книги с жизнеописанием святых всех возможных религий. Лучшие магические мечи и доспехи можно было найти в этой части базара. Колдуны и ведуны рассказывали о будущем, прошлом и настоящем. Всего за один золотой предлагалось приворожить или сглазить любого человека, независимо от рода и происхождения. За два предлагалось поставить заклинание, защищающее от сглаза и приворота. Разумеется, большая часть местных торговцев была мошенниками, а товары были подделками. Хозяевам подобное положение вещей похоже

нравилось, и свои товары они сбывали тайно, не привлекая к ним никакого внимания. Это было известно всем от мала до велика, а потому многие продолжали покупать совершенно бесполезные предметы, желая обнаружить подлинно ценный экземпляр. В «Магической» части базара обитало множество конфидентов, представляющих, как магические организации, так и тайные службы отдельных хайборийских государств. В толпе мошенников, обитавших на «Магической», можно было запросто затеряться, и никакое, даже самое сильное заклинание распознания не могло пробиться сквозь царивший здесь магический хаос.

Конан и двое его спутников к полудню уже миновали «Хлебную» и «Пустынную» части. На базар они отправились почти сразу после того, как выбрались из мастерской Счастливчика. Там они просидели довольно долго, выбирая, какая из карт, нарисованных в данный момент Счастливчиком наиболее полно соответствует географии их будущего путешествия. Конан со свойственным северянам прагматизмом несколько раз предлагал зингарцу попробовать нарисовать новый экземпляр, расположив сокровище так, чтобы максимально сократить путь до него. Сигурд в этом плане выражал полную солидарность с капитаном, и зингарцу стоило немалых трудов убедить пиратов в том, что он не может этого сделать. В итоге пришлось смириться с тем, что выбор ограничен лишь пятью экземплярами, изготовленными к настоящему моменту. Три из них были отмечены сразу: сокровищница там располагалась на расстоянии от шести до девяти дней езды от Побережья. Две другие были лучше. На первой расстояние до цели от полосы джунглей равнялось двум дням, на второй трем, но путь пролегал сразу мимо четырех колодцев. Это и явилось решающим фактором при выборе: страдать от жажды никому не хотелось.

По пути на базар Счастливчик отловил одного из знакомых мальчишек, промышлявшего карманным воровством, и тот за десять медяков согласился найти боцмана «Вестрела» и передать ему, что капитан и первый помощник собираются отлучиться из города примерно на две седмицы. Если через месяц ни Конан, ни Сигурд в Сартосе не появятся, то Зелтрану надлежит взять на себя командование. Конан заставил мальчишку два раза повторить сообщение, затем дал ему обещанные десять монет, и пообещал еще пять, если тот сегодня вечером придет к Счастливчику и передаст ему, Конану, слово в слово ответ Зелтрана. Когда парнишка убежал, Счастливчик недовольно заявил Конану, что детей нехорошо обманывать, тем более за то, что мальчишке можно доверять, он сам поручился. Конан ответил, что в их ситуации лучше перестраховаться, а деньги он отдаст, когда они добудут сокровище.

Последнее золото пиратов было спущено вчера Конаном и Сигурдом (ванир таки вернул кошель с проигранными монетами зингарцу) в таверне, а потому припасы и верблюдов покупали на деньги Счастливчика, предложившего их в благодарность за спасение своей жизни. В «Пустынной» части пираты провели немало времени, делая выбор между лошадьми и верблюдами. На верблюда ни один из северян садиться не желал, Счастливчик же напрочь отказывался платить зарвавшимся шемитам неслыханные деньги за двух паршивых кляч. Первым сдался Конан, согласившийся, что в пустыне верблюд полезнее лошади, а возможность того, что им всё-таки придется ехать за сокровищем, полностью отбрасывать было нельзя. Сигурду, через минуту поминавшему неестественное происхождение киммерийцев, зингарцев и проклятых двугорбых созданий, пришлось всё-таки смириться с выбором, сделанным капитаном.

Так в сопровождении четырех верблюдов, двух больших, для Конана с Сигурдом, и двух поменьше, одного для Счастливчика и одного выручного, они и вошли в «Магическую» часть. Многие из местных торговцев знали Счастливчика в лицо, поэтому с предложениями ни к кому особо не приставали. Вот только совершить покупку, казавшуюся такой элементарной на первый взгляд, никак не получалось. Для воплощения в жизнь плана Конана, которым он уже успел поделиться с друзьями по пути на базар, требовались две человеческие головы со стандартными стигийскими чертами лица, засушенные. Но обыкновенных голов здесь похоже не предлагали. Только маги, мыслители и полководцы, стоявшие, как приснопамятные лошади. Но это была только первая проблема.

Второй явился обычно здравомыслящий Сигурд. Первый помощник капитана держал у себя в каюте огромного попугая, который время от времени (и, как подозревала команда, не без деятельного участия, собственно, первого помощника) выбирался из клетки и летал по всему кораблю, обкладывая каждого встречного отборными ругательствами на наречии закатного Ванахейма. Сигурд в птице души не чаял, однако последнего шторма попугай не перенес и к общей радости благополучно скончался, во время качки неудачно ударившись головой об одну из стен каюты. В «Магической» же части базара взору первого помощника открылся целый ряд клеток с птицами невиданных пород, говорящих на всех языках Хайбории, да еще и понимающих, что они говорят. Огромный рыжебородый ванир, как ребенок, бегал от клетки к клетке, заводя беседу с каждым из пернатых.

— Выбирает, — со знанием дела заявил Счастливчику Конан.

— Напрасно он это, — ответил зингарец. — В них речь с помощью магии втравливают. Это они здесь и сейчас такие умные и спокойные. Без мага-анимиста они начнут меняться, и как точно никто не скажет. Известно одно: живут недолго, от силы три седмицы. Только торговцы этого никогда не признают, будут заявлять, что сдох от неправильного обращения.

Тем временем Сигурд уже затеял торги по поводу понравившейся ему птицы, представлявшей собой смесь попугая и сокола серо-синей расцветки с небольшим количеством оранжевых перьев. Торговался ванир столь яро, что запрашиваемая цена достигла ушей Конана и Счастливчика, стоявших на значительном расстоянии. Услышав сумму, Счастливчик сделал столь возмущенное лицо, что можно было предположить, что на недавних торгах лошадей ему предлагали взять задаром. Быстрым шагом он направился к ваниру, желавшему его разорить. Торговец движение это заметил, а потому, как можно скорее, согласился на предложение Сигурда и пожал северянину руку. Счастливчику не хватило нескольких мгновений. Конан, наблюдавший эту сценку издалека, от души расхохотался. Счастливчик какое-то время злобно вглядывался в довольноное лицо ванира, потом выразительно сплюнул, попав торговцу на туфлю, и присоединился к веселью киммерийца. Сигурд лишь непонимающе смотрел на товарищей.

— Пошли! — крикнул ему Конан, когда наконец отсмеялся.

Пернатый уже успел перебраться из клетки на широкое плечо ванира.

— Как зовут покупку? — поинтересовался Счастливчик.

— Зелт, — ухмыльнулся Сигурд.

Конана сотряс очередной приступ смеха.

— Культ Иштар, — неожиданно произнесла птица, — восходит своими корнями к Древней Валузии.

Все, включая Сигурда, удивленно посмотрели на Зелта, но продолжать мысль тот, похоже, не собирался.

— Мне твой старый любимец больше нравился, — сказал Конан.

Сигурд лишь грустно вздохнул.

Вопрос с птицей был разрешен, а вот найти головы никак не получалось. В трофейных лавках, как и в прочих, были только отдельные части тел знаменитостей. Некоторые даже дублировались у разных торговцев. Вопрос о том, сколько рук было на правой части Сигиберта Завоевателя на долгое время увлек капитана и первого помощника «Вестрела». Конан насчитал восемь, а Сигурд только шесть. Потом отправились искать товар в лавки с магическими компонентами. Высушанных голов взрослых стигийцев, убитых примерно полгода назад, и здесь не сыскалось. Только дети и девственницы. Цены были заоблачными.

Когда и пираты, и Счастливчик было уже совсем отчаялись, они натолкнулись на лавку старика, торговавшего головами разной степени разложение и разных возрастов. Здесь было всё: от черепа младенца до только что отрубленной головы какого-то кхитайца. Стоил этот товар недорого, и выбор был достаточным, чтобы можно было не спеша подобрать нужные экземпляры. Полупопугай ванира очень заинтересовался одним из черепов, который по непонятным причинам приобрел желтый оттенок.

— Латунь? — поинтересовалась птица, ударив череп клювом, а затем выразительно посмотрев на торговца.

Старик лишь недоуменно хлопал глазами, не зная что ответить на подобное.

— Не обращайте внимания, — сказал Счастливчик, забирая покупки и укладывая их в мешок, заранее приобретенный специально для этой цели.

— Тебе лицо этого старика, — спросил Конан у Сигурда, когда они отошли подальше от лавки, — знакомым не показалось?

— Показалось, — сказал Сигурд. — Вот только, где я его видел, не вспомню.

— Я его, кстати, — добавил Счастливчик, — никогда на рынке не встречал.

— Давайте убьем его, — предложил попугай Зелт. — Ученые мужи Ахерона считали мясо старого человека, умерщвленного посредством четвертования, весьма полезным для пищеварения и мозговой деятельности. Зелт — хороший! Зелт — хороший!

— Меня пугает твоя птица, — сказал Конан, глядя, как ванир чистит перышки на шее своего нового любимца.

— Зато какое впечатление он произведет на нашего будущего приятеля, — ухмыльнулся Сигурд. — Определенно стоит отвести Зелту место в нашем плане.

Конана опасливо посмотрел на птицу, ожидая, как та отреагирует на слова ванира. Но серо-голубой попугай похоже взял за привычку говорить только тогда, когда от него этого не ждут.

— Ладно, Сет с ними! — сказал Конан. — И со стариками, и с попугаями. Мы итак потеряли больше времени, чем планировали. Нам сейчас в «Пустынную»?

— Да. Оттуда идет единственная дорога в нужную нам часть страны, — сказал Счастливчик. — Через джунгли довольно сложно строить. Если я не ошибаюсь те караваны, о которых я говорил, уже покинули Сартос. Надо спешить, если хотим догнать их до рассвета.

— На этом мы никого не догоним! — заявил Сигурд, от души хлопнув своего верблюда по одному из горбов. Животное издало звук, который ванир истолковал, как одобрение, хотя и не отмел вероятности недовольства.

Часть «Пустынной», занятой работорговцами, путники миновали молча. Однако звуков вокруг хватало. В основном это были стоны рабов и крики надсмотрщиков. Земля во многих местах пропиталась кровью и желчью. Запах стоял отвратительный. Единственным, кому нравилось происходящее вокруг, был Зелт. Он летал над клетками с рабами и что-то восторженно вопил на одном из древних языков.

— Человек, всегда должен быть свободным, — заключила птица, перейдя на стигийский, приземлившись на плече Сигурда. — Всегда и во всем. В мыслях и в бытие, в жизни и в смерти. Но оковы, что несет с собой существование не могут быть сброшены мгновенно. Человек должен постепенно двигаться от простого их осознания к обретению подлинной свободы. Как попки у кушиток хороши и как упруги грудки! Свобода, как пленит твоя близость. Мне уже тяжело дышать. Дайте Зелту рыбки! Зелт хочет рыбку! Рыбку! Рыбку!

— Он безумен, — без намека на шутку сказал Счастливчик.

— Торговец сказал, что это пройдет, — ответил Сигурд. — Ему необходимо время, чтобы привыкнуть к новой обстановке.

— Увидишь, что с ним произойдет, — мрачно сказал Счастливчик, — когда пройдет это самое время.

Когда они оставили за спиной базар да и, собственно, сам Сартос, птица немного успокоилась. Сигурд же наконец окончательно примирился с тем, что ему придется ехать на непонятном двугорбом животном, и даже начал находить в нем положительные отличия от лошади. Солнце уже прошло зенит и начало опускаться, придавая показавшимся впереди джунглям золотой оттенок. Дорога бежавшая сквозь них была довольно многолюдна. Кто-то, подобно пиратам с Счастливчиком, спешил, пытаясь нагнать ушедшие вперед караваны, кто-то двигался не торопясь. Далеко впереди, у самой границе деревьев, можно было разглядеть отряд из пяти стражников. Счастливчик объяснил, что такие патрули отвечают каждый за определенный участок дороги протяженностью в полдня пути, но разбойники всё равно довольно часто нападают на зазевавшихся путников. Из-за этого те, кто путешествуют на большие расстояния, предпочитают присоединяться к караванам, имеющим надежную охрану.

Конан пытался вызнать у Счастливчика особенности данной дороги на случай, если всё-таки придется выбирать место для самостоятельной

ночевки. Сигурд тем временем о чем-то мирно беседовал со своей птицей.

* * *

Эмилио снимал небольшой домик в одном из бедняцких районов Сартоса. Деньги у него водились, но выкидывать их впустую, просто чтобы обеспечить себе чуть больше комфорта, он не считал нужным. За последнюю седмицу, проведенную им на Побережье, сюда он заглядывал всего три раза. Это случалось в те моменты, когда ему необходимо было подумать.

После визита к Рашилу, он отправился в «Морского Змея», где также арендовал комнату. Аргосцу не хотелось, чтобы слуги «лилового» узнали о его жилище. Вернее он не сомневался, что они все-таки узнают, но облегчать им работу не желал. Рано утром он проснулся и отправился искать местных мальчишек, готовых за звонкую монету последить за зингарцем и двумя северянами. К полудню он точно знал лишь то, что они держались по-прежнему вместе, а ночь провели в доме у Счастливчика. Куда они делись утром, никто сказать не мог. О таинственных убийцах совершивших вчерашнее нападение тоже было ничего не известно.

Эмилио, конечно, огорчился столь скучному количеству информации, но впадать в отчаяние не спешил. Было в городе одно место, куда стекались все слухи: ряды виночерпие в «Хлебной» части базара. Там под навесами с кувшинами холодного вина любили пережидать полуденную жару многие горожане. А вино, как известно, обладало свойством развязывать язык. Эмилио пил и болтал наравне со всеми. Опьянения он не боялся, от местных напитков оно было недолгим, а вот в том, что на человека непьющего и задающего много вопросов непременно обратят внимание, он не сомневался. О вчерашнем происшествии в таверне говорили мало. Видимо люди четко усвоили, что в дела, хоть как-то касающиеся «лиловых», лучше не соваться.

Услышал, правда, Эмилио одну вещь, которая его заинтересовала. В последнее время погибло несколько известных людей, имена которых раньше связывали с храмом Митры, а сейчас с Черным Кругом. Все они умерли своей смертью, и никаких расследований не проводилось, но слишком уж много смертей для простого совпадения. Эмилио отметил для себя, что произошедшее вполне может быть связано с людьми, устроившими вчерашнее нападение. Не то чтобы он ставил Счастливчика в один ряд с бывшими митрианцами, просто та семерка, по его мнению,

могла спокойно отправить людей на Серые Равнины так, чтобы никто не заподозрил убийство. Конечно, скорее всего это «лиловые» устранили неугодных им людей, но нельзя отметать и все другие варианты.

К полудню появились первые сведения и о Счастливчике с двумя его новыми спутниками. Эмилио стали даже известны их имена. Конан и Сигурд, капитан и первый помощник с пиратского корабля «Вестрел», прибывшего в Сартос вчера днем. Один из мальчишек сообщил ему, что черноволосый северянин передал боцману корабля, что его в течение двух седмиц в Сартосе не будет. Сюда же на «Хлебную» доставлялась вся информация о покупках, совершаемых Счастливчиком и его товарищами. После новости о приобретении верблюдов, Эмилио направился к торговцу картами, державшему лавку в «Разбойной» части базара. Денег здесь он потратил немало, зато теперь он мог спокойно попытаться понять, куда именно может направляться зингарец. На выходе из лавки его встретило известие о приобретении попугая и двух высушенных голов. Для чего эти вещи могут понадобиться Эмилио не знал, а потому решил пока о них не думать.

Со свертком карт подмышкой он спешил в свой домик. О направлении, в котором отбыл Счастливчик аргосцу сообщили, но об этом он и сам догадался, благо дорога, ведущая к пустыне, для передвижения по которой могли понадобиться верблюды, была только одна. Эмилио интересовала конечная цель путешествия этой троицы. Конечно, можно было предположить, что они отправились за золотом в ту проклятую пещеру. Но, если задуматься, то становилось ясно, что на подобное рассчитывать было просто глупо. Зингарец наверняка знает, что там гибли целые отряды и трем воинам бессмысленно надеяться на удачное завершение предприятия. Возможно ли, что они просто пытаются скрыться из города, чтобы избежать очередной встречи с убийцами? Нет. В городе, несмотря ни на что, безопасней.

Значит что-то другое. Причем в шести-семи днях пути от Сартоса, а возможно, что и ближе. Карта Побережья предлагала Эмилио пять возможных вариантов. Речь шла о поместьях, с прилегающими к ним домами ремесленников и крестьян. Все они располагались почти на самой границе с пустыней, где джунгли не столь непроходимы, а земля все еще плодородна. В каждое из них можно было попасть, если свернуть в нужном месте с дороги, идущей от «Пустынной». Два поместья располагались вдоль дороги, ведущей в Кеми, каждое оставшееся на дорогах в какие-то из городов-государств Шема.

Эмилио вознес молитву Дэркето, что не поскучился и приобрел

дорогие варианты карт, на которых помимо прочего были указаны и сведения о владельцах поместий. Одно из двух поместий, располагавшихся на дороге, ведущей в Кеми, принадлежало стареющему магу из Луксуря. Если он когда-то и входил в Черный Круг, то сейчас отошел от дел. Само поместье было невелико, и от окружающих закрыто. Путники могли остановиться в таверне, расположенной за его пределами. Цены были там высокими, так как хозяин поместья людей не жаловал и предпочитал одиночество. В графе дополнительные сведения значилось, что маг вполне может продолжать свои эксперименты в колдовстве, так как в окрестностях довольно часто пропадают люди, а в джунглях встречаются непонятные животные.

Второе поместье раньше тоже принадлежало одному стигийских магов, но примерно десять лет назад его выкупил один богатый кофиец. Собственно с тех пор самого поместья и не стало. Стена была снесена, а хозяйские строения вкупе с крестьянскими лачужками составили небольшой городок. Сам владелец в поместье не показывается. Заведует всем его наместник. За десятилетие нового владычества в этом городке появилось три постоянных двора с разным уровнем цен. Можно было найти оружейную лавку, торговцев верблюдами и лошадьми. За небольшую плату предлагалось нанять проводника через пустыню. Здесь Эмилио бывал уже дважды.

Третье поместье было самым новым из всех. Его возраст составлял около пятидесяти лет. Тем не менее, за это время здесь сменилось целых семеро владельцев. Последний из них вступил в свои права полгода назад. Все семеро оказались приверженцами разных религий, а потому возводили храмы каждый своему божеству. Два из них в последствии снесли. Как и в предыдущем поместье, здесь хозяйские дома не были отделены стеной от остальных строений. Постоянных дворов было два. Торговля здесь была развита не сильно, но составитель карты, вернее какой-то из её поздних владельцев, наносивших те самые пометки, с которыми знакомился Эмилио, отметил что и коня, и меч при желании приобрести можно. В дополнительных сведениях говорилось, что последнего из хозяев поместья никто и никогда не видел. Кто-то утверждает, что у него не хватает одной из конечностей, кто-то считает его карликом или уродцем. Точно известно лишь то, что он сказочно богат.

Четвертое, напротив, было самым древним. До такой степени, что никто даже не знал, когда заложили первый камень. Говорили, что около десяти столетий назад. Это было единственное из поместий, к которому не прилегали строения бедняков. Собственно, это был замок со рвом и

крепостными стенами, стоящий в одиночестве посреди джунглей. О владельцах не было известно ничего, внутрь поместья никого не пускали. Составитель заметок предполагал, что там находится отделение секретной службы одного из государств Восхода. На основании чего он сделал такой вывод, не говорилось.

Последнее поместье располагалось на дороге в Асгалун и находилось в собственности этого города. Здесь проходили проверку, вооруженные отряды, направлявшиеся в Шем. Часть товаров, уже на этом этапе пути облагалась налогом. В основном это касалось вещей, продаваемых с пиратских судов, чья дешевизна могла плохо сказаться на экономике Асгалуна. Поместье это было самым крупным из всех пяти. Отличительных особенностей было две. Во-первых, здесь как нигде было много стражи. А во-вторых, несмотря на это количество охранников, неизвестные злоумышленники минимум два раза в год устраивали пожары на местных складах. В заметках говорилось, что это почти наверняка дело рук стигийцев, которым не нравится иметь форпост Шема на своей территории. Эмилио также вспомнил, что один из убитых митрианцев, о котором говорили на базаре сегодня, жил именно в этом поместье. Возможно, что просто совпадение, а возможно и нет.

На улице уже начинало темнеть, и Эмилио был вынужден поторопиться. Он собрал в дорогу необходимые вещи, вышел на улицу и направился к таверне. В «Морском Змее» его ждал давным-давно приобретенный жеребец. Аргосец порадовался тому, что ему удалось сохранить хорошие отношения с «лиловыми», иначе сейчас у него было бы куда больше трудностей. По пути он прикидывал возможные варианты действий. Возможностью того, что целью зингарца и северян является четвертое поместье, он пренебрег, как несостоятельной. Зачем им могла понадобиться эта неприступная цитадель, он даже представить не мог. К первому и третьему варианту он отнесся, как к равновероятным. И то, и другое место казались подходящими для такого человека, как Счастливчик. Пятый вариант он бы не принял в расчет, если бы не убитый митрианец, но даже с учетом этого факта он сомневался, что это поместье может быть целью путешествия той троицы. Второй вариант был самым вероятным. Покупка верблюдов говорила либо об отсутствии достаточного количества денег, либо о желании посетить пустыню. А до неё легче всего было добраться, воспользовавшись дорогой на Кеми. К тому же кофийское поместье самое густонаселенное.

До «Морского Змея» он добрался, когда солнце уже на половину скрылось за горизонтом. Скакун Эмилио был местной, не очень

быстроногой породы, но всё же у него было преимущество в скорости перед верблюдами. Мысль о том, что придется скакать через джунгли ночью, Эмилио не радовала, но он должен был успеть нагнать Счастливчика и пиратов и незаметно проскользнуть мимо них до того, как они догонят ушедшие вперед караваны. Если они присоединятся к одному из них, то он будет точно знать, в какое из поместий они направляются. Если же нет, то отбросит два ненужных варианта. Эмилио считал, что он просто обязан прибыть на место назначения первым. Тогда у него будет достаточно времени на подготовку и сбор информации. Прикончить Счастливчика аргосцу очень хотелось, но раскрыть, связанную с ним тайну он жаждал не меньше. Тем более, как он подозревал, Рашил ради неё наверняка раскошелится на очень крупную сумму. Надо только заранее придумать, как сторговаться с ним без опасности для собственной жизни.

* * *

На закате они вновь собирались в каюте «Блистающего», которая на этот раз уже была преображенной. Седьмого стула не было. Настроение у собравшихся было разным: от безразличной отрешенности до готовности хоть сейчас идти убивать во имя Митры. Когда все расселись, Белый поднял руку, привлекая к себе внимание и требуя тишины.

— Мы закончили приготовления, — сказал он, кивая головой в сторону Коричневого. — Надеюсь, что вы хорошо отдохнули. Есть у кого-нибудь пожелания? Если нет, то давайте начнем.

— Я хотел бы сохранить свой облик, — непривычно тихо произнес Синий.

— Опять? — переспросил Белый. — Учи, однажды доиграешься.

— Здесь нет никого, кто мог бы меня узнать, — настаивал Синий. — Мне намного привычней работать, когда я точно знаю, как именно выглядит моё лицо. Я же имею право на эту просьбу.

— А я имею право её отклонить, — сказал Белый, но после паузы добавил. — Но в данной ситуации я думаю, что она разумна. Принимается. Кто-нибудь еще?

Молчание.

— Тогда начнем, — сказал Белый. Потом негромко спросил у Коричневого. — Справишься?

— Да, — ответил тот и сделал знак остальным, чтобы они поднимались.

Когда все встали, он начал негромко петь. Гласные буквы маг сначала очень сильно растягивал. Затем неожиданно стал произносить заклинание так быстро, словно это была скороговорка. Начинал он пение, используя современные аквилонские и немедийские слова, правда, чередуя их без видимого смысла, затем немедийские выражения начали постепенно исчезать, а заменяли их староаквилонские. Когда отдельные слова уже стало невозможно различить, Коричневый начал совершать пассы руками, постепенно ускоряя и усложняя движения. Дождавшись нужных слов, Белый достал из-за спины сосуд с ярко-красной жидкостью, откупорил его и начал ронять по капле на разные части стола до тех пор, пока сосуд не опустел. Когда это произошло, он присоединился к пению. Жидкость начала испаряться, образовав над столом столб непонятного газа розового цвета. Через какое-то время он стал очень плотным на вид.

Тогда Красный опустил в него сложенные ладони, как если бы хотел зачерпнуть воды. Часть газа осталась клубиться у него в руках, и он опрокинул его себе на голову. Опадая вниз, тот менял облик митрианца. Волосы с его головы исчезли. Появились длинные черные усы. Он стал приземистей и шире в плечах. Одет он был, как пират с Барахас: красная косынка на голове, красно-белая полосатая рубаха, широкие штаны, кожаные сандалии.

Затем каждый из присутствующих в каюте повторил действия своего товарища. Желтый стал похож на купца из Шема. Длинные пшеничные волосы стали жестче, короче и поменяли окрас на иссиня-черный. Новая одежда была слишком теплой для Побережья, но полностью соответствовала стандартам, принятым в Асгалуне. Тем не менее в ней по-прежнему преобладал желтый цвет. Гигантские размеры митрианца остались неизменными.

Зеленый был теперь одет, как моряк. Его новое лицо, когда-то казавшееся привлекательным, теперь украшал огромный уродливый шрам. В каждом ухе появилось по три серьги, одна из которых была золотой. Полосы на рубахе были зелеными. Новый облик его был похож на новый облик Красного, только Зеленый был старше: волосы его уже затронула седина.

Черты лица Синего остались прежними. Выглядел он, как довольно богатый выходец из стран Заката. Множество удобных легких тканей, из которых была сшина его одежда, позволяли ему не обращать особого внимания на царившую вокруг жару. Лысую голову украшала шикарная синяя треуголка.

С Коричневым произошли самые большие изменения. Он невероятно

постарел, стал ужасно худ и высок. Голова была обрита, как и положено было жрецу Сета, чей облик он принял. Единственное, что осталось неизменным это выдающийся вперед подбородок. Коричневых деталей в его одежде не было, но кожа его стала столь смуглa, что можно было подумать будто именно она и была призвана компенсировать этот недостаток.

Белый, как и Синий, был одет в закатные одежды. Единственный из присутствующий, он помолодел. На вид ему было не больше семнадцати лет. Все детали его туалета были на редкость щегольскими. На лицо было нанесено множество косметики, которой сгладить недостатки, коих было немало.

Когда внешность каждого из митрианцев претерпела изменения, они спокойно расселись на свои места и стали ждать, пока опадет вызванный заклятьем столб газа. Тот делал это постепенно, словно издеваясь над людьми, но все же был вынужден склониться перед неумолимым потоком времени.

— Все довольны? — ухмыляясь, спросил одетый в белую рубаху с золотой вышивкой юнец.

— Вполне, — сказал Синий, окидывая Красного насмешливым взглядом.

— Тогда будьте добры послушать, что мы будем делать дальше, — продолжил Белый. — По прибытии на место, а я надеюсь оказаться там раньше наших друзей, мы будем действовать следующим образом. Привычных пар на этот раз не будет, ваши таланты лучше использовать по иному. Красный будет работать с Зеленым, Желтый и Коричневый по одиночке, а я вместе с Синим. Теперь детали.

* * *

Ночевка прошла на удивление спокойно. Как не гнали Конан, Сигурд и Счастливчик бедных верблюдов, нагнать караван им так и не удалось. Дежурили ночью по очереди киммериец и ванир, решив, что от бодрствующего Счастливчика в случае опасности толку будет не очень много. Тот такому решению и противиться не стал.

С рассветом трое друзей двинулись в путь. Джунгли, после ночных общений с ними, на утро особенно страшными не казались. Вдоль дороги время от времени попадались затушенные костры других путников, вынужденных ночевать вне каравана.

Когда солнце поднялось достаточно высоко, чтобы назойливо напекать спину, Конан углядел впереди место стоянки одного из караванов. Был ли это тот, который направлялся в нужное им поместье, Счастливчик сказать не мог, так как не знал какой из двух вышел из Сартоса первым.

По расчетам киммерийца догнать караван они должны были уже к полудню. Даже, если это и окажется другой, то в том, что вскоре они нагонят и следующий, Конан не сомневался. Как оказалось, был он совершенно прав, и вскоре перед их глазами предстал арьергард охраны.

— Кто такие? — поинтересовался один из воинов, когда путники приблизились к каравану. Оставшиеся шесть стражей недвусмысленно положили руки на эфесы своих сабель.

— Путешественники, — ответил киммериец. — Хотели узнать, ваш ли караван направляется в Эрук?

— Да, но только до переправы, — ответил охранник. Говорил он на неплохом стигийском, но акцент центральных земель Шема уловить можно было. — Грузим товары на паром и снова в Сартос. Так что, если желаете присоединиться, помните: на Стиксе будете предоставлены сами себе.

— Нас это вполне устроит, — сказал Конан. — В какую часть каравана нам двигаться?

— Сначала деньги, — усмехнулся охранник и хлопнул рукой по кошелью, висевшему у него на поясе.

— Сколько? — недовольным тоном поинтересовался Конан. В том, что еще и у гостевых повозок с них возьмут плату за ночлег, он не сомневался.

— Две серебряные монеты за всех, — сказал охранник.

— Заплати им, — сказал Конан Счастливчику.

Зингарец скрчил недовольную физиономию, но всё-таки спорить не стал, и деньги из его рук перекачивали в руки караванщиков.

— Ладно, это стоит того, — сказал Сигурд, когда семеро воинов остались далеко позади, — чтобы можно было спокойно провести ночь.

— Да и безопаснее оно намного, — добавил Конан. — Мне ничуть не улыбается встретить наших знакомых из таверны, когда никого не будет поблизости.

Караван этот, как впрочем и любой другой, издавал невероятное количество шума. В единый неделимый на отдельные фрагменты звук сливались стоны рабов, ругань погонщиков, всевозможное мычание и кудахтанье домашней скотины и непрекращающиеся даже в дороге торговые споры. Путниками стоило немалых усилий найти три крытые повозки, предназначенные для перевозки пассажиров. В них ехали женщины и дети, а также все те, у кого не хватило денег на лошадь,

верблюда или хотя бы на мула. Ночью, когда караван останавливался, из повозок доставались шатры, в которых путешественники могли комфортно провести ночь. За подобное удовольствие, разумеется, приходилось платить. На этот раз цена составила по серебряной монете с человека.

Счастливчик почти сразу же перебрался в повозку, сославшись на то, что провести полдень в тени намного приятнее. Конан и Сигурд предпочли перетерпеть жару, решив, что ехать среди женщин и детей недостойно северян.

— В Эрук собирались? — спросил пиратов один немногих людей, подобно им не пожелавший укрыться от солнца.

Конан бросил на путника взгляд. Стигиец, довольно молодой. Одет, как купец средней руки: вещей ярких много, только подобраны они на редкость безвкусно. Лицо у путника было довольно красивое, с тонкими чертами лица и большими умными глазами.

— Да. Вот только в поместье Бирафир на пару дней остановимся, — ответил Конан, и после небольшой паузы многозначительно добавил. — Дела.

— Торгуете чем-нибудь? — спросил стигиец. — Наверное, винами. Я угадал? Едете договариваться о поставке товара?

— Ха! Да вы не промах! — воскликнул ванир. — Сразу поняли в чем дело. Мы с моим другом уже лет шесть занимаемся поставкой лучших аргосских вин в города Побережья. Как раз только что доставили партию в Сартос.

— А сейчас пытаетесь наладить новые торговые контакты? — поинтересовался стигиец.

— Вы же слышали о том, что произошло в Сартосе? — сказал Конан. — Из-за этого проклятого магического кризиса пострадал один из наших лучших покупателей. И мы вынуждены заниматься поиском новых. Говорят, граф Бирафир является большим ценителем вин.

— О! О графе Бирафир много чего говорят, — сказал стигиец.

— Может, пойдем в тень и обсудим, — предложил Сигурд, — что говорят о графе Бирафир за бокалом одного из наших вин.

— Почему бы и нет! — сказал стигиец. — Только не в одну из этих повозок. Даже отсюда я чувствую исходящие от них миазмы. Впереди есть прекрасный шатер, принадлежащий одному моему другу, который сейчас отдыхает еще у одного моего друга. В общем, нас там никто не побеспокоит.

— Замечательно! — сказал Конан, и направил своего верблюда вслед за двинувшимся вперед стигийцем.

Сигурд ненадолго задержался, чтобы передать Зелта на хранение Счастливчику и взять с собой пару бутылок вина получше.

— Что-то случилось? — спросил зингарец.

— Похоже кое-кто хочет поделиться с нами информацией, — сказал ванир. — Если случится что-нибудь странное, отпусти Зелта: он сумеет найти нас с Конаном.

— Осторожнее там, — предупредил Счастливчик, забирая птицу.

— Ладно, — сказал Сигурд и послал верблюда в направлении удаляющейся фигуры капитана.

Когда Сигурд нагнал капитана и стигийца, те уже отдали своих верблюдов одному из слуг и перебирались в фургон, украшенный подобно одежде их нового знакомого, пышно и совершенно несузано. Сигурд последовал их примеру.

Внутри было достаточно прохладно, что наводило на мысли о магии, хотя в Сартосе и его окрестностях это могло ровным счетом ничего не значить. Капитан и стигийский купец сидели за небольшим резным столиком, полностью заполненным чашами с различными фруктами. Сигурд умело забрался в фургон, умудрившись по пути не выронить ни одну из бутылок.

— А вот и вино! — воскликнул купец, радостно всплеснув руками.

Конан принял у Сигурда бутыль, вскрыл её ножом, лежавшим на столике, и начал разливать напиток по кубкам, которые достал откуда-то из-за спины стигиец.

— Чудесное вино, — сказал купец, небольшими глотками уничтожая напиток. — Вы его собираетесь продавать в Бирафере?

— Да. Правда, замечательный букет? — с видом знатока спросил Конан. — Помимо этого сорта у нас есть еще два других, но это лучшее.

Сигурд с огромным трудом сдержал усмешку. В Сартосе они действительно купили себе немного вина. Две очень дорогие бутылки розового аргосского на случай, если понадобится произвести на кого-нибудь впечатление (вот он и настал!). Остальное же было, мягко говоря, для сугубо личного пользования на случай беспросветного горя и полного отсутствия денег.

— Превосходно! Во истину, превосходно, уж поверьте мне, — сказал стигиец. — Только вот боюсь, что в Бирафире не найдется человека, способного по достоинству оценить ваше вино.

— Это было бы более, чем печально, — сказал Сигурд. — Что же заставляет вас так думать?

— По большей части слухи, что ходят об этом месте, — ответил

купец, — и о его хозяине. Вы ведь слышали историю о ста храмах Бирафира? На самом деле их там не более восьми. Официальных. Множество мелких учений возникает и преображается в нечто новое там практически ежедневно. Кто-то практикует человеческие жертвоприношения, кто-то темную магию. Культ Сета Бирафирского или, скажем, Иштар Бирафирской в корне отличаются от основных течений. И многие жрецы ограничивают своих последователей и аkolитов в некоторых благах мирских, в том числе и вине, даже в столь замечательном, как ваше. Может лучше поискать какое-нибудь другое место для поиска покупателя? Или вы знаете какого-нибудь конкретного человека в Бирафире, которому намерены предложить заключить с вами договор?

— Собираетесь перехватить нашего покупателя? — усмехнулся Конан.

— Что вы, что вы! — начал яростно отрицать молодой стигиец. — Наоборот, надеюсь помочь вам. Советом. Все купцы братья и должны помогать друг другу.

Сигурд не выдержал и рассмеялся.

— Конечно, когда речь не идет о пересечении интересов, — поправился стигиец. — Но это ведь не наш случай?

— Разумеется нет,уважаемый, — сказал Конан. — Мы хотим договориться с хозяином этого места, графом Бирафиrom.

— Ах так! — стигиец казался искренне удивленным. — А вас не смущает тот факт, что никто и никогда его ни видел? Я слышал, что даже “лиловые” ничего о нем не знают.

— До нас дошел слух, что он показывался в Сартосе, — сказал Сигурд. — Примерно полгода назад. О нем говорили, как о человеке богатом. И щедром.

— Слухи! Не более, — опроверг информацию стигиец. — Я был в это время на Побережье, никак не мог избавиться от груза фиг. В Сартосе видели только его людей, вернее тех, кто назывался его людьми. Платили они и впрямь щедро. Жили, как и я, в “Морском Змее”. Только седмицы через две они пропали куда-то и больше о них никто ничего не слышал.

— Даже, если это и не люди Бирафира, — сказал Сигурд, — то того факта, что в это же время граф приобрел поместье, вы ведь не станете отрицать. А на это деньги требуются немалые.

Конан тем временем открывал уже второе аргосское розовое.

— Стану. Немножко, — нехорошо улыбаясь, сказал стигиец. После той первой чаши он до вина больше не дотрагивался. — Когда Бирафир покупал свое нынешнее поместье, его прежний хозяин находился при смерти. Говорят, что граф заплатил лекарством, а отнюдь не деньгами.

Темная история. Этот прежний владелец был верным последователем культа Сета, и в доставшемся ему от брата поместье попытался навести порядок. Травил мелкие культуры, казнил жрецов противных ему течений, и немудрено, что это нелегкое занятие столь быстро исчерпало его силы, и до царства Нергала ему оставалось сделать всего пару шагов.

Стигиец ненадолго замолчал, запустил руку в густую шевелюру, а потом потянулся за кубком, предусмотрительно наполненным Конаном.

— Самое интересное, — продолжил стигиец, — что в недолгой истории этого поместья уже были люди, подобные предшественнику Бирафира. Они тоже пытались разрушить этот религиозный гадюшник, но все неизменно плохо кончали. И делали это очень скоро.

— К чему вы ведете? — спросил Конан. Что хочет сказать стигиец, он давно уже понял, но ему хотелось всё-таки до конца выслушать собеседника.

— Возможно, графа Бирафира не существует, — сказал стигиец. — Ни графа, ни его легендарных богатств. Возможно, что бирафирцы, хотя правильнее их будет называть лероссы по имени предыдущих владельцев, устроили заговор с целью захвата власти. А сам граф Бирафир не более, чем призрачная фигура, которая никогда и не существовала. Как иначе объяснить, что его никто и никогда и не видел?

— Может он действительно урод, как говорят люди? — предположил Сигурд.

— Который может излечить человека от смертельной болезни, — продолжил мысль стигиец, — а от своего недуга избавиться не в состоянии. Может быть. Только вот я в это не верю.

— Значит, предложим наше вино, — самоуверенно заявил Конан, — кому-нибудь из приближенных этого призрака. Или у вас есть более заманчивые предложения?

— Нет. Откуда? — сказал купец. — Впрочем и ваша идея не столь плоха.

В этот миг повозка подпрыгнула на кочке, и стигиец пролил вино себе на рубаху.

— Сет! — выругался купец. — Теперь лиловое пятно останется. Как не кстати! Да, прошу извинить меня, что я вас так задержал. Ваш друг, наверное, уже беспокоится. Удачной торговли!

— Благодарим! — в один голос ответили Сигурд с Конаном.

Стоило им выпрыгнуть из фургона, как слуги купца подвели пиратам оставленных им на попечение верблюдов. Ничуть немедля северяне забрались на животных, и направились к гостевым повозкам, стараясь как

можно быстрее оказаться подальше от гостеприимного купца.

Около повозки, в которой отдыхал Счастливчик, собралось немало караванщиков: как охранников, так и купцов. Но к тому моменту, когда Конан и Сигурд оказались на месте, они все уже расходились. Впрочем, несчастный вид оставленного в одиночестве зингарца хороших новостей не сулил.

— У нас больше нет денег, — обрадовал он друзей. — Совсем. Твоя птица, Сигурд, сбежала. Как выяснилась, направилась она в голову каравана, где находились предназначенные для продажи лошади. Твой полуумный попугай убил одну из них, и вдобавок догадался, гад, вернуться сюда. Вместе с ним пришли и те люди, которых вы сейчас встретили, и потребовали плату за лошадь. Взяли все наши деньги и еще недовольны остались. На предложение взять с собой еще и попугая не согласились.

— У нас новости не лучше, — сказал Конан, велев Счастливчику вылезать из фургона, где разговор могли подслушать, и перебираться на верблюда.

Когда трое друзей отъехали на расстояние, достаточное для того, чтобы не бояться быть услышанными, Сигурд начал рассказ о разговоре со стигийским купцом.

— Мы только что имели беседу с одним из «лиловых», — сказал он. — А может с человеком, который хочет выдать себя за «лилового». Он предостерег нас от поездки в Бирафир. При том, дав понять, что о нашем плане догадывается. Настроен вроде был благожелательно, правда, имени своего не назвал.

— Счастливчик, ты видел графа Бирафира, — спросил Конан, — когда он приезжал в Сартос, чтобы отблагодарить тебя? Его кто-нибудь вообще тогда видел?

— Нет. Только его людей, — ответил зингарец. — Но я думал, что это не имеет значения.

— Похоже, что имеет, — сказал Сигурд.

— И немалое, — добавил киммериец.

— Бирафир! — воскликнул Зелт. — Бирафир! Культ проклятый жрецами Кхарии. Бирафир-бессмертный! Бирафир-вечный! Тот что был и будет! Бирафир!

— Проклятая птица! — прорычал киммериец и попытался ударить попугая задней стороной ладони, но тот ловко избежал этого подлого покушения на своё здоровье и перепархнул на противоположное от Конана плечо Сигурда. — И без тебя настроение хуже некуда. Надеюсь, что хоть с новостями на сегодня покончено.

По лицам спутников капитана «Вестрела» было понятно, что они полностью согласны с озвученной точкой зрения.

* * *

Эмилио стоял на коленях. Голова его была опущена. Из-за этого длинные волосы постоянно попадали в глаза, и ему приходилось отодвигать их рукой назад. Тщательно подбирая слова, он возносил молитву своей богине.

Храм Дэркето в поместье в Бирафир был одним из самых первых строений, которое видит путник, прибывший со стороны Побережья. Это было одно из самых высоких зданий в Бирафире. И одно из самых красивых. Наибольший интерес вызывали фрески из разноцветной слюды, на которых были изображены девушки, предававшиеся всевозможным любовным утехам. Эмилио к своему стыду даже признал, что кое-что из увиденного он даже вообразить себе до этого дня не мог.

Желание вознести молитву своей богине было совершенно импульсивным. Свою благодарность Дэркето он обычно выражал простым упоминанием её имени, ну и тем, что иногда проводил ночи кабацкими девицами, которые, вроде как, тоже считались жрицами богини. Однако в последнее время удача стала ему сопутствовать слишком уж часто, и чтобы её не отбивать, он решил пожертвовать квадрансом своего времени и парой-тройкой серебряных монет.

Служба во имя Дэркето, как выяснилось, коренным образом отличалась от поклонения другим богам. Когда Эмилио вошел в двери храма, его взяла под руку хорошенская темноволосая девушка и начала рассказывать о том, что ему предстоит совершить внутри. Сначала Эмилио показалось, что всё очень даже просто. Когда он войдет в основное помещение храма, то в противоположном конце увидит статую богини. Он должен опуститься на колени и начать созерцать красоту Дэркето, а потом глядя в пол в молитве описать все прелести богини, расписать красоту тела её, величину желания, что охватывает каждого при виде её, ну и прочее. Затем надлежит снова поднять взор на богиню, и попытаться увидеть что-то новое, что не сумел он заметить сразу, ну и, конечно же, рассказать об этом в следующей молитве. И так далее. Чем больше, тем лучше. Богиня отблагодарит. Правда есть одна мелочь: нельзя ни что отвлекаться. Ни в коем случае, иначе богиня обидится.

Когда девушка отодвинула штору, закрывавшую вход, аргосец

подумал, что вряд ли можно назвать увиденные препятствия мелочью. Еще он понял, почему внутри, кроме него, только два паломника. Мало, кто захочет навлечь на себя гнев богини. Разве что, как он, по незнанию. Помимо статуи перед его взором предстали два десятка соблазнительнейших девиц, у которых из одежды были только венки на головах (точно такой же красовался и на статуе). Чтобы отвлечь от молитвы двух предшественников аргосца, они разыгрывали перед ними представление, некоторые детали которого были явно почерпнуты из фресок снаружи. Мысль о том, что надо возносить хвалу какой-то каменюке, пусть и олицетворяющей богиню, когда вокруг творится подобное, казалась Эмилио сродни бреду.

Тем временем один из молящихся не смог больше просто наблюдать за девушками, его соблазняющими, и набросился на одну из них, желая принять самое непосредственное участие в творящихся игрицах. Жрицы Дэркето к такому повороту событий оказались готовы, за несколько мгновений доведя мужчину до экстаза. Вскоре ясность мысли вернулась к нему, и он осознал, что нарушил запрет, а значит в храме ему больше делать нечего. Кинув последний взгляд на статую богини он направился к выходу. На первом шаге, его лицо было лицом крепкого тридцатилетнего мужчины. Сделав второй, он постарел лет на пять, но не заметил этого и по-прежнему шел вперед. После третьего шага лицо украсили старческие морщины, глаза утратили прежний блеск. На четвертом его волосы стали пепельно-серыми. Так с каждым шагом он становился всё старше и старше. Казалось, он понял, что происходит но уже не мог остановиться и продолжал двигаться вперед. Эмилио был настолько загипнотизирован этим зрелищем, что лишь в самый последний момент успел отскочить с пути несчастного. Когда рука того дотронулась до шторы, чтобы её отодвинуть, тело, не выдержавшее груза лет, рассыпалось прахом. Дэркето была очень ревнива.

С этого момента жрицы для аргосца существовать перестали. Когда это требовалось, Эмилио мог спокойно подчинить плоть велению разума. Мысль о собственной смерти пугала, однако не стоило забывать, что раз богиня быстра на наказания, то возможно, что она и за наградой не постоит.

Эмилио шесть раз поднимал взгляд на статую Дэркето и находил всё новые и новые прелести у каменного изваяния. Когда последняя хвалебная молитва подошла к концу, он решил, что пора убираться из проклятого храма. Но мысль о возможности скорой смерти вернулась и давила сильнее и сильнее, не позволяя спокойно обдумать сложившуюся ситуацию. Начали

раздражать самые простые вещи: волосы, что лезли в глаза, луч солнца, напекающий правое плечо, крики ребятни, доносящиеся с улицы. Аргосец понимал, что нужно просто встать и выйти, но боязнь того, что он был недостаточно почтителен, что речи его были неубедительны и что в храме он вообще первый раз в жизни, а значит возможно, что и он подобно тому бедняге рассыплется прахом у той красной шторки, крепко сковывала его по рукам и ногам.

— Встань, возлюбленный богини, — обратилась к Эмилио одна из жриц, невысокая светловолосая бритунийка, незаметно подошедшая к нему со спины.

Аргосец даже не подал виду, что услышал её слова. Интересно, они всех здесь “возлюбленными” называют или только особо отличившихся? Решили погубить не делом, так словом. Ничего у них выйдет!

— Встань, прошу тебя, — настаивала девушка. — Иначе богиня обидится.

Эмилио подумал, что уже совсем нечестно! Что было делать дальше, совсем непонятно. Чтобы он ни сделал, у Дэркето есть полное право его прикончить.

Жрице его сомнения видимо надоели, и она с немалой силой, которой Эмилио даже в его нынешнем состоянии успел подивиться, тряхнула наемника за плечо. Тот сначала на это никак не отреагировал. Однако через несколько мгновений встал, встряхнулся и бодрым шагом направился к выходу, отвешивая встречным девушкам улыбки. Богине Эмилио послал напоследок пару воздушных поцелуев.

Выйдя из храма и обнаружив себя в полном здравии, Эмилио от души расхохотался. Теперь он понимал, что чувствует осужденный, идя на эшафот. Чувство полной свободы и уверенности в своем будущем. Мысль о том, что, если бы он погиб, то погиб бы довольно красиво, смело приняв свою участь, грела аргосцу душу и заставляла гордиться собой.

Что делать дальше Эмилио не знал. Заниматься делами в таком состоянии было просто глупо. Сейчас он был ни чем не лучше пьяного.

— А почему бы собственно не напиться, парень, — сказал Эмилио сам себе. — Кувшин розового о菲尔ского я уж точно заслужил. Надо же! Выбрался живым из такого места!

Оставалось только выяснить где находится таверна. Этим вопросом аргосец и принялся досаждать мирным гражданам Бирафира. Те, видя, что молодой человек немного не в себе, удовлетворять его любопытство не спешили. Просветил в итоге наемника один из слепых, побиравшихся у храма Иштар Бирафирской. Таверна стояла практически по соседству с

домом графа Бирафир, что Эмилио более чем устраивало, и он, не медля ни мгновения, отправился уменьшать запасы её винных погребов.

* * *

Таверна “Бирафир” была заполнена только на половину. Солнечный диск лишь недавно миновал точку на небе, отмечающую половину его пути, и местные жители еще и не помышляли о прекращении своих дневных трудов. Так что посетителями были в основном заезжие купцы да наемники. Попадались среди них и моряки. Потому Красный и Зеленый, сидевшие за столиком неподалёку от двери, вполне гармонично вписывались в общую картину. Двоё пиратов прибывших из Сартоса заработать денег за то время, пока маги разбираются с созданным ими штормом. Вот только работы в поместье не оказалось, и они вынуждены пропивать последние денежки. Самая обычная картина.

Пили служители Митры охлажденное вино местного выдела. Если Красный не пытался скрыть своего отношения к «этому пойлу», то Зеленый просто наслаждался тем, что ему даровано в данный момент времени. Разговаривали они между собой довольно громко, не боясь быть услышанными. Ушёй остальных посетителей слова, произнесенные ими, не достигали. Одно из самых полезных боевых заклятий иногда использовалось и в обычной жизни.

— Как думаешь, — поинтересовался Красный у своего собеседника, — дойдут они до нас или нет?

— Пожалуй, нет, — сказал Зеленый. — Мы всё-таки второй рубеж. Белый и Синий должны встретить зингарца у храмов. Там он и останется.

— Только, если Белый не сочтет ситуацию слишком опасной, — сказал Красный, покручивая ус, видимо, пытаясь привыкнуть к появлению растительности на своем лице. — Или наш дорогой Синий выкинет какую-нибудь глупость.

Зеленый вздохнул, с сомнением посмотрел на кувшин с вином, который за квадранс их нахождения в таверне он практически полностью осушил, и всё-таки в очередной раз к нему приложился.

— А я хочу, чтобы они до нас дошли, — сурово заявил он, хлопнув рукой по столу. — Хочу сам прикончить этого ублюдка, из-за которого погиб Серебряный.

— Успокойся, ты, — произнес Красный, нехорошо посмотрев на приятеля. — Ты с такими идеями нас всех до Серых Равнин доведешь.

Зеленый наклонил голову, запустив руку в волосы, и какое-то время сидел молча.

— Знаешь, что мне кажется? — произнес он в конце концов. — До того, как мы убьем этого Счастливчика, наш отряд на два-три человека сократится точно. Поверь, бывал я уже в таких переделках. Видимой опасности никакой, но всё идет наперекосяк.

— И тогда тоже выбирали добровольца? — спросил Красный.

— Да. На моем веку так было четырежды, еще трижды кидали жребий — ответил Зеленый и вздохнув добавил. — Но это не были мои друзья.

Красный молча продолжал теребить ус.

— Хотя странно, что он не сделал этот выбор раньше, — продолжил Зеленый. — Серебряный ненавидел то, что мы делаем. Он был совсем другим. Совсем.

— А кто он? — спросил Красный, наплевав на запрет разговоров о жизни вне Кольца Кинжалов. — Он ведь появился в отряде после тебя?

— Ты точно хочешь это знать? — с некоторой грустью в голосе спросил Зеленый.

Красный кивнул.

— Ладно слушай, — согласился Зеленый. — Это было триста с небольшим лет назад. На восходной границе Аквилонии свирепствовала чума. Никто не знал, откуда пришла болезнь. Она уносила на Серые Равнины всё больше и больше людей. Лекари, жрецы и маги ничего не могли поделать. В одном только Шамаре погибло две трети населения. Сёла вымирали целиком. Однако, в итоге одному из магов повезло разобраться, в чем было дело. Болезнь по непонятной причине не трогала его. В сотне попадался лишь один такой человек. Говорили, что их бережет Митра. Чушь! Самые обыкновенные люди... Одним словом этот маг пробыл в окрестностях Шамара достаточно, чтобы почувствовать мощное, однако невероятно грамотно завуалированное заклятия. Последнее, что он в своей жизни почувствовал. Но в гибели своей он виноват сам. Не стоило ему соваться в то село, где он рассчитывал найти мага, сотворившего болезнь. Герой выискался. Хорошо, что хоть успел сказать начальнику городской стражи, куда он направляется. Чума же разрасталась с невероятной скоростью, причем к нашему несчастью она перекинулась и на Немедию. Тогдашний их король, Коэн, сгори он в Нергаловом пламени, был болван редкостный. Поставить грамотный заслон перед болезнью он не сумел, а вот собрать армию и повести её на соседа, чуму принесшего, оказался в состоянии. Видите ли, это мы так военную мощь Немедии подорвать хотим, что даже своих людей нам для этого не жалко, и чуму

наши маги сами создали. Болван! Аквилония тоже выдвинула войско к Шамару. Происходящее напоминало бред. Латерана, наша тайная служба, попыталась тогда сотворить в Немедии переворот, передав власть старшему сыну короля, который противился войне. Быстро сделать это у них не получилось, так что когда мы прибыли в Шамар, здесь царил полный хаос.

Отхлебнув вина, Зеленый продолжил.

— Нас обеспечили амулетами, которые должны были защитить нас от чумы. Только в них никто не верил. Правильно, как выяснилось. Двое из отряда заболели и умерли еще до того, как мы достигли той деревеньки, в которой скрывался маг. Только чумы мы тогда и боялись. Никому в голову не приходило, что мы не сможем с магом справиться. Мы слуги Мирты, облеченные его милостью. Мы, отправившие на Серые Равнинны стольких служителей Тьмы, что примись в Немедийской Академии наук составить их список, со счету бы сбились. Мы — Кольцо Кинжалов Митры! Только произошло всё совсем не так, как мы рассчитывали. В деревне всё ходуномходить начало, только мы там появились. Бревна, топоры, вилы — чего только в нас не летело. Трупики скотинки разной на рога посадить норовили. Сначала мы даже посмеялись над всем этим и спокойно шли к дому, где маг засел. Через нашу защиту такой мелочевке было не пробиться. Нас пятеро, а он один. Казалось, что всё предрешено. Но, когда до нужного дома шагов десять было, от нашей магии вдруг и следа не осталось. Исчезла вся защита в один миг. Коричневого тогдашнего сразу доской зашибло. Один из наших к магу в дом полез. Что с ним стало, так и не знаю. Ну а я, Белый наш, и Желтый к выходу из деревни, что было сил побежали. Желтый, правда, так и не спасся: его два полуразложившихся быка на рога подняли. Гадкое было зрелище.

Красный выглядел более чем удивленным. Подав служанке знак, чтобы она принесла еще вина, он кивком головы попросил приятеля рассказывать дальше.

— Знаешь, в тот день многое в моей жизни поменялось. Я ведь и вправду верил, что если погибну, то непременно к Митре на небеса попаду. Я же его слуга истинный, и все те мерзости, что творю, делаю исключительно во благо света. Если всё действительно так, то не хочу я Митре служить. Не мой это бог! — Зеленый глубоко вздохнул, глотнул вина и продолжил. — Мы бежали из той деревеньки что было сил. Было настолько страшно, что даже о направлении не задумывались. К вечеру мы набрели на маленькую часовенку, располагавшуюся на холме рядом с одним из погибших сел. Каково же было наше удивление, когда мы увидели свет, горящий внутри, и услышали голоса людей. Любопытство наше

пересилило страх перед заразой, и мы вошли внутрь. К нам вышел молодой митрианский монах с очень доброй улыбкой. Он представился. Звали его Серафим. Монах рассказал, что внутри часовни, он с братьями организовал приют, где лечит от ран и болезней и солдат, что немедийских, что аквилонских, и жителей сельских, и горожан. Всех, кому нужна была помошь. Я было собрался ужаснуться такому рассаднику чумы, но обратил внимание, что внутри нет никого с признаками этой болезни. И, вообще, вся обстановка была братская: двоё аквилонских солдат ухаживали за немедицем, потерявшим в боях обе ноги, какая-то знатная дама разносила еду крестьянам, митрианцы бегали от одного больного к другому, стараясь не оставить никого без помощи и утешения. Серафим рассказал нам, что Митра всегда готов защитить тех, кто в него верит, кто готов жизнь свою отдать, а другого спасти. Потому не делали они с братьями разницы между людьми помощи просившими. Чумы в самом начале они не испугались, решив, что всё руках Митры, и коли решит он забрать их жизни, так тому и быть. Но болезнь их не тронула. Каждый, кто приходил сюда выздоравливал. Серафим предложил нам ночлег и скромный ужин. Мы с радостью согласились. Только на душе было всё равно не спокойно. Несмотря на то, что здесь тепло и хорошо, вокруг продолжали гибнуть люди, а как остановить мага мы не знали. То, что оказалось не по силам пятерым, вряд ли удастся осуществить двум выжившим. Поужинав, Белый велел мне отправляться спать, а сам пошел к алтарю и всю ночь молился Митре с тем, чтобы тот ниспоспал ему решение нашей проблемы. На утро я узнал о нем. Все пять монахов должны были облачиться в Цвета, принести наши клятвы и отправиться во второй поход на мага. Серафим и остальные братья уже знали обо всем. Они согласились. Только Серафим истребовал от нас обещание дать ему шанс взять мага живым, ибо любое убийство претит учению Митры. Белый согласился. Оставив приют на попечении немедийского десятника, немного разбиравшегося в лекарском ремесле, мы двинулись в ту проклятую деревню. Заряженных амулетов почти не осталось, а потому рассчитывать мы могли лишь на удачу. У самой границы деревни Серафим сказал, что хочет пойти к магу в одиночку и уговорить того сдаться. Я в подробностях рассказал ему о том, что произошло, когда мы были здесь в первый раз, и поинтересовался по-прежнему ли тот хочет идти на переговоры. Монах поблагодарил меня и снял с себя все защитные амулеты, заявив, что теперь он точно знает, что они ему не понадобятся.

— Это был Серебряный? — перебил рассказчика Красный.

— Да. Когда он шел к дому, я про себя гадал, как именно он погибнет.

Но он делал шаг за шагом и ничего не происходило. Ничто не шевелилось. Я было тоже рванулся вперед, но Белый сжал мне плечо, показывая, что я там буду явно лишним. Так Серафим беспрепятственно дошел до дома, служившего магу логовом. Мы ждали чего угодно: гибели Серебряного, каскада молний, сметающего с лица всю деревню, монаха выволакивающего упирающегося руками и ногами стигийского мага. Произошло же совсем иное. Серафим вынес на руках чумазую девушку лет семнадцати. Связано говорить она не могла, только всё время плакала. До меня не сразу дошло, что это и есть наш маг. Лишь, когда Белый заметив моё замешательство, приподнял бровь, давая понять насколько он удивлен внешнему виду нашего противника, я осознал, что мы победили. Белый запретил нам пытаться проникнуть в ныне пустующий дом, опасаясь оставленных ловушек. Девушка за всю обратную дорогу до Тарантии не проронила не слова и ни на шаг не отходила от Серафима. В столице мы отдали её в руки магов, которые пообещали всем нам и Серебряному, в частности, что ничего плохого с ней не сделают. Обманули. Я об этом узнал через год после тех событий. Тех мучений, что бедняжка вытерпела перед смертью не пожелал бы никому. С Серафимом я этим своим знанием так и не поделился, но мне кажется, что он всё-таки узнал правду. Он не приемлил смерть, как меньшее зло. Ему было не место в Кольце Кинжалов. Убийство было противно его натуре. Мне кажется, что он оставался среди нас, надеясь уменьшить количество невинно убиенных и смягчить наши сердца, чтобы мы тоже однажды прозрели.

— Так что же тогда произошло? — спросил Красный. — Что за девушка? Как она смогла сотворить столь сложное заклятье?

— Не знаю, — пожал плечами Зеленый. — Нас не допустили к результатам расследования. Если хочешь, можешь поинтересоваться у магов или в Латеране. Только я очень сомневаюсь, что они соблаговолят тебе ответить.

— А всё-таки ты не прав, — сказал Красный. — Митра защитил Аквилонию. Он призвал к нам человека, способного остановить чуму.

Зеленый грустно хмыкнул.

— Только я сомневаюсь, что Серебряный согласился бы на эту роль, если бы знал какую цену ему предстоит заплатить.

— О чём ты? — не понял Красный.

— В той часовне, где мы ночевали, — сказал Зеленый, — я забыл свой колчан с метательными кинжалами. И когда отряд отправился в Шамар, а потом в Тарантию, я сделал небольшой крюк, чтобы забрать их. Того, что я увидел, мне не забыть никогда. Все находившиеся внутри часовни были

мертвы. Чума забрала их. Не выжил никто. Об этом я не говорил никому.

— Тогда почему сейчас говоришь? — спросил Красный.

— Да, потому что здесь, в Бирафире, — ответил Зеленый, проводя отрешенным взглядом изучая вошедшую внутрь таверны жрицу Иштар. Платьё её было черно-красным. Митрианец отметил про себя, что местные взгляды на хайборийских божеств далеки от традиционных, — я чувствую тоже самоё, что в той проклятой деревне. Некому будет меня осудить за мои слова, а может и некого будет осуждать.

— И что же ты чувствуешь? — довольно серьёзно спросил Красный.

— Что всё, что мы видим иллюзия, — после небольшой паузы ответил Зеленый. — Что на самом деле всё совершенно не такое, каким кажется. Мне тяжело объяснить.

— Бирафир? — уточнил Красный.

— В первую очередь, но не только. Слишком много всего непонятного вокруг. Но на этот раз я хочу раскрыть тайну!

Зеленый в ожесточении стукнул кулаком по столу, чем привлек себе взгляды многих собравшихся. Митрианец не преминул ответить на каждый из них, дав понять, что на месте стола вполне могут оказаться зубы любопытствующих. Связываться с подвыпившим моряком никто не пожелал. Вот только аргосец с темными волосами, постоянно лезущими в глаза, слишком долго сохранял на своем лице ухмылку. Зеленый внимательно вглядился в него и поняв, что парень тоже похоже навеселе, выяснять отношения не стал.

— Мне кажется, что пора применить заклятье, освежающее голову, — предложил Красный и шутя добавил. — Я, как человек благородного происхождения, вправе указать вам на это.

— Мне графья не указ! — презрительно кинул Зеленый.

— Тогда позвольте узнать ваш титул? — всё в таком же шутливом тоне продолжил Красный.

Зеленый, прищурив правый глаз, оценивающе взглянул на него.

— А, Нергал с тобой! — решился он в конце концов. — Послушай одну маленькую сказочку. Может она даст ответ на твой вопрос. Жил-был король, было у него четыре сына. Король был старый и мудрый, но ещё он был слишком добрый, а потому все соседи оттяпали у его королевства по хорошему куску. Старший сын был весь в отца. Очень строить любил. Если бы стал он королем, то наверняка бы прозвище Строитель заполучил. Но королем ему было стать не суждено. Погиб он на королевской охоте, упав с коня и сломав себе шею. Особо произошедшему никто не удивился. Уж очень плохим наездником был принц и на охоту поехал только из-за

бесконечных уговоров своей женушки, не желавшей отрываться от общества. Горе было во дворце великое. Сердце короля не выдержало смерти сына, и оказался старик прикованным к смертному одру. Одно утешение было у отца. Сынишка пятнадцати лет от роду, Сиги. Всё своё время у папеньки проводил, его деньки скрашивая.

На второго же сына, Рожера, наследником ставшего, навалились все несчастья, какие только можно себе представить. То вино за его столом окажется отравленным, то убийца в комнате подстережет. Невезение сплошное, одним словом. И решил Рожер разобраться, из-за чего жизнь его стала такой невеселой. Выяснил наследник, что «чем-то» этим был третий сын короля, Март. Всё сходилось так, что лишить его жизни собирался единокровный брат. Разгневанный Рожер отправился к Марту в покой и предложил своей рукой осуществить задуманное, а не подсыпать наемников. Только он, Рожер, будет этому, так сказать, противиться. Март всё отрицал, но всё же был вынужден согласиться на поединок, в котором пал от руки брата. Но стоило шпаге пронзить сердце несчастного, как в покой воровалась королевская стража и скрутила победителя. Короля новость о произошедшем довела таки до Серых Равнин, и его похоронили в один день с сыном. Сиги проявил воистину королевскую милость, пощадив кровавого брата. Убийцу отправили в митрианский монастырь. Там через несколько лет он потерял своё имя, зато обрел цвет.

— Но не Март ведь был виновником тех несчастий? — спросил Красный.

— Нет, конечно, — ответил Зеленый. — Даже в юном возрасте Сигиберт был тактическим гением. Впрочем, для Аквилонии неплохо, что королем стал именно он.

— Настолько спокойно к этому относишься? — удивился Красный.

— Чему здесь расстраиваться?! — ухмыльнулся Зеленый. — Сигиберт хоть и царствовал, а в сорок пять лет всё равно на Серые Равнинны гулять пошел. А я уже четыреста лет живу!

Красный сидел раскрыв рот.

— Ладно, и вправду надо применять заклятье, — уже серьёзно сказал Зеленый. — Мы тут с тобой разговорились, а зингарец с северянами уже у входа в поместье быть должен. Нехорошо будет, если капитан застукает нас в таком виде.

* * *

Музыка была повсюду. Она зачаровывала. Сначала её звуки были тихими, ласкающими. Щебетание птиц, шелест листьев постепенно слились в единую мелодию, которая начинала звучать всё настойчивей и настойчивей. В ней включились музыкальные инструменты, потом к ним добавились голоса людей.

Белый мог слышать пение каждого, несмотря на единовременность происходящего. Вот только язык был ему не знаком, но красота его поражала. Мелодия начала отражаться и в окружающем мире. Вокруг появились новые краски, штрихи которых ложились на окружающее сообразно ритмике звучащей в его голове музыке.

Начал меняться и он сам. Мысли и чувства подчинялись гармонии мелодии. Волна за волной накатывались на его сознание, очищая его от ненужных мирских ощущений. Потом он почувствовал запах спелых персиков. Остатки его прежней сущности восстали против происходящего, но очередная волна смела их подобно песчинкам.

Постепенно чарующие звуки начали стихать. Это причинило Белому такую боль, которой он не испытывал за всю свою долгую жизнь. К счастью он сумел уследить направление, в котором двигались незримые музыканты. Верхушка его сознания была теперь чиста. К нему вернулась способность говорить и самостоятельно регулировать свои движения. Это означало, что он сможет устремиться в погоню за музыкой. Снова возник аромат персиков. Но на этот раз Белый не обратил на него внимание.

* * *

— Мне надо получше оглядеть это место, — сказал Белый, махнув рукой в сторону строения, находившегося за храмом Эрлика Бирафирского. — Зингарец его точно не минует. Посмотрю, где можно устроить там засаду.

Синий с удивлением взглянул на товарища. Он определенно не понимал, зачем Счастливчику посещать конюшню и свинарник, что располагались за храмом. Конечно, Белому знать лучше, но почему он решил сообщить об изменениях в плане именно сейчас?

— Хорошо, — отозвался он. — Пошли.

— Не стоит, — сказал одетый в белое молодой щеголеватый дворянин, нервно переступая с ноги на ногу. — Я справлюсь и один. Отправляйся в таверну. Красному и Зеленому на глаза не попадайся. Подстрахуешь их в том случае, если дела пойдут не так, как мы рассчитываем.

— Ты уверен? — поинтересовался Синий, отлично понимая, что сейчас получит очередную отповедь.

В своих ожиданиях он не ошибся.

— Не забывайся! — довольно громко рявкнул Белый, чем обратил на себя внимание немногочисленных прохожих. Ссорящиеся в полный голос аквилонские дворяне были редкостью в этих краях. — Отправляйся.

Синий пожал плечами и направился в сторону таверны, поборов искушение выждать и проследить за командиром. Всё происходящее было довольно странным. Зачем было менять первоначальный план, он даже не мог представить.

Он и Белый должны были устроить нападение на путников, следовавших с караваном. Среди прочих планировалось убить зингарца и одного из северян, а затем скрыться в джунглях. Красный и Зеленый, изображавшие матросов с “Вестрела”, присоединялись к капитану или его помощнику (кому повезет прожить чуть дольше), чтобы быть в состоянии спокойно контролировать происходящее и не допустить ненужного вмешательства со стороны “лиловых”.

Если им с Белым по каким-либо причинам не удастся осуществить задуманное, то Красный и Зеленый сами отправляют на Серые Равнины искателей сокровищ.

Коричневому вменялось в обязанности отслеживать магические проявления в Бирафире. В случае обнаружения чего-либо, способного повлиять на исход операции, он должен был незамедлительно лично устранить зингарца, несмотря на все возможные последствия такого шага.

Желтый в операции задействован не был и должен был просто наблюдать за происходящем в Бирафире. Права на вмешательство у него не было. Белый решил, что немагические препятствия не могут быть существенными. Синий в принципе был согласен с таким решением командира. Желтый не был настолько умен, чтобы распознать реальную опасность. Хороший рубака, но не более того.

Теперь же неожиданно в резерве оказался и он сам. Но это еще не самое непонятное. Более интересным представлялось поведение Белого. В сказку про засаду в свинарнике Синий, конечно же, не поверил. Просто от него решили отделаться. Для чего? В голову приходил единственный ответ: чтобы не мешал. Чему?

Устранение Счастливчика было настолько важно, что один из членов отряда согласился добровольно расстаться с жизнью ради успешного завершения миссии. Что такого важного в этом зингарце? Белый несомненно знал ответ, однако делиться им не спешил. Впрочем, это не

важно. Достаточно знания того, что жизнь, а вернее смерть Счастливчика, намного ценнее их собственных жизней.

И тут происходит нечто, что отвлекает Белого от операции. Нечто еще более важное. Возможно, он заметил слежку со стороны “лиловых”. Нет. Тогда следовало отправляться навстречу каравану и прикончить зингарца до того, как они попадут в лапы магам Побережья. Возможно это было какое-то необычное местное явление, проявившееся в районе храма Эрлика. Тоже отмечается! Если это настолько важно, следовало оповестить весь отряд, а не прятаться от Красного с Зеленым.

Было, правда, у Синего еще одно предположение, которое он счел совсем невероятным. Белого могли околодовать. Тогда все его действия представлялись более, чем логичными. Только подобное невозможno. Абсолютно. Через все те амулеты, что навешаны на них сейчас не пробиться даже самому умелому магу.

В итоге Синий решил ничего не предпринимать и следовать указаниям Белого. Красный и Зеленый прирежут пиратов и зингарца, и тогда уже можно будет спокойно решать проблему с необычным поведением командира, если таковая подтвердит своё существование.

Колокол пробил всего лишь дважды после наступления полудня, но народу на улицах уже заметно прибавилось. Местные жители рано начинали свой трудовой день и рано его заканчивали. Только здесь они шли не в кабаки, где за бокалом охлажденного вина можно в комфорте переждать жару, а расходились по храмам. Синий с удивлением наблюдал картину, когда двоё влюбленных шли, держась за руки, по улице, а потом, поцеловавшись, разошлись. Он направился в храм Митры Бирафирского, а она в храм Сэта Бирафирского. И это был не единичный случай. Представители совершенно противоположных религиозных направлений спокойно сосуществовали в пределах одного поместья.

Так что, подойдя к таверне Синий не чуть не удивился тому, что не видит среди людей, входящих внутрь, местных. Да и заезжих купцов было, впрочем, тоже не сильно много. Митрианец высматривал себе какое-нибудь убежище, где он мог оставаясь незамеченным наблюдать за всеми прибывающими гостями. Пропустить зингарца он не желал.

Рядом с таверной располагались помещения, предназначенные для постоя животных. Делились они на две части: верблюжью и лошадиную. И если первая была более менее заполнена, то вторая пустовала. Наблюдение также показало, что прислуга заходит лишь к верблюдам, чтобы накормить их или почистить.

Из лошадиной части практически идеально просматривался подход к

дверям таверны, а интереса к ней никто не проявлял. Одним словом, лучшего места, чтобы скротать пару квадрансов, оставшихся до прибытия Счастливчика, найти было трудно.

Оставалось только незаметно пробраться в эту конюшню.

* * *

Эмилио стоило больших усилий отказать себе в удовольствии выпить кувшин аргосского. К тому времени, когда он добрался до таверны, ощущение близости к Серым Равнинам прошло. Также вернулась способность рационально мыслить. Так что, вино решено было заменить соком.

Публика, собравшаяся в зале, показалась аргосцу вполне обычной. Но чувство, что вокруг что-то неправильно, возникло почти сразу же и отступать никак не желало. В конце концов он понял, что именно ему не нравится. Двоих моряков, сидевших у входа в таверну и в немеренных количествах поглощавших вино.

Тот, что постарше, с огромным шрамом на лице, увлеченно рассказывал о чем-то приятелю. Если Эмилио хоть что-то понимал в мимике и жестикуляции, слова моряка в бело-зеленом одеянии должны были разноситься по всему заведению. Вместо этого от столика у двери доносился лишь непонятный шепот. Невозможно было даже распознать язык.

Магия. Стандартное заклинание, не дающее подслушать разговор. Эти двое кого-то ждали: просто так магию в дело пускать чересчур расточительно. Судя по их одежде, вероятность того, что этим кем-то являлись Конан с Сигурдом, была велика. Эмилио попытался понять, на кого могут работать «моряки». Было два очевидных варианта: «лиловые» или одна из жертв карты, проданной Счастливчиком.

Наемники оставляли странное впечатление. С одной стороны, их маскировке оставалось лишь позавидовать. И магией, опять же, владеют. Но то, насколько они непрофессионально себя ведут, поражало.

В этот момент один из моряков ударил кулаком по столу, чем привлек к себе внимание всех собравшихся. Эмилио настолько удивился подобному поведению наемника, что он не успел вовремя отвести взгляд. К счастью седой моряк не обратил на него особого внимания.

Эмилио вспомнил о тех семи убийцах, что действовали в Сартосе. Да, внешне они от этих двоих отличаются разительно, но изменить черты лица

при помощи магии вполне реально. Сложно, в принципе, но возможно.

В любом случае вопрос о нанимателе оставался открытым. В то, что им был один из Хозяев, Эмилио, честно говоря, не верил. Слишком это сложно, даже для стигийских магов. Хотели бы они прикончить зингарца, прикончили бы. В этом аргосец не сомневался. Если же в задачу неуязвимой семерки входило принудить Счастливчика к каким-либо действиям, то стоило признать, что справлялись они с ней плохо.

Скорее всего это какой-то сторонний человек пожелал смерти мошенника. Однако он должен быть сказочно богат. Сколько могли запросить за услуги убийцы из «Морского Змея» было даже сложно представить. Подобную сумму мог позволить себе лишь монарх одного их крупных Хайборийских государств. Эмилио усмехнулся тому, сколь широко развернула свою деятельность Счастливчик.

Соседство намечалось довольно неприятное. Если ему удастся убить зингарца, скорее всего семерка им заинтересуется. И причин, по которым они должны в итоге оставить ему жизнь, Эмилио назвать не мог.

Возможно, лучше всего дождаться, пока убийцы не выполнят за него его работу. Вот только, тогда он не сможет считать, что в полной мере отомстил за погибших товарищей. К тому же аргосцу хотелось разрешить загадку сокровища. И дело было не только в деньгах, которые он собирался требовать с Рашила. Любопытство однажды попав в его душу, теперь стискивало её стальной хваткой и отпускать не собиралось.

И Эмилио принял решение, которое казалось ему самому бредовым. Но, к сожалению, других вариантов просто не оставалось. Аргосец решил по мере возможности помогать пиратам и Счастливчику. Без него у них не будет ни единого шанса ускользнуть от убийц.

Аргосец привычным жестом отбросил волосы со лба и махнул рукой, давая понять, что собирается расплатиться. Симпатичная смуглая девушка подошла к нему и сообщила, сколько он должен за сок. Эмилио отдал деньги и направился к выходу, не глядя на мнимых моряков. Он собирался перехватить северян и зингарца до того, как они достигнут Бирафира. Времени в запасе было немного, но Эмилио надеялся успеть. Предстояло правда объяснить, кто он такой и откуда ему стало известно об убийцах. Придумывать не хотелось, и Эмилио решил, что соврет что-нибудь на месте.

Но то, что он увидел, едва покинув таверну, заставило его выбросить из головы все планы. Человека, вбежавшего в конюшню, Эмилио забыть было не суждено никогда. Долгих три года он являлся ему в ночных кошмарах.

Оли. Так его звали. Пять лет назад их судьбы пересеклись в столице Пуантена при обстоятельствах, о которых Эмилио вспоминать совсем не хотелось.

Аргосец тогда был совсем молод и иногда ввязывался в авантюры, многие из которых были не очень благоразумными. Эмилио и пятеро его друзей подвязались прикончить одного дворянина, который чем-то обидел другого. Платили очень хорошо.

Теперь он понимал, что стоило разузнать все обстоятельства, послужившие причиной для их найма. Тогда он смог бы догадался, что наняли его люди того самого графа, который и должен был стать их жертвой. В случае неудачного покушения на свою жизнь он мог выдвинуть обвинения против мнимого нанимателя, который, впрочем, и в самом деле жаждал его смерти. Причиной размолвки благородных особ была честь дочери одного из них, на которую довольно удачно покусился сын другого. Девицу эту Эмилио в итоге увидел и понять, зачем кому-то понадобилась её честь, не сумел.

Но до этого было неудачное нападение на экипаж графа, следовавший в Тарантию. Все товарищи Эмилио тогда погибли, а его самого поместили в городскую тюрьму. Там он и встретился с местным палачом. В течение четырех седмиц он каленым железом добивался от Эмилио дачи «правильных» показаний. Правда аргосец уже на третий день понял, какие именно слова от него хотят услышать на суде, и согласился их произнести. Вот только Оли на это было плевать: ему нравилась его работа, он получал от него удовольствие и выпускать Эмилио из своих лап не торопился. Через какие муки только не прошел за это время аргосец.

Но хуже всего был страх. Оли умел заставить бояться себя. Больше всего Эмилио опасался, что палач нанесет ему какое-нибудьувечье, с которым жить он просто будет не в силах. Оли почти сразу догадался об этих его страхах и очень умело на них играл. Глаза, сухожилья, пальцы рук и ног, уши, нос: со всем этим Эмилио успел не раз попрощаться. Самым же ужасным было то, что аргосец никак не мог прекратить эти издевательства.

На судилище Эмилио сумел выступить настолько умело, что жизнь ему всё-таки сохранили, приговорив к пожизненным работам на рудниках. Но провел он там чуть меньше года: смышленого паренька заметил один из агентов Латераны и убедил начальство взять Эмилио на службу. Однако большого желания работать на Аквилонию, в которой его постигло столько несчастий, у аргосца не было. И он, инсценировав свою смерть, перебрался в Хоршемиш, где и встретил Рузеса. Вот только прежде, чем покинуть Пуантен, он дал клятву, что однажды вернется сюда и отправит Оли на

свидание к Нергалу.

Увидев своего заклятого врага в Бирафире, Эмилио немало удивился. А уж то, что палач был одет, как средней руки дворянин, было совсем странным. Впрочем это никак не повлияло на решение, принятое Эмилио. Оглядевшись по сторонам и поняв, что за ним никто не наблюдает, аргосец направился в конюшни вслед за лысым палачом. Тот преспокойно растянулся на стоге сена так, словно кого-то ждал, но понимал, что времени в запасе предостаточно. Эмилио он не узнал.

— Что тебе здесь понадобилось? — недовольным голосом произнес Оли, поправляя синюю треуголку, съехавшую на одного ухо.

— Не узнаешь? — поинтересовался Эмилио, нехорошо ухмыляясь.

— А что, должен? — спросил Оли. — Может я и каждого местного нищего по имени знать теперь обязан?

Эмилио вытащил меч из ножен и начал приближаться к своему врагу.

— Нет, нищих ты знать не должен, — произнес он. — А вот своего убийцу лучше припомнить. Иначе мне перед смертью мне придется тебя хорошенько помучить, чтобы освежить твою память.

Синий вскочил на ноги и, вынув меч, начал перемещаться в ту часть конюшни, которая снаружи не просматривалась.

— Так ты поиграться захотел? — усмехнулся палач. — Сразу бы сказал. Я не прочь поразмаяться. Ты же помнишь, я это хорошо делаю... Эмилио.

Оли расхохотался, а Эмилио бросился в атаку. Палач с легкостью отбил его первый выпад, правда сам нападать не спешил. Эмилио трижды проверял его защиту, но аквилонец не допустил ни единой ошибки. Улыбка с лица Оли уже не сходила. Он раз за разом показывал Эмилио бреши в своей обороне, но в последний миг ускользал от смертельных ударов.

Потом эта игра надоела палачу, и он начал новую. Оли ринулся в атаку, столь мощную, что Эмилио даже не мог помыслить об ответных выпадах. Аквилонец наносил аргосцу царапину за царапиной так, чтобы тот, не утратив сил, осознал собственную беспомощность. Эмилио происходящее напомнило те дни, что он провел в плена в Пуантене, и с яростью, что обуревает иногда нордхеймцев в бою, он ринулся на своего противника. Два укола в ноги очень быстро остудили его пыл, и аргосец снова ушел в глубокую оборону.

Оли похоже надоело играть с беспомощным противником, и он наносил все более болезненные удары. Эмилио проклинал себя за глупость. Как можно было так неразумно ввязаться в драку?! Почему он решил, что мечом владеет лучше, чем этот проклятый палач?! Обидно, что придется

умереть от рук этого негодяя. Обидно и глупо.

В этот миг в конюшню ворвался отряд стражи, видимо привлеченный шумом сражения. Эмилио подумал, что возможно у него появился шанс остаться в живых. Командир стражи громко потребовал прекратить сражение и бросать оружие. Одновременно и он сам, и пятеро его подчиненных вынули сабли из-за плеч на тот случай, если словок окажется недостаточно.

— Подожди немнога, — сказал Оли противнику, отклонив в сторону его меч и ударив аргосца левым кулаком по лицу. Эмилио отлетел локтей на пять и к тому же при падении стукнулся затылком, из-за чего перед глазами всё поплыло. — Сейчас разберусь со стигийцами, а потом мы продолжим.

Стражники, надо отдать им должное, ситуацию оценили сразу. Для начала они оттеснили Оли подальше от Эмилио, а затем попытались его окружить. Оружие бросить уже не требовали. Оли расхохотался и атаковал одного из стражников. От двух ударов стигиец сумел защититься, но третий вскрыл ему глотку. Действовал аквилонец столь быстро, что никто из стражников не смог помочь товарищу.

Когда стигийцы наконец взяли аквилонца в кольцо, двое из них одновременно начали атаку. Оли не шелохнулся. Два лезвия прошли сквозь него, не причинив ему никакого вреда. Крутявшись на ногах, аквилонец на одном движении поразил обоих противников. Троё выживших с ужасом смотрели на Оли.

— Ну что же вы?! — воскликнул он. — Атакуйте, я жду.

Одновременно с этими словами он смешался к выходу из конюшни, чтобы перекрыть стражникам путь к отступлению.

Эмилио наконец понял, с кем именно он связался. Следовало связать появление Оли в Бирафире с семеркой убийц. Аквилонец мог оказаться в этих краях, только если у него была в этом острая необходимость. Дворянский же наряд палача должен был навести на мысли о маскировке, а отсюда до убийц всего один шаг. Плюс ко всему те смерти оступившихся служителей Митры, о которых говорили в Сартосе. Теперь он уже не сомневался, что дело рук Оли, двух «моряков» из таверны и еще четырех человек, которые сейчас тоже наверняка находятся в Бирафире.

Правда все это уже не имеет никакого значения. Ему конец.

Двое из трех выживших стражников все-таки решили напасть на Оли. И снова сталь не причинила аквилонцу никакого беспокойства. Но на этот раз ответным выпадом он смог достать только одного стражника, да и то задел лишь руку. Оли рассмеялся. Умелое сопротивление явно доставляло ему удовольствие.

Аквилонец приближался к стражникам, покручивая в руках меч. Тут один стигийцев не выдержал и рванул, что было сил, к выходу. Оли чуть-чуть смеялся в сторону, пропуская стигийца. Когда тому оставалось сделать всего лишь один шаг, чтобы оказаться вне пределов достояемости меча аквилонца, Оли быстрым движением лишил несчастного головы.

Тем временем Эмилио пришла в голову одна неплохая идея. Если повезет, то он может и спасти. Вот только слишком уж сильно должно было повести. Оли был настолько уверен в своей неуязвимости, что на удары стражников даже не обращал внимания. В этом и заключался шанс на спасение.

Будучи правой рукой Рузеса, Эмилио был обязан заучить элементарные заклинания. Практической пользы от них было мало, но произвести впечатление помогали. Рузес был самоучкой, а потому конструкция его заклятий отличалась от стандартной. Да, основы были взяты из стигийской магической школы, но, так как Рузес обучения не проходил, чередование различных элементов заклятий было другим. Стигиец объяснял Эмилио, что от заклятий самоучки нельзя закрыться. Они слабы, разрушить их действие ничего не стоит, но первичная защита может быть рассчитана только на использование «правильных» заклинаний.

Эмилио подозревал, что Оли не смог бы сейчас одолеть даже опытный маг из Черного Круга. Аквилонец защищен и от стали, и от магии. Он знает это, а потому в своей неуязвимости не сомневается.

Среди заклинаний, которым Рузес обучил аргосца, было заклятье разрушения магии. Применялось оно в основном, чтобы снимать защиту с различных замков. Эмилио решил испробовать его на Оли. Он надеялся, что идеи его учителя окажутся верными, и хотя бы на миг Оли лишился своей защиты. Еще, в глубине души, он рассчитывал на помощь Дэркето: не зря же он столько ей молился! Дождавшись, когда последний из оставшихся в живых стражников пойдет в атаку, Эмилио выкрикнул заветную формулу. Сабля стигийца прошла сквозь живот Оли и... осталась там. Аквилонец безумно зардал, не в силах перенести боль. Стигийца, однако, он всё-таки зарубил.

Упав на колени, Оли начал ползти к выходу из конюшню, продолжая жалостно стонать. Сабля стигийца так и торчала у него в животе, но крови не было.

Эмилио не стал дожидаться, пока на крики раненого сбежится весь трактир. Подбежав к бывшему палачу, аргосец оглушил его ударом эфеса меча по голове. Убивать аквилонца Эмилио не спешил, решив, что сначала

вытрясет из него побольше информации. Если Оли, конечно, выживет. С подобными ранениями аргосец еще никогда не сталкивался.

С трудом оттащив бессознательное тело в дальний конец конюшни, Эмилио прислонил его к стене, а сам занялся трупами стражников. Не хватало только, чтобы их нашел какой-нибудь служок из таверны. Аргосец покидал тела в одно из стойл, завалил их соломой и, как мог, вытер кровь. Затем подошел к Оли и, убедившись, что аквилонец всё еще жив, уселся рядом с ним и стал ждать, пока тот очнется.

* * *

Коричневому было очень стыдно. Он должен был следить за тем, не появился ли в городе какой-нибудь маг, способный помешать Кольцу Кинжалов прикончить Счастливчика. Но побороть искушение посетить храм Митры Бирафирского он не смог. В этом поместье все религиозные течения претерпели такие изменения, что с исходными верованиями могли вообще не иметь ничего общего.

Он, честно говоря, не рассчитывал, что жреца Сета, в чьем облике он сейчас прибывал, пустят внутрь. Но бирафирская веротерпимость казалась бесконечной. На улицах Коричневому встречалось немало последователей культов, которые во всем остальном мире враждовали, а здесь могли вести задушевные беседы. Так что и местные митрианцы никаких препятствий магу чинить не стали.

Храм Митры Бирафирского разительно отличался от всех остальных, посвященных этому богу. Огромное каменное строение, ничем не украшенное, но тем не менее производящее сильнейшее впечатление. Потолок был расположен столь высоко, что оставалось только подивится мастерству строителей.

Большая часть помещения была заполнена скамьями, на которых располагались посетители. Возле алтаря стоял жрец, облаченный в отнюдь не традиционную для митрианцев черную одежду, и вещал о своей вере. Слушателей сначала было не очень много. Коричневый отметил про себя, что для того чтобы заполнить храм полностью не хватит даже всех жителей Бирафира. Судя по всему столь огромное пустующее пространство являлось еще одной архитектурной задумкой.

Воздух внутри храма был свежим и прохладным. Коричневый попытался уловить, с помощью какого именно заклинания был достигнут подобный эффект. Однако у него ничего не вышло. Маг-митрианец

немного удивился этому, но потом пришел к выводу, что скорее всего дело в правильной организации поступления воздуха снаружи.

Производило впечатление и звуковое оформление происходящего. Откуда-то издали доносились журчание воды, перемешивавшиеся с пением птиц. Время от времени слышались звуки каких-то музыкальных инструментов, которые через мгновение замолкали, и возникало впечатление, что на самом деле то была всего лишь игра воображения. Впрочем, может оно и в самом деле так было. Жрец, возносивший молитвы и читавший проповеди, очень умело пользовался своим голосом, переходя то на шепот, то на крик. Казалось, он был такой же неотъемлемой частью храма, как камни их которых состояли его стены.

Постепенно храм начал заполняться людьми. Только они приходили сюда не возносить молитвы, а слушать их. Жрец был их глашатаем перед Митрой. Удивительно, но внутри храма не было ни одного изображения божества, только статуя перед входом и всё.

Коричневый подошел поближе к алтарю, чтобы лучше слышать слова жреца. Места впереди было предостаточно. Бирафиры, а их к тому времени собралось уже примерно полсотни, предпочитали дальние скамьи.

Слова, что произносил жрец были удивительны. Он начал с того, что культ Митры является лишь меньшим злом нашего мира. Затем объяснил, откуда это вытекает. Роль богов часто неправильно понимается людьми, сущность их извращается. Некоторых небожителей сложившееся положение вполне устраивает. Им важно поклонения и те жертвы, что им приносятся. Из них они черпают силу, необходимую для продолжения их существования. Другим же судьба людей менее безразлична. Да, именно так. Богам нет никакого дела до людей, их волнуют собственные взаимоотношения и необходимость поддержания существования. Человечество лишь материал, и некоторые предпочитают поддерживать этот материал в хорошем состоянии. Им важно, чтобы люди знали, на что именно направлены их действия. Тогда их поклонение приносит богам больше силы. Честность, вот что определяют «доброту» Бога по отношению к человеку. Митра — один самых честных богов Хайбории, но он бог, а потому блага от него исходить не может.

Коричневый настолько заслушался, что не сразу заметил, что среди людей, находящихся в храме, есть и тот маг, которого он почувствовал в Сартосе. Теперь слова жреца, несмотря на немалый интерес митрианца к ним, превратились лишь в набор звуков. Всё внимание было приковано к магу.

Коричневый огляделся, пытаясь определить, кто из собравшихся

людей, может быть заинтересовавшим его человеком. Однако, все спокойно слушали жреца и не обращали никакого внимание на озирающегося стигийского мага. И тут в сознание Коричневого, словно кто-то постучал, привлекая к себе внимание. Внезапно он понял, что подобный стук и оторвал его от проповеди. Значит это не он нашел мага, а маг нашел его.

Митрианец попытался проследить путь, которым пришел этот магический стук. Так как прошло какое-то время, уловить происхождения заклинания представлялось довольно затруднительным, но всё-таки он сумел это сделать. Шаг за шагом. Своё чувство магии, возмущения в окружающем, совмещение, сопоставление. Должен вырисоваться путь... Нергал! Неизвестный маг издевался над ним. Заклинание исходило от каждого из присутствующих, а наиболее толстая нить вообще тянулась к жрецу.

Но тут начали происходить еще более странные вещи. Нити, отмечавшие путь заклятия, пришли в движение. Подобное было невозможным! Но тем не менее это происходило. Их колебание становилось всё сильнее и сильнее, и они одна за одной устремились к Коричневому. Маг не выдержал и произнес защитное заклинание. Нити разбились, будто стекло о камень, а в сознании митрианца раздался чей-то смех.

Что ж, стоило заняться незнакомцем всерьез. Правда, очень сильно мешало, что использовалась незнакомая магия, хотя и явно со стигийскими корнями. Это означало, прежде всего, невозможность построения хорошей защиты. Значит будем атаковать. Коричневый больше не пытался проследить визуальный путь до незнакомца. Вместо этого он послал в ответ смеху заклятье, взрывающее сосуды в мозгу человека. Неэффективно, но очень эффективно. Сзади послышался шум. Коричневый обернулся. Пятеро бирафирцев упали замертво. Был ли среди них маг неизвестно.

К невероятному удивлению Коричневого, жрец не прекратил своего рассказа о сущности божественного. Казалось, что ему нет дела до собравшихся людей. Внезапно Коричневый заметил, что жрец немного вырос, а присмотревшись понял, что тот и продолжает расти. Воздух в храме стал темнеть. Клубья черного тумана начали появляться то здесь, то там. С задних рядов раздался рёв. Коричневый обернулся. Лица людей изменились, теперь на него смотрело полсотни демонов. Пятеро лежали мертвые, и к ним подбиралось несколько тварей, рассчитывающих подкрепиться плотью собратьев.

Маг сделал то, что предписывается делать в ситуациях, подобной этой. Произнес заклинание разрушения иллюзии. И действительно храм Митры

начал постепенно возвращаться к привычному облику. Плохо. Заклинание должно действовать мгновение. В голове снова раздался тот же зловещий смех. Коричневому стало страшно. Надо было как-то ответить. Нельзя позволять магу подобной силы свободно разгуливать во время их операции. Придется идти на жертвы.

Маг начал плести заклинание, прозванное «сетью». В ячейки «сети» попадались люди, предрасположенные к изучению магии. Чем меньше ячейки, тем больше жертв. Мощное заклинание, уклониться от него практически невозможно. Есть у него и отрицательные стороны: после произнесения у заклинателя значительно поубавится сил, да и невинных жертв не избежать. Но пусть лучше они, чем он.

Коричневый выкрикнул формулу, и «сеть» накрыла храм, а затем начала медленно опускаться на головы собравшихся. Неизвестный маг ускорил её движение, одновременно сузив ячейки до такой степени, что эффекта «сети» не избежал бы и её создатель. Оставалось разрушить заклинание или погибнуть вместе со всеми присутствующими.

Нет! Жизнь дороже. Коричневый произнес соответствующее заклинание, и «сеть» рассыпалась.

«Трусишка», — возник в голове ехидный голос.

На этот раз митрианцу удалось проследить нить. Не теряя времени он начал закачивать одно смертельное заклинание за другим. Их сила была такова, что на пути их следования умирали люди. Когда Коричневый решил, что маг должен был уже умереть, он попытался проникнуть в его мысли. Он соблюдал аккуратность, постепенно продвигаясь вперед. Судя по ощущениям мозг действительно был уже мертв, но это не должно было помешать выудить из него нужные знания.

Жрец продолжал вещать о меньшем зле.

Картина, открывшаяся Коричневому, была довольно странной. Казалось, что все мысли погибшего занимали лишь одно заклинание. Происхождение его было стигийским, но конструкция была совсем нестандартной. Потому пришлось хорошенько потрудиться, чтобы сложить вместе кусочки головоломки. И стоило наконец добиться нужного результата, как он тут же попытался очистить сознания мага от своего присутствия, поняв, что произошло.

Но было поздно. Расставленные ловушки ожили. То странное заклятие было направленно для создания ложной цели, одновременно являющейся капканом. Маг был столь милосерден, что дал митрианцу разобраться, куда именно он попал, но теперь намеревался его пленить.

Коричневый изо всех сил продирался сквозь путы, что сковывали его

часть сознания, покинувшую тело. Его магические способности практически истощились. Тогда он на секунду оставил добычу в руках врага, а сам произнес заклятье “случайной смерти”, практиковавшееся в Гиперборее. Для любого митрианца это было запретное знание, а значит его враг не может ожидать применения этой магии и не может быть от неё защищен.

Всего лишь миг на произнесение нужной формулы. Маг уже захватил треть его сознания, и если не поставить барьер он продолжит продвигаться вперед со столь же впечатляющей скоростью. «Случайная смерть» сработала. Половина бирафирцев упала замертво. Коричневый почувствовал невероятной силы удар, перед глазами всё поплыло, руки и ноги не слушались. Однако сознание было полностью свободно. Заклинание достало его врага.

Очень хотелось поверить, что маг погиб, но это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Скорее всего, он просто потерял сознание. Митрианец с трудом поднялся на ноги, из носа шла кровь. Шатаясь он направился к выходу, дико озираясь, надеясь понять, с кем он вёл дуэль. Сил на то, чтобы произнести заклинание поиска не осталось. Их вообще не осталось.

— И однажды боги поймут, что сделали, — жреца похоже совершенно не интересовала разыгравшаяся магическая битва. Впрочем, бирафирцев тоже. — Будут черные дни. Лишь кровь будет в силах очистить...

Что именно она будет очищать Коричневый не услышал. За пределы храма звуки не проникали. Возможно именно этим объяснялось, что сюда еще не сбежалась вся стража. Люди вокруг не обращали на пошатывающегося стигийского мага никакого внимания. Последователей религий, в которых применяются вредящие здоровью ритуалы, в Бирафире предостаточно.

Внезапно в сознание Коричневого раздался знакомый стук. Он посмотрел в сторону храма Митры, но видимо маг уже успел смешаться с толпой.

Мысль о скорой смерти была неприятной, но отрицать реальность было бы глупостью. Коричневый понял, что должен успеть сообщить Белому о маге. Вот только сначала нужно его обнаружить. Он с трудом составил заклинание “послания”, вложив в него последние силы. Теперь оставалось произнести лишь одно слово, и заклинание должно было активизироваться.

Тут он заметил, как в одном из переулков спешно скрылся, одетый в черное человек. Митрианец направился за ним. Мир всё еще плыл перед

глазами, и прежде, чем добраться до места он дважды успел упасть на землю. Опираясь руками о стены домов он продвигался вперед. Снова впереди мелькнула та фигура. В ногах словно добавилось силы, и он уже бежал вперед. Он наталкивался на людей, но силы возвращались к Коричневому, и он без труда отбрасывал их с дороги.

Человек перемахнул через небольшой забор. Коричневый испугался, что для него он станет непреодолимым препятствием. Но нет. Маг легко подтянулся и через миг спрыгнул по другую сторону. Его глазам предстала небольшая уличка в пять домов. Во всех них недавно похозяйничало пламя. Фигура в черном направилась к дальнему и скрылась в нем. Коричневый устремился вдогонку.

Двери не было, и маг-митрианец без труда проник внутрь. Тут его сознание обожгла мысль: зачем он погнался за своим противником?! Он же мог сохранить себе жизнь!

«Потому что я так захотел», — раздался в голове знакомый голос.

Коричневый продолжил движение внутрь дома.

«Видишь, ты хочешь убежать, а твои ноги ведут тебя ко мне», — продолжал вещать незнакомец.

Коричневый попытался пошевелить рукой, но у него ничего не получилось.

«Убедился? А я ведь могу контролировать не только твоё тело, но и твои мысли. Ты теперь полностью мой».

Митрианец верил незнакомцу. Надо было найти хотя бы способ покончить с собой. На то, что удастся завершить заклинание «оповещения» надежды уже не было. Он продолжал идти вперед. Впереди показалась фигура его врага, но света было слишком мало, чтобы он смог её разглядеть с такого расстояния.

«Можешь не беспокоиться. Умереть я тебе не дам. Поверь, у меня очень много идей, как тебя можно использовать».

Еще два шага, и он увидит лицо незнакомца. Внезапно раздался скрип ломающегося дерева. Одно из прогоревших бревен падало прямо на митрианца. Последним, что он услышал перед смертью, были проклятья мага, одетого в черный наряд.

* * *

Конан, Сигурд и Счастливчик прибыли в Бирафир, когда уже вечерело. По каравану ходили слухи о разбойниках вблизи поместья, и пока

разведчики не были отправлены и не вернулись, передвижение приостановилось. Вместе с разведчиками ездил и Сигурд. Официально в качестве бездумной военной силы, в действительности осмотреться и рассказать капитану, что же твориться на подступах к Бирафиру. На самом деле не творилось ничего. Просто слухи.

Счастливчик за время дороги выиграл немного денег в кости, которые поделил на три части. Зелт почти всё время молчал, но на подъезде к Бирафиру стал вести довольно нервно. Его обычный бред перешел в еще более глубокую стадию. Говорила птица в основном на кхарийском.

Когда караван подъезжал к поместью, Конан отправился навестить “лилового”, который рассказывал о Бирафире. Однако, как выяснилось, он продолжил путь отдельно, и уже с утра находится вне каравана. Новость эта киммерийцу пришла не по нраву. Подобных людей лучше держать под боком, кем бы они ни были: друзьями или врагами.

Само поместье произвело на путешественников немалое впечатление. Никто из троих до конца не верил в сказки про «город ста храмов». Однако пришлось оставить свои сомнения. Восемь огромных храмов, что встречали прибывающих в поместье путников, были воистину великолепны. Остальные здания на их фоне выглядели убого. Но, тем не менее на лачужки сартоских бедняков они не походили, из чего можно было сделать вывод о достатке бирафирцев.

Граф Бирафир, как успели узнать путники за время путешествия, жил в большом трехэтажном доме на небольшой возвышенности. Примерно туда караван и направлялся. Таверна “Бирафир” соседствовала с домом графа. Изначально остановка в поместье не планировалось, но из-за столь позднего прибытия караванщики всё-таки решили её совершить.

Конан настоял на том, чтобы также посетить таверну. Во-первых, надо было успеть занять комнату на случай, если граф не соизволит принять их сегодня, что довольно вероятно. Во-вторых, стоило послушать о, чем говорят завсегдатаи. Никакая информация лишней не будет. А в-третьих, с дороги хотелось отдохнуть.

Сигурд немного спорил с капитаном, считая, что медлить сейчас довольно опасно. Неизвестно, какие действия за это время предпримут призрачные убийцы из Сартоса, да и «лиловый» не просто так вперед ускакал. Однако доводы Конана, на сторону которого встал Счастливчик, были всё-таки весомее.

Караванщики начали устраивать на ночь лошадей и верблюдов, договариваясь с служками о кормежке и чистке. Некоторые путешественники решили ночевать в повозках, другие отправились внутрь

таверны узнавать о наличии свободных комнат. Конан и двое его друзей присоединились к ним. Киммериец немного задержался перед дверью. Его внимание привлекла пара людей, выходящих из конюшни. Один с огромным трудом поддерживал другого, видимо нерассчитавшего количество выпивки. Конану на миг показалось, что из живота второго торчит меч. Однако человек всё-таки переставлял ноги, да и крови не было, и киммериец решил, что ему показалось.

Сигурд окликнул киммерийца, и Конан вслед за товарищами вошел в таверну.

— Эй, капитан! — раздался крик.

За одним из столов сидело двое матросов с «Вестрела».

Того, что постарше, с множеством сережек и шрамом через всё лицо, звали Грув. Он был одним из помощников Зелтрана. Один из самых умелых моряков. О своем прошлом Грув рассказывать не любил. Ходили слухи, что большую часть своей жизни он провёл в рабстве.

Второй, одетый в красно-белую рубаху, на корабле появился недавно. Аквилонец по происхождению, Рики был отчаянным рубакой. Только Конан мог соперничать с ним во владении мечом. В один из визитов на Барахас он напросился в команду «Вестрела», победив в испытательной схватке сразу троих моряков.

Киммериец и ванир немедля направились к двум своим людям.

— Что вы здесь делаете?! — рявкнул Сигурд.

— Нас прислал Зелтран, — ответил Грув. — Он...

— Откуда он узнал, что мы направляемся в Бирафир? — перебил матроса киммериец.

— Позапрошлым утром с ним связался офицер по имени Рашил, — сказал Грув. — Он сообщил Зелтрану, где вас искать. Хозяевам предъявили обвинение в вашем найме. Рашил рекомендовал найти вас, как можно быстрее и просить вернуться в Сартос. Иначе «лиловые» будут вынуждены убить вас, чтобы очиститься от подозрений.

— Странно, — обратился к капитану Сигурд. — Почему тогда тот «лиловый» из каравана нам ничего не сказал?

— Что именно произошло на корабле? — спросил у Грува киммериец. — Рашил приходил сам по себе или как представитель Хозяев? Что именно он сказал Зелтрану?

Седой матрос пожал плечами.

— Не знаю, капитан, — ответил он. — Они беседовали у боцмана в каюте. Потом офицер ушел, а Зелтран велел мне немедля отправляться в Бирафир. В помощь мне отдали Рики.

— Деньги на лошадей дал вам Рашил? — спросил Сигурд.

— Я не знаю, — с сомнением в голосе произнес Грув. — Кошель с монетами мне вручил Зелтран, а откуда у него деньги одной Иштар известно.

Рики, как и Счастливчик, молча стоящий за спинами своих друзей, участия в беседе не принимал. Сигурда это немного удивило. Аквилонец был известен своей болтливостью.

— Сидите здесь, — велел Груву и Рики киммериец. — Мы узнаем, остались ли свободные комнаты.

Киммериец направился к стойке. Сигурд и Счастливчик последовали за ним.

— Но, капитан, — умоляюще произнес Грув. — Зелтран просил, чтобы вы, как можно скорее, возвращались на корабль.

Сигурд обернулся и выразительно поднял бровь, давая понять моряку, что это не его ума дело. Грув обречено покачал головой.

— Хозяин! — громко обратился киммериец к толстому человеку в фартуке, беседующему с караванщиками. — Есть свободные комнаты?

— Будьте любезны подождать, пока я закончу разговор, — бросил содержатель таверны, окинув нелестным взглядом наглых варваров.

— Так и быть, — ответил Конан и в знак согласия отошел на несколько шагов.

Сигурд вопросительно посмотрел на капитана.

— Сам не знаю, что думать! — произнес капитан. — Однако, что бы ни происходило, мне это не нравится. Рики и Грув на себя не похожи.

Счастливчик переступал с ноги на ногу, будто не решался что-то сказать. Конан заметил это, и дал понять зингарцу, что лучше всё выложить.

— Тот, что молчал всё время, — сказал Счастливчик, — глядел на меня, как на старого знакомого, а я его первый раз вижу.

Сигурд и Конан удивленно посмотрели на зингарца.

— Точно вам говорю, — сказал тот.

— Вот еще новость! — спросил у товарищей Конан. — Что будем делать? Лично я хочу навестить графа, а потом уже думать возвращаться ли в Сартос.

— Согласен, — сказал Сигурд. Счастливчик кивнул. — Грува и Рики оставим здесь?

— Нет, — ответил киммериец. — В любом случае будет лучше, если мы сможем за ними приглядывать.

Тем временем разговор у стойки подошел к концу. Караванщики,

видимо, так и не смогли договориться о цене и покинули таверну.

— Хозяин! — привлек внимание к себе киммериец.

— Нет у меня комнат! — ответил толстый стигиец самым вызывающим тоном. — Все заняты.

Конан грозно посмотрел на него, сплюнул и двинулся к столу Грува и Рики.

— Капитан, нам поговорить с ним? — поинтересовался Рики.

Сигурд незаметно пихнул Счастливчика локтем под ребра, а сам поправил перевязь с мечом.

— Не стоит, — ответил киммериец. — Расплачивайтесь и пойдем. У нас есть дела.

Не дав матросом времени на возражение Конан быстрым шагом направился к двери. Сигурд и Счастливчик отстали от него всего на пару шагов. Стоило друзьям очутиться на улице, как ванир обратился к Счастливчику.

— Будь осторожен, — проговорил он. — Эти двое не с «Вестрела». Их спектакль провалился и, когда они это поймут, начнут действовать. Вполне возможно, они здесь по твою шкуру.

— Может и по наши с тобой, — обратился киммериец к своему первому помощнику. — В случае чего, бери на себя Грува, а я разберусь с Рики.

В этот момент из двери показался аквилонец с длинными черными усами. Вслед за ним вышел и седой моряк, одетый в полосатую зеленую рубаху.

— Идем! — велел им Конан. — Когда мы будем на месте, рта не открывать. Поняли?

Грув и Рики закивали головами.

Особняк графа находился через два дома от таверны. У того, кто возводил это красивое трехэтажное здание, был действительно неплохой вкус. Архитектура отличалась великим множеством мелких неповторяющихся деталей, которые, однако, не вредили симметрии. Особо стоило отметить обилие изображений всевозможных богов. По перилам балконов вились змейки, олицетворявшие Сета. На краю крыши устроились Иштар и Дэркето. Замок был выполнен в виде ухмыляющейся мордочки Бэла.

В особняк время от времени заходили люди. Этот факт вселил надежду в сердца путешественников. Вполне возможно, что именно сегодня день приемов, когдаgraf лично решает разногласия между своими подданными.

Конан заметил, как напрягся Грув, когда они поднимались по

лестнице, ведущей к дверям особняка. Однако, Рики был абсолютно спокоен.

Киммериец громко постучал ручкой по мордочке воровского бога. Раздались шаги, и дверь открылась. На пороге стоял седой слуга, одетый во всё черное.

— Что вам угодно? — поинтересовался он.

— Мы желали бы поговорить с графом, — ответил ему киммериец.

— Боюсь, что это невозможно, — сообщил слуга. — Сегодня граф не принимает. Как, впрочем, и в другие дни.

— К кому же тогда идут со своими невзгодами жители Бирафира? — спросил Конан.

— К управителю графа, — ответил слуга.

— Тогда нам нужно встретиться с ним, — сказал Конан.

— Хорошо, проходите, — произнес слуга, пропуская гостей. Внутренний вид особняка ничуть не соответствовал внешнему. Большая часть деталей интерьера была выполнена из темных пород дерева, и это особенно подчеркивало царивший здесь сумрак. Множество свечей, установленных на черных подсвечниках, было не в силах его разрушить. На некоторых стенах висели гобелены, но на то, чтобы разглядеть их детали, опять же не хватало света. — Вы не похожи на местных жителей, так что учтите, если ваши разговоры не понравятся управителю, он может обратиться к мастеру-мечнику, чтобы тот вас убил. Законы Бирафира подобного не возбраняют.

— Благодарю, — ответил капитан «Вестрела». — Я полагаю, управитель графа заинтересуется нашим делом.

— Буду очень рад такому исходу, — сказал слуга. — Следуйте за провожатым.

Бирафириец хлопнул в ладоши, и из тени вынырнул еще один одетый в черное человек, постоял немного и направился по лестнице, ведущей наверх.

Гостям не оставалось ничего не оставалось, кроме как пойти за ним. В отличие от первого второй этаж был более светлым. На стенах висело множество картин с батальными сценами. Полы были застелены красными иранистанскими коврами. Лестница вывела пиратов в коридор со множеством дверей. Слуга направился к одной из них. Перед дверью стояло трое людей, одетых, как мастеровые.

— Вы тоже к управителю? — поинтересовался у них Конан.

Бирафириец открыл рот, чтобы ответить, но слуга перебил его.

— Да, — сказал он. — Но вас это никак не должно интересовать.

Проходите. Управитель ожидает вас.

С этими словами он распахнул дверь.

Мастеровые спорить не стали, что немного удивило Конана. Он ожидал ярого сопротивления с их стороны. Ждать никто не любит.

Киммериец первым вошел в приемную управителя. Помещение было довольно большим. Стиль был выдержан тот же, что и на всем этаже. Светлое дерево, картины со сражениями, преобладание красного над остальными цвета над остальными. На столе, за которым сидел управляющий, царил определенный беспорядок. В комнате, впрочем, тоже. Книги, находящиеся в шкафах, явно содержали не сочинения стигийских поэтов, а бесконечное множество всевозможных расчетов и приказов.

Управляющий был довольно молод. На взгляд Конана ему было не больше тридцати. Стигиец. Голова гладко выбрита, глаза очень глубоко посажены, но лицо оставляет всё-таки приятное впечатление. Одет он был в красную рубаху с длинными рукавами.

Конан тихо кашлянул, привлекая внимание. Управляющий на миг оторвался от бумаг, с которыми работал, привстал, приветствуя гостей, и указал рукой на стулья, находившиеся рядом со столом.

— Устраивайтесь, — предложил он.

Конан, Сигурд и Счастливчик заняли три ближайших стула. Груву и Рики достались дальние. Они собирались было их подвинуть, но Конан показал им, чтобы сидели, где сидят. Управляющий снова погрузился в бумаги, и, казалось, напрочь забыл о посетителях.

— Ужасно много работы, — наконец сказал он. — Прошу меня просить. Я осведомлен, что дело, по которому вы ко мне явились, срочное. Так что, давайте приступим.

— Вы знаете, в чем оно стоит? — осведомился Конан.

— Нет, — ответил управляющий.

— Вообще-то вопрос, который мне планируем затронуть, довольно щепетильный, — сказал Конан. — Поэтому мне кажется, что говорить лучше непосредственно с графом.

— Это невозможно, — покачал головой бирафицец. — Я занимаюсь всеми делами графа. Понимаете, всеми.

В доказательство своих речей он указал на шкафы с бумагами.

— Вы были на своей должности и полгода назад? — спросил киммериец.

— Именно полгода назад я на неё и заступил, — подавляя раздражение в голосе. — В это время граф и приобрел поместье. Если вы пришли говорить, то говорите, а не тратьте моё время.

— Ладно, — сказал Конан и сделал рукой знак Счастливчику. Зингарец отдал Конану мешок, который всё это время носил с собой. Капитан «Вестрела» развязал его и вынул две высушенные головы, приобретенные в своё время в Сартосе. — Раз вы так много знаете, то, может, сумеете их опознать.

Управляющий в ужасе отшатнулся и протянул руку к шнуре, который, как можно было догадаться, служил для вызова охраны.

— Нет, — ответил он. — Я это первый раз в жизни вижу!

— Возможно, — согласился Конан, — но у меня есть некоторые сомнения в этом. Эти двое полгода назад пытались убить моего друга.

— Как я вижу, дальше попыток дело не зашло, — к управляющему понемногу возвращалось спокойствие. Во всяком случае вызвать охрану он больше не пытался. — Какое отношение граф Бирафир имеет к этому прискорбному событию?

— Самое прямое, — ответил киммериец. — Граф Бирафир приобрел у моего друга одну карту. Пройдя по ней он обнаружил сокровище. Не знаю, что именно им двигало в тот момент, но он нанял убийц и отправил их в Сартос взять жизнь моего друга.

— И у вас, наверное, есть доказательства? — с иронией в голосе спросил управляющий графа.

— Мое слово, останки наемников и, — на мгновение Конан задумался, — пожалуй, всё. Вот только думаю Хозяевам этого будет достаточно. Я смогу найти людей способных опознать убийц. Черты лица вполне различимы. А “лиловые” проверят Бирафир, и, наверняка, разыщут тех, кто видел этих двоих в обществе людей графа.

Управляющий задумался.

Конан понимал, что он страшно блефует. Очень может быть, что граф не подсыпал убийц к Счастливчику. А даже, если он прав в своих предположениях, то нельзя отбрасывать тот вариант, в котором графу известно абсолютно всё о несчастной судьбе наемников.

Конан рассчитывал прежде всего на невероятную удачу Счастливчика, которая помогла ему спастись от всех тех наемников и безумцев, что планировали отправить его на Серые Равнины. Зингарец рассказывал ему и Сигурду, что большинство из них сами погибли, причем по чистой случайности: то на гвоздь напорются, то поскользнутся и на меч упадут. Вполне возможно, что и люди, нанятые графом Бирафир, как-нибудь глупо нашли свою смерть, скажем под ножами тех же саббатейцев.

— Неприятно. В любом случае расследование, — в итоге заключил управляющий, — оставит пятно на репутации графа. Вы, вероятно, хотите

денег?

Конан кивнул.

— Может, стоит вас всех убить? — продолжил рассуждать бирафирец. — Но нельзя не учитывать того, что вы могли оставить сообщение о том, куда и зачем вы направляетесь. Ладно, жизнь вам придется в любом случае сохранить.

— Благодарю, — произнес Конан.

— Не стоит, — совершенно серьёзно ответил управляющий. — Надо будет провести расследование и узнать были ли вы в то время Сартосе. Хотя это опять же бросит тень на репутацию графа. Так что, всё зависит от того, сколько денег вы запросите.

Конан было собирался назвать сумму, которую они с Сигурдом и Счастливчиком согласовали по дороге в Бирафир. Вдруг управляющего затрясло, он упал с кресла. Рот его открывался, словно он пытался что-то сказать, но не произнести ни звука. Зрачки закатились, руки били по полу.

Четверо пиратов и Счастливчик обступили тело, не зная что делать дальше. На лице Грува читалась серьезная озабоченность происходящим.

— Давайте убираться отсюда, — предложил он. — А то сейчас сбежится вся охрана.

Но в этот миг приступ кончился причем столь же внезапно, как и начался. Управляющий с трудом приподнялся, опираясь на один локоть. От руки, предложенной Конаном, он отказался.

— Граф желает побеседовать с вами лично, — сказал он.

— Как найти покой графа? — спросил Конан. Мысль убраться подальше из особняка тоже стала казаться ему заманчивой.

— Я не знаю, — отрешенно произнес управляющий. Хоть это и было невероятно, но киммерийцу показалось, что он говорит правду. — Наверное, большая дверь на третьем этаже.

Конан развернулся к двери, чтобы выйти, но внезапно почувствовал страшную слабость и был вынужден встать на колени, чтобы не упасть. Четверых его спутников ноги также больше держали. Комната начала заполняться белым дымом. Звуки вокруг стихли, и сознание понемногу оставляло киммерийца. Ему показалось, что Грув пытается что-то ему сказать, но он уже был не в состоянии различать слова. Через несколько мгновений мир померк.

* * *

Когда Конан открыл глаза ему показалась, что произошла чудовищная ошибка. После смерти он планировал очутиться на Серых Равнинах у Нергала или в чертогах у Крома. Это уже как боги между собой разберут.

Сейчас же, судя по обстановке, он находится где-то у Митры. Вокруг всё было белым. Белый стол, белый стул рядом с ним и белый деревянный пол. Будь в наличии потолок и стены, они тоже, вероятно, были бы белыми. Но нет, вместо них вокруг летали облачка, правда тоже без единого серого пятнышка.

— Овечки! — раздался мерзкий крик на бритунийском. Голос принадлежал не человеку. Птице, а именно Зелту.

Конан счел, что ошибка должна быть слишком большой, чтобы еще и эту тварь вместе с ним на небеса отправили. Может просто Равнинны на самом деле не Серые. Очевидцев, собственно говоря, не было.

— Капитан, ты в порядке? — из облака вышел Сигурд, наклонился над Конаном и потрепал его по щекам.

— Где мы? — спросил Конан.

— На небесах! — ответил Сигурд, усмехнувшись. — Ну, откуда я знаю? Я сам только очнулся. Счастливчик и моряки наши, кстати, тоже здесь. Что-то мне подсказывает, что мы вполне можем находиться в гостях у графа Бирафир. Нас пригласили к нему в покой, вот только использовали для этого не самый традиционный способ. Помнишь особняк графа?

Конан кивнул и, приняв руку, протянутую первым помощником, поднялся на ноги.

— Так вот, — продолжил Сигурд. — На первом этаже стояла такая тьма, что собственных сапог не видно. На втором красные дорожки, картины, на которых кровь ручьем льется. Да и вообще посветлее там было. Значит, каким должен быть третий этаж? Правильно, именно таким, каким он предстал перед нами.

— Потолок не может быть расположен столь высоко, — сказал Конан. — Я помню примерную высоту дома. Получается нас через портал какой-нибудь сюда затащили.

— А может заклинание, изменяющее пространство? — поинтересовался ванир. Птица на его плече зашлась злорадным смехом.

— Тоже возможно, — согласился Конан, проигнорировав попугая. — Я за свою жизнь несколько раз и с тем, и с другим сталкивался. В любом случае прием впечатляет. Пошли будить остальных.

Сигурд согласился, и они отправились приводить в чувство товарищней.

Облака, как вскоре заметил Конан, имели свойство постоянно

перемещаться, что мешало ориентироваться в пространстве, особенно когда из поля зрения пропадал стол. Так киммерийцу несколько раз показалось, что он заблудился в этом странном месте.

Грув и Рики находились действительно в том месте, которое указал Сигурд. Капитану пришлось их довольно долго расталкивать. Первым очнулся Рики и очень странно посмотрел на Конана, а потом начал дико озираться вокруг.

— Где мы? — спросил он.

— Не знаю, — сказал Конан. Делиться с моряком, недоверие к которому усиливалось всё больше и больше, домыслами Сигурда он не стал.

Тем временем в себя пришел Грув. Приподнявшись, он огляделся, недовольно хмыкнул и обратился к Рики, игнорируя капитана.

— Будь настороже, — сказал он. — Мне совсем не нравится это место.

Конан собрался было разобраться с Рики и Грувом. Пора было прекращать эти игры. Но подошли Сигурд с Счастливчиком. Одновременно с этим откуда-то из-за стола раздались шаги.

Все замерли и, сохраняя молчание, стали ждать появления хозяина этого странного места. Поступь была очень легкой, женской или детской. Сигурд положил руку на эфес своего меча, Грув подвинул поближе колчан с метательными ножами.

Из тумана показалась фигура. Обитатель третьего этажа был невысок, по пояс Конану. Одет он был в снежно-белый плащ с капюшоном, который скрывал лицо. Фигура приблизилась к гостям. Наклонив голову, хозяин внимательно изучал каждого из них.

— Добро пожаловать в Бирафир, — произнес звонкий нежный голосок.

Ни у кого не нашлось слов, чтобы ответить на приветствие.

— Что же вы молчите? — пропел хозяин.

Зелт вспорхнул с плеча Сигурда, пронесся над головами пиратов и подлетел к обладателю детского голоса.

— Птичка, — обратился он к попугаю, протягивая вперед руку. — Иди ко мне.

Зелт послушался и опустился на импровизированный насест, а затем выдал фразу на кхарийском, который стал для него за последнее время основным языком общения с миром. Хозяин к всеобщему удивлению ответил птице.

— Где мы? — спросил взявший себя в руки Грув.

— У меня в гостях, — ответил голосок. — Только вы очень скучные. Я

начинаю жалеть, что позвал вас. Казалось бы такая интересная компания, а все почему-то молчат.

Конан встрихнулся и сделал шаг к хозяину. В конце концов, он капитан и именно ему следует вести разговор.

— Вы граф Бирафир? — спросил он.

— Да, капитан, — радостно произнес хозяин. — Я — Бирафир. Вот только графом называть меня не стоит. Я очень не люблю разные титулы.

— Вы маг? — спросил Грув. Конан хотел осадить матроса, но тот суворо посмотрел на него, давая понять, что сейчас не до соблюдения ролей. Киммериец подумал и промолчал, понадеявшись, что человек, выдающий себя за помощника Зелтрана, знает, что делает.

— Можно сказать и так, Рожер, — сказал Бирафир и рассмеялся беззаботным детским смехом. — Кем меня только не считают! Однажды мне это надоело настолько, что я решил ненадолго исчезнуть. Никто не понимает, как я скучаю! Я же в конце концов ребенок!

— Тогда, почему вы скрываетесь от всех? — спросил Конан.

— От кого? — удивился Бирафир. Его белый плащ заходил мелкими волнами. — Я позвал в гости всех, кого мог. Но никто не пришел! Никто! И мне пришлось забавляться со своими игрушками самому. Рожер, Сизарлик, почему они не пришли?

Сизарлик в непонимании уставился на ребенка в белом плаще. Рожер же похоже догадался, о чем говорит Бирафир, и его рука потянулась к метательным ножам.

— И ты туда же! — зло крикнул мальчик-маг. Правая рука Рожера в мгновение ссохлась, а затем рассыпалась прахом у его ног.

Рожер с трудом сохранил самообладание, но вот Сизарлик подготовился обнажить меч.

— Стой, Красный! — рявкнул седой матрос, с трудом преодолевая боль. Затем он обратился к Бирафиру. — Прошу простить меня за несдержанность.

— Ладно, — согласился мальчик, и у Рожера вновь отросла рука, вот только одежда на ней не появилась.

— Вообще-то, мы хотели узнать, — обратился к Бирафиру Конан. О чем бы ни говорил лже-Грув с этим парнишкой, лучше перевести разговор в другое русло, иначе не чем хорошим это не кончится, — как вы сумели добыть сокровище, означенное на карте моего друга.

Мальчик наклонил голову, и Конану показалось, что он улыбается под капюшоном.

— Ну, я просто пришел и взял себе оттуда немного золота, — ответил

Бирафир. — Зачем? Не знаю. Наверное, захотелось оставить себе, что-нибудь на память об этом месте. Там было довольно интересно.

Конан и Сигурд не смогли ничего на это ответить. Мальчишка же опять топнул ногой. Все пятеро его гостей разом отпрянули назад, памятую о том, что произошло с Грувом. Бирафир в очередной раз звонко рассмеялся.

— Не бойтесь, — умоляюще произнес он. — Я же только хочу развлечься. У меня не никого нет. Только игрушки, вроде вас, а я должен расти и развиваться.

— Кто ты такой? — спросил Сизарлик. Его голос дрожал, а рука тянулась к мечу.

— Бирафир, — ответил мальчик. — Я же уже говорил.

— Да, кем бы ты ни был! Сдохни! — закричал Сизарлик и бросился на Бирафира с мечом.

Мальчик рассмеялся, и матрос превратился в горстку пепла, подобно руке Грува.

— Жаль, — заключил хозяин белой комнаты, — но он был плохой игрушкой. Надеюсь, вы меня не разочаруете. Впрочем, чтобы этого избежать, я пожалуй дам вам некоторые объяснения. Как меня это утомляет! Если бы я был взрослым, этих проблем не было.

Бирафир трижды хлопнул в ладоши, и из пепла возник Сизарлик. Его облик остался прежним, вот только глаза изменили свой цвет на зеленовато-желтый.

Сизарлик издал мерзкое шипение и зло посмотрел на своих товарищней.

Бирафир тем временем устроился на столе, закинув ногу на ногу. Он подождал, пока пираты насладятся преображенным видом своего товарища и приступил к объяснениям.

— Это одна из моих первых игрушек, — сказал он. — Змеечеловек. Сейчас находится в одной из двух крайних фаз. Хитрое, но неблагодарное существо. Меня в достаточной степени развлекали их попытки покорения мира, но в какой-то момент они стали слишком настойчивыми и от них пришлось избавиться. Сейчас я позволю ему развернуться, и вы сможете понаблюдать за его реакцией.

Сначала Сизарлик никак не отреагировал на это позволение, лишь начал активно принюхиваться. Затем резко крутанувшись вокруг собственно оси, прыгнул на Бирафира, в полете преображаясь в змею. Не долетел он всего два локтя. Мальчик хлопнул в ладоши, и змей завис в воздухе.

— Видите, что произошло, — сказал Бирафир, спрыгивая со стола. — Один из моих приятелей приучил их сражаться против меня. Полностью взял власть над ними. Отобрал мою игрушку!

Зелт усился на голову змее, бывшей Сизарликом, и принялся выклевывать ей глаза.

— Оставь его, — приказал Бирафир птице. — Он мне еще понадобится.

— Сколько же тебе лет? — спросил мальчишку Конан. — Ты бог?

— Еще одно глупое название! — топнул ногой мальчик. — Я — Бирафир! Сколько можно повторять?! Откуда я могу знать сколько мне лет? Я был всегда и буду всегда.

Рожер усмехнулся.

— Ты в этом так уверен? — произнес он. В нем добавилось уверенности. — По-моему однажды тебя чуть не стало.

Мальчик внимательно посмотрел на седого пирата.

— Я был прав! — радостно воскликнул он. — Я думал, что если соберу у себя столько замечательных игрушек, то один из моих приятелей появится!

Рожер поклонился, отдавая долг догадливости Бирафира.

— Если ты говоришь о последних днях Кхарии, — продолжил мальчик в белом плаще, — когда ты со своими друзьями собрался выдворить меня, то буду вынужден тебя разочаровать. Мне просто стало неинтересно. Вы поломали столько моих игрушек, разрушили всё. Злыё.

Жалости на лице у Рожера не было.

— Когда ты наконец умрешься, ублюдок?! — в ярости проговорил он. Одновременно он бросил взгляд на змею. Сизарлик тут же обрел свой прежний облик, правда при этом довольно сильно шмякнулся об пол.

— Глупый ты, — заключил Бирафир. — Почему вы все никак не поймете, что я вечен. Я мог бы сейчас забрать твою жизнь, но не стану этого делать. Я еще слишком юн, мне надо набраться мудрости. А еще, как всякий ребенок, я хочу играть.

— Ты соорудил себе неплохой игрушечный город, — возразил Рожер. — Вот и оставайся в нем. Исчезни из нашей жизни! Исчезни!

Мальчишка в белом плаще опустился на колени и разрыдался.

— Я всё это сделал, — с трудом произнес он, — чтобы вы пришли ко мне и поиграли со мной.

— Мир не место для игр, — сказал ему Рожер. Он уже не пытался скрыть ту ненависть, что питал к своему собеседнику. — Тем более для твоих.

— Но ведь однажды вас всех не станет, — непонимающе проговорил Бирафир. — С кем мне тогда играть? Я хочу насладиться миром сейчас.

— Сейчас ты насладишься смертью, — крикнул Рожер и выставил руки вперед. Мальчика отбросило куда-то за стол, а Рожер совершил всё новые и новые пассы руками. Когда все собравшиеся решили, что мальчишка погиб, он предстал их взглядам. Не торопясь он шел в сторону Рожера. Его голову мотало из стороны в сторону, словно кто-то обрушивал на неё чудовищной силы удары. Но Бирафир не обращал на них внимания и продолжал идти вперед.

Рожер творил заклинания до того момента, пока Бирафир не оказался от него на расстоянии вытянутой руки. Тогда он издал всхлип и, потеряв сознание, упал к ногам своего противника. Мальчик в белом плаще наклонился над телом, прислушиваясь к дыханию поверженного.

— Сбежал, — грустно заключил он, поднимаясь. — Всегда был трусом. Ничего я бы ему не сделал. Зачем спешить?

Рожер застонал.

— Мы можем идти? — обратился к мальчишке Конан, молчавший всё это время. — Свою роль мы сыграли.

Бирафир на мгновение задумался, а потом покачал головой.

— Если бы он остался поиграть, — сказал мальчик, — то задерживать вас смысла не имело бы. Но он сбежал, и я хочу хотя бы оставить себе игрушки.

Мальчик приблизился к Счастливчику и принял его внимательно разглядывать.

— Никого ты себе не оставишь, тварь! — произнес Рожер, успевший подняться на ноги и обнажить меч. — Правильно, что я не желал служить этому трусу. Он сбежал, а вот мне хватит смелости бросить тебе вызов.

Лицо дрожащий голос выдавал страх седого пирата.

Бирафир внимательно посмотрел на него, изучая произошедшие с ним изменения.

— Да ты же даже не бог! — изумился мальчишка.

— Зато, не трус. Сизарлик ты со мной? — спросил Рожер у окончательно пришедшего в себя товарища. — Капитан, бегите! Я задержу его! Дверь в двадцати шагах за вашей спиной. Перед тем, как сбежать, наш друг поделился со мной кое-какими знаниями. В том числе, что эта тварь ослаблена и у нашей с графом магии есть небольшой шанс. Слышишь, Бирафир?!

Мальчишка радостно захлопал в ладоши.

— Игра! Настоящая игра! — закричал он.

Сизарлик и Рожер попытались напасть на Бирафира одновременно с двух сторон. Удалось ли им поразить хозяина белой комнаты Конан так и не узнал. Вместе с Сигурдом и Счастливчиком он мчался в направлении, указанном ему человеком, что носил лицо Грува.

Дверь была столь же девственна белой, как и всё вокруг, так что никто из троих беглецов её не заметил, пока она не возникла буквально на расстоянии одного локтя от них. Сигурд мощным ударом ноги распахнул её, и все трое выбежали в коридор.

Предположения Сигурда оказались верны. Пираты и Счастливчик очутились на третьем этаже особняка графа. Не снижая скорости бега, они направились к лестнице. Несколько мгновений, показавшихся им вечностью, и они уже на первом этаже. В тот момент, когда беглецы мчались к входной двери, из местных теней возник один из слуг.

— Вы интересовались сокровищем? — поинтересовался он. Это был глубокий старик.

— Да, — сказал Счастливчик. Пираты сначала не обратили на слугу внимания и были уже в дверях.

— Я был с Бирафиром, когда он был в пещерах, — сказал старик. — Я проведу вас туда, если вы обеспечите меня деньгами и отвезете в Аргос или Зингару, где я смогу провести свои последние деньки. Вы же моряки? Я так устал от этой страны.

— Ты знаешь, как избежать опасностей, — спросил Конан, — что подстерегают охотников за сокровищем? Или все проблемы решил Бирафир своей магией?

— Если я собираюсь туда с вами, — сказал старик, — то уж, поверьте мне, как меньшее рассчитываю покинуть это место живым.

Счастливчик и Сигурд вопросительно посмотрели на Конана.

— Ладно, старик, — сказал капитан “Вестрела”, — ты идешь с нами. Надеюсь, ты не запрошишь слишком много денег.

За то время, что они были в доме графа, солнце успело скрыться за горизонтом. Однако, людей на улицах меньше не стало. Странное место. Конану очень хотелось посмотреть на окна третьего этажа особняка, но осторожность взяла верх над любопытством.

Быстрым шагом четверо путников направились в сторону таверну, рядом с которой расположился караван. Никто не желал находиться в Бирафире ни одного лишнего мгновения, а потому, как только, Сигурд и Счастливчик нашли и привели верблюдов, путешественники погрузились на них и отправились прочь из поместья.

— Жаль птицу пришлось оставить, — сказал Сигурд, когда они

миновали последние дома.

— Ничего, — ответил ему Счастливчик, — зато теперь маленькому графу будет с кем поиграть.

Сигурд только горестно вздохнул.

— Эй, стойте! — раздался крик со стороны поместья. — Подождите!

К путешественникам приближались те двое, которых Конан заметил днем выходящими из конюшен. Оказалось, что киммериец был тогда прав. Из живота одного торчал меч.

— Тяжелый гад, — произнес темноволосый аргосец, приближаясь к пиратам. — И никак не очнется. Не знаю, что с ним делать.

— Ты кто такой? — некуртуазно поинтересовался рыжебородый ванир. — И чего тебе надо?

— Меня Эмилио зовут, — сказал аргосец. — И я знаю, что за люди охотятся за вашим другом. А этот знает, почему они это делают. Вот только он никак не придет в себя.

— И чего тебе надо, Эмилио? — осведомился Конан.

— Я с вами за сокровищем хочу, — сказал аргосец. — Я вам всё по пути расскажу. Если решите, что вру, выгоните. Делов то.

— У нас нет лишнего верблюда, — сказал киммериец.

— Ничего, — ухмыльнулся Эмилио. — У меня тут лошадка привязана поблизости. Вдруг вы бы отказались, и пришлось тайком скакать за вами.

* * *

Над Бирафиром стояла ночь. Желтый ждал остальных в одном из двориков, который был избран Белым в качестве места встречи. Воин не сомневался, что, кроме него никого здесь сегодня не будет.

Вечер в поместье выдался довольно странным. Хотя ничего удивительного в этом не было, таким уж местом был Бирафир.

Желтого большинство людей умудрялось недооценивать, даже друзья в Кольце Кинжалов. Единственным исключением был Белый. Так уж сложилось, что до того как получить свой Цвет, Желтый служил в немедийской тайной службе.

Пять лет назад ему дали задание, которое полностью переменило его жизнь. В Бельврусе скончался один из высокопоставленных жрецов Митры. Перед своей гибелью он представил королю план реформирования митрианства в Немедии. Основой его идеи была мысль об отказе храмов от взимаемых ими сборов. Королю план было понравился, но после гибели

несчастного советники указали на множество проблем, которые повлечет за собой его претворение в жизнь. Ну, а спорить с ними было уже некому.

Высшие чины Вертрауэна заинтересовались произошедшим и решили провести расследование, несмотря на кажущуюся естественность смерти. Бедняга-жрец подавился куриной костью, когда предавался греху чревоугодия на одном из столичных приемов. Народу вокруг была тьма, и все говорили, что помер исключительно своим, а может и божьим промыслом. Никто беднягу не трогал.

Улед, так звали Желтого до того, как он попал в Кольцо Кинжалов, нанялся охранником в один из бельврусских храмов. Благодаря характерной внешности и манерам, ему удавалось услышать множество интересных разговоров. Такой деревенский дубинушка от сила три слова знает: “есть”, “спать” и... “убивать”. Куда ему в хитросплетения интриг проникнуть. Стоит с тупым лицом дверь стережет да ногу об ногу почесывает. Чего его стесняться?

Немедийские жрецы тоже считали, что гибель жреца не случайна. Они видели в этом аквилонскую руку. Храмы Немедии большую часть золота получали со своих земельных владений, а не с податей, которые планировалось отменить. У закатного соседа ситуация была строго противоположной. Если бы план был принят, то в приграничных провинциях Аквилонии могли начаться волнения. Если немедийские крестьяне митрианцам не платят, то почему честные аквилонские труженики плуга должны отдавать свои последние деньги.

Сложившейся ситуацией могла воспользоваться как немедийская армия, так и немедийская церковь.

Был еще один интересный момент, о котором было неизвестно разведке. Покойному жрецу оказывал протекцию один из полуденных герцогов, близкий родственник короля. Так вот, на следующий день после смерти митрианца он отбыл из столицы к себе в поместье.

Улед попросил начальство проработать версию с герцогом. На полдень отправили трех агентов, наделив их всеми надлежащими полномочиями. Однако, герцог отказался их принять, сославшись на внезапно подкосившую его болезнь. Разведчики подобным уверениям не поверили, и тайно проникли в поместье: тратить время на получение формального разрешения на допрос они не пожелали.

Герцог, как оказалось, их не обманул. Беднягу лихорадило. Целители с ног сбились пытаясь установить причину заболевания и найти нужное лекарство. Выяснилось, что болезнь подкосила родственничка короля ровнехонько в день гибели жреца. Совпадение? Навряд ли.

Вертрауэн продолжил разрабатывать религиозную версию. Один из жрецов вскорости должен был отбыть в Тарантию для получения нового сана. По данным тарантийской агентуры, ему должны были предложить задержаться в столице Аквилонии, предоставив хороший пост. Вертрауэн организовал два покушения на него, от одного из которых его спасла “чистая случайность”, а от другого Улед. В результате, Желтый отправился в Аквилонию в качестве личного телохранителя одного из высших жрецов немедийской митрианской церкви.

В Тарантии расследование, казалось, зашло в тупик. Местное жречество было слишком раскормлено, а потому в отличие от своих бельвруссских братьев политикой интересовалось мало. Большинство разговоров сводилось к винам и борделям, хозяева которых умеют держать рот на замке. В Бельврус ушло немало интересных депеш, но не было ни одной, связанной с непосредственным заданием.

Улед уже начал подумывать о том, что, возможно, светлые головы Вертрауэна допустили ошибку, и никакого заговора против реформаторов не было. Но вскоре он понял, что есть, что искать.

Один из аквилонских баронов не вернулся с королевской охоты: упал с лошади и распорол горло о корягу. Так получилось, что Улед видел тех людей, с которыми общался барон перед смертью. Один из них слегка прихрамывал на правую ногу. Самое интересное, что следователь, возглавлявший отряд сыскной службы, занимавшийся тем, что устанавливал точные обстоятельства смерти барона, тоже хромал на ту же ногу. Манеры у этих двух людей были тоже удивительно похожи.

Улед проверил биографию и одного, и другого. На первый взгляд ничего необычного. Дворяне, как дворяне. Вот только в столицу перебрались недавно, общества избегали, друзей имели мало. Устроить более тщательную проверку без того, чтобы привлечь к себе внимание, возможности не было.

Тогда немедиец решил разузнать, что за человеком был покойный барон. Оказалось, довольно интересным. Полгода назад он устроил у себя в баронстве настоящую охоту на ведьм. Результаты впечатляли. За первую седмицу казнили три сотни человек, за вторую две, за третью и четвертую по пять десятков. Человек, хоть месяц проработавший в сыскной или тайной службе, вам скажет, что стольких преступников, что мирских, что церковных, за такой срок не отловить. Барон либо казнил всех подряд, либо точно знал, кого именно следует отвести на костер. Скорее всего и то, и другое.

У Уледа сложилось определенное мнение о личности покойного.

Материалы из архива храма Митры в Тарантии (умыкнуть бумажку — раз плюнуть, не то что в Немедии) лишь подтвердили догадки. Митрианцы планировали провести собственное расследование в землях барона. Соответствующее распоряжение было отдано за две седмицы до кровавых событий. Барон как-то узнал о нем и принял устранивать людей, которые могли сболтнуть лишнего на допросах. Когда жрецам не удалось поймать барона за руку, они решили просто-напросто его устранить. Такая версия произошедшего казалась Уледу наиболее правдоподобной.

Получалось, что существовала некая тайная организация, работающая на аквилонское жречество. Возможно, в тайну вовлечены и немедийцы. Организация эта отлична от тайной службы храма Митры, о которой Вертраэну давно известно. Они не делают секрета из своего существования. Аквилонская же организация не являлась тайной службой в полном смысле этого слова. Это были убийцы, профессионалы своего дела, устраниющие неугодных жрецам людей.

Желтый продолжил рыться в архивах. Расследование следовало заканчивать, как можно быстрее. Своим любопытством он наверняка обратил на себя внимание. К тому же разведчику стало откровенно страшно. В Аквилонии за полгода умерли своей смертью или от несчастного случая около ста двадцати людей, так или иначе связанных с храмом Митры. В отношении примерно половины из них жречество проводило расследование в связи их контактами с магами Черного Круга, Белой Руки и других содружеств, а также с конфидентами других стран.

Улед составил подробный отчет, в котором изложил все свои соображения, и отправил его в Бельврус. Сам же решился на отчаянный шаг: ему хотелось узнать имена тех, кто состоит в организации убийц. Среди жречества Тарантии ходили слухи о начальнике стражи города Танасула. Тот якобы поклоняется Золотому Павлину Саббатеи. К нему уже вроде бы отправили пару церковных ликторов для приватной беседы. Если повезет, то он может открыть им имена других любителей полакомиться человечинкой.

Тогда Желтый инсценировал собственную смерть. Телохранителя-немедийца Уледа больше не существовало. Информацию о наклонностях танасульца он передал в сыскную службу, приобщив к ним для верности пару церковных документов. Перед смертью Улед покопался в самых дальних уголках архива. Затем были три дня безумной скачки под палящим солнцем в Танасул.

Оказавшись на месте, немедиец, стал ждать, что будет дальше. По его расчету сыскари должны были как раз удостовериться в подлинности

полученных документов и начать поднимать своих людей в Танасуле. От митрианцев их активность не должна ускользнуть, и убийцы получат очередное задание. Ему же останется только их дождаться. Был шанс, что палачи сами прикончат саббатейца, но Улед считал, что митрианцы предпочтут обставить дело, как можно более чисто.

И действительно через какое-то время дом начальника стражи покинули пятеро мрачных типов, а спустя колокол и он сам в сопровождении десятка стражников отбыл в сторону Пуантена. Желтый последовал за ними. Когда отряд почти покинул город, вокруг начали раздаваться крики “пожар”. Улед развернул коня и галопом поскакал прочь от саббатейца и его людей. Еще несколько мгновений, и он бы не успел выбраться из кольца пламени.

В тот день в Танасуле выгорел целый квартал, погибло около шести десятков людей, в том числе и начальник стражи. Как выяснилось, причиной пожара явилась неестественная жара, стоявшая над городом уже три седмицы. До этого пламя уже вспыхивало несколько, но его всегда удавалось вовремя потушить.

Улед решил, что схватить за руку аквилонских убийц у него не получится. Слишком профессионально те действовали. В тот же день он отправился в Немедию.

Когда он отдыхал за кувшином вина в приграничной таверне, прощаясь с Аквилонией, к нему подошел высокий седеющий человек. Улед поинтересовался, что ему надо. Аквилонец сказал, что хотел спросить его о том же. Ведь именно он разыскивал его уже полгода. Немедиец сразу понял, о чем говорит его собеседник и поинтересовался, почему он еще жив. Седой ответил, что один из Кольца Кинжалов не смог выбраться из танасульского пламени. Он предоставил Уледу выбор: погибнуть или обрести Цвет. Жить немедиец любил.

Белый настоял на сохранении прежнего образа немедийца. Пусть в Кольце Кинжалов считают, что он всего лишь деревенский парень, на которого указал Митра. Желтый спорить с этим не стал.

Но это было давно. Сейчас в живых нет ни Белого, ни остальных. Или так, или он маленький слепой котенок. То, что караван без проблем добрался до таверны говорило о том, что Белый и Синий провалились. Вестей о Красном, Зеленом и Коричневом не было никаких. Все вместе одновременно они пропасть не могли. Вывод простой: они все мертвые.

Догадку подтверждало и то, что за ним уже два колокола ведется слежка. Скорее всего стигийцы. Именно они любят постоянно сменять людей на наблюдении. Вещь хорошая и правильная, но когда это

происходит слишком часто, то начинает бросаться в глаза. Желтый не сомневался, что они его прикончат, как и всех остальных, но облегчать им жизнь он не стремился.

На случай, если им известно место встречи, он навестил заветный дворик. Зачем показывать, что ты волнуешься? Пускай они сами сделают первый ход. Скорее всего они попытаются взять его живым. Из всего отряда именно он казался самой легкой добычей. Что ж за эту ошибку вам придется дорого заплатить.

— Вечер добрый, — обратился к Желтому маленький человек, очень неброско одетый. Митрианец отдал должное его умению бесшумно подобраться сзади. А вот руку он за спиной зря держит, слабая выучка.

Молниеносным движением Желтый извлек из ножен меч и направил его в сердце маленького стигийца. Подхватив за шею обмякшее тело, используя его в качестве щита, бывший конфидент начал отступать к одному из домов. В мертвца ударили два арбалетных болта. Желтый поздравил себя с тем, что не ошибся, когда прикидывал, в каком именно доме засели стигийцы.

Подойдя спиной к двери избранного дома, он мощно пнул её ногой. Замок не выдержал. Тем временем арбалетчик выстрелил еще четырежды. Последний болт прошел совсем рядом с головой митрианца. Ничего страшного, в принципе, но зачем демонстрировать свою неуязвимость раньше времени. Пусть думают, что он боится, тогда и колдовать не сразу станут.

В доме раздались крики, и к двери, рядом с которой укрылся Желтый, выбежали хозяин с хозяйкой. Два метательных ножа отправили их на Серые Равнины. Славно, что в своё время он не поленился и взял у Зеленого пару уроков. Стигийцы, видимо, решили, что он попытается уйти через окна второго этажа. Троє воинов, вооруженных саблями, ворвались в дом, пытаясь его задержать. Быстро прирезав всех троих, благо они даже не поняли, что происходит, Желтый выбрался на улицу.

Здесь было шестеро противников. Один быстро получил мечом в горло, другого Желтый толкнул на товарища, сам же схватил четвертого за шею, как свою первую жертву. Арбалетчик снова выстрелил, превратив живой щит в мертвый. Отшвырнув тело на четверых приближающихся воинов, Желтый нырнул в один из переулков. Теперь они начнут осторожничать и за ним не погонятся.

Внезапно разорвался один из амулетов Коричневого. Похоже, били серьёзным заклятьем. В это время навстречу выскочили троё арбалетчиков. Залп. Все снаряды прошли сквозь митрианца. Еще один залп. Глупцы, надо

было бежать. Теперь поздно. Одному меч вспорол живот, двум другим горло.

Пах! Еще один амулет. Надо было, как можно быстрее найти мага, иначе ему не жить. Скорее всего он в том доме, где сидел самый первый арбалетчик. Излишнее любопытство всегда было слабостью этой породы. Наверняка маг лично собирался наблюдать за пленением.

Нужный дом находится на соседней улице, которую наверняка простреливают. Арбалеты вреда причинить ему не смогут, но вот маг сумеет воспользоваться зрением этих людей, чтобы обнаружить его местоположение. И тогда прощай еще один слой защиты. Выход один: по крышам добраться до соседнего с искомым дома, осмотреться и уже на месте решать, что делать дальше.

Удар ногой, и очередная дверь слетает с петель. На этот раз никаких людей. Правильно, что затаились, жить дольше будут. Лестница на второй этаж. Очередная дверь. Снизу раздалось мерзкое шипение, и в этот же миг дверь вылетела на встречу. Желтый еле успел увернуться. Не стоит злоупотреблять взаимодействием заклинания неуязвимости с большими предметами, магия может и не выдержать.

Снизу по лестнице на митрианца надвигался демон с туловищем черного козла и змеиной головой, счастливый обладатель двух пар рук, в каждой из которых было по сабле. Со второго этажа спускался его брат близнец. Мысль о том, что его, как полного профана поймали в элементарную ловушку, придала Желтому сил. Ринувшись на нижнего козла, он попытался достать его выпадом в пузо, но реакция у демона была хорошей: удар он успел отвести. Вместо того, чтобы начать полосовать митрианца бесполезным саблями, он ударил его верхней правой рукой по челюсти. Желтый отлетел прямехонько в объятья верхнего демона, и тут же получил по голове эфесом сабли. Перед глазами поплыло.

Оставалось одно мгновение, иначе они его вырубят. Желтый кинулся на нижнего демона, показывая, что собирается повторить свой неудавшийся маневр, но в последний миг развернулся к противнику спиной. Все четыре лезвия прошли через его спину и показались спереди. В этот же миг Желтый швырнул меч в первого противника. Бросок вышел удачным. Клинок попал точнехонько в змеиную пасть. Демон зашипел и свалился замертво. В это время его собрат обрушил на Желтого удары всех четырех кулаков. Но свалить огромного немедийца было не так просто. Переборов боль, он вцепился демону в глотку, стараясь уберечь пальцы от ядовитых зубов, торчащих из змеиной пасти. Козел продолжал колотить своего противника, и тот практически потерял сознание, но хватки не

ослаблял. Наконец раздался заветный хруст, и демон упал замертво.

Пошатываясь, Желтый спустился по лестнице и направился к дверному проему, но на пути встала непонятная преграда. Митрианец тряхнул головой, пытаясь привести зрение в порядок. Едва заметное голубое свечение закрывало дверь и окна. Похоже, стигийцы таки поймали его в ловушку. Вот за дверью стоит маг, смотрит и улыбается. Молодой еще, глаза большие, умные, но злые искорки то и дело да проскакивают.

Еще посмотрим, кто из нас сильнее. Желтый подошел вплотную к преграде и попытался сделать шаг вперед. Совсем небольшой шажочек, малюсенький. Преграда чуть-чуть поддалось, но отплатила за это волной боли прошедшей по всему телу митрианца. Сжав зубы, он попытался сделать следующий шаг и так далее. Боль, просто море боли и улыбающееся лицо мага. Этот ублюдок еще не знает, что он до него доберется. Вопреки всем магическим законам и правилам, доберется.

Боль становилась всё сильнее, но идти стало легче. Улыбка стала чуть более неуверенной. Маг произнес несколько незавершенных заклинаний, делая заготовку. Желтый заметил это и расхохотался. Идти стало легче.

Преграда исчезла. На бывшего конфидента одновременно обрушились и пламя, и лед. Ноги налились тяжестью, клонило в сон. Но он продолжал идти вперед, а маг всё колдовал и колдовал. Амулеты разрывались один за одним. Осталось три шага, два, один. Последний амулет взорвался. Один из осколков пробил глаз Желтого. Из последних сил немедиец ударил мага кулаком в лицо. Шейные позвонки не выдержали, и стигиец свалился замертво.

Теперь осталось сделать только одну вещь.

По обе сторону от Желтого стояли воины с арбалетами. Зло улыбнувшись, он с диким криком бросился на тех, что справа. Впечатление он, видимо, производил ужасающее, и выдержки у арбалетчиков не хватило. Приказ они забыли.

— Не стрелять! В ноги! — раздался крик, одного из сохранивших благоразумие стигийцев.

Но было поздно. Десяток арбалетных болтов пронзил тело Желтого. За миг до смерти немедиец успел улыбнуться.

* * *

— Всё равно не понимаю, — продолжал настаивать Сигурд, — почему ты нам помогаешь. Тебя же наняли, чтобы прикончить Счастливчика.

Пятеро путешественников сидели у костра. Поодаль стояли верблюды и лошадь. Рядом с ними лежало тело Оли. За время дороги он несколько раз приходил в сознание, но разумных вещей от него услышать не получилось. Хорошо хоть от воды не отказывался, что настраивало на положительный лад.

Эмилио выругался про себя. Его история была белыми нитками шита. Будь у него хоть немного времени на её проработку... Эх, чего жалеть о несбыточном! Ну, как объяснить ваниру разумность тех вещей, которые он сам почитал бредом. Ужас. Даже мысли и те корявые.

— А разве у меня был выбор? — сказал Эмилио. — Положим, я бы отправился за вами, так в пустыне слежку любой дурак заметит. И настал бы мне конец. Так что, пришлось навязаться с вами. Если вы помрете в пещерах, я могу считать, что выполнил своё задание. А если сокровище добудете, то можете поделиться им со мной, и я забуду о своем хозяине.

Ванир и киммериец расхохотались.

— По-моему, он врет, — заключил старик, придвигаясь поближе к костру. Ночью на самой границе с пустыней было уже очень холодно. Старый стигиец, по имени Каруз, держался еще молодцом и ни на что не жаловался.

Счастливчик активно закивал в знак согласия со стариком.

Эмилио принял у Конана бутылку с ослиной мочой, которую неизвестный неразумный человек поименовал вином. Бутыль была уже четвертой за вечер. За дневной переход им встретился всамделешний торговец вином. После событий в Бирафире всем, кроме старика, страшно хотелось напиться, так что большую часть выигранных Счастливчиком в караване деньги спустили на выпивку.

— Бру я или не вру, — заключил аргосец, — судить вам. Но даже, если и так, то не забывайте, что я доставил ценного пленника, который, как охотник за мошенниками, является куда более ценным экземпляром, чем я.

— Он хотя бы молчит! — зло заявил ванир и тоже приложился к вину. Свою бутыль он делил с Счастливчиком.

— Вот именно! — согласился с другом зингарец. — Он молчит, и информации от него никакой не получишь. И не стоит забывать о железке в его животе. Парень в любой момент может отправиться на Серые Равнины гулять.

Старый стигиец посмотрел на Счастливчика, словно тот нанес ему смертельное оскорбление.

— Ну, сколько вам повторять? — изумился Каруз. — Сабля не должна быть задета в нем чего-то важное. А раз он не отказывается от воды,

значит, идет на поправку.

— В любом случае, — вернулся к теме Эмилио Счастливчик, — этот аргосец собирается меня прирезать.

Эмилио зло помянул Бела и Дэркето. Ему совсем не хотелось убивать зингарца. Тот оказался неплохим парнем, который отнюдь не желал посыпать людей на смерть. Да и Конан с Сигурдом не простят ему гибели друга. Шансов справиться со всеми у него не было. Но ведь он поклялся отомстить за своих друзей. Аргосец искренне верил, что они не найдут покоя на Серых Равнинах, пока по земле ходит тот, кто виновен в их смерти. Иначе, зачем боги помогли ему выбраться из пещер?

— Сначала я получу сокровище! — хмыкнул он. — Так что можешь спать спокойно.

— Ну, нет! — расхохотался Счастливчик. — Тебе веры ни на каплю! Ни до сокровищницы, ни после!

Конан подкинул в костер веток. Пламя с яростью поглотило их.

— Ладно, хватит, — сказал киммериец. — Нам завтра по пустыне идти, так что лучше встать пораньше. Сигурд, Счастливчик, Каруз укладывайтесь. Первая смена моя с Эмилио.

Аргосец про себя одобрил подобное решение киммерийца. Конан ему не доверял, так что предпочитал лично приглядывать за непонятным аргосцем. Сам бы он точно так же поступил на его месте.

* * *

Искры. Свет. Боль.

Почему она столь прекрасна?

Удар. Кровь. Труп твари, слетающий в темноту. Опять не успел.

Как же хочется уйти вместе с ней!

Одиночество. До чего же оно пронзительно!

Счастливчик перелег с одного бока на другой. Конан и Эмилио всё еще стояли на страже. Сигурд тихо посапывал. Никого больше кошмары не мучили. Эх, может всё-таки получится еще поспать.

* * *

Холодные стены, холодный воздух, холодный пол. Белый прижал ноги к подбородку, чтобы хоть немного согреться. Он уже несколько раз терял

сознание. Слабость, завладевшая его телом, мешала нормально думать.

Митрианца сотряс приступ кашля.

Сделав над собой усилие, Белый поднялся на ноги. Голова тут закружилось, и его повело. Ударившись об одну из стен, он со стоном сполз на пол.

Надо было заставить себя сосредоточиться. Мысли витали только вокруг темы тепла. Он даже не мог вспомнить своего имени. Белый закусил зубами губу, надеясь, что боль поможет ему. В рот стекла струйка крови. Она была теплой. Какое необычное ощущение. В этом месте казалось, всё было пропитано холодом.

С огромным трудом ему удалось ухватиться за эту ниточку. Место. Удивительно холодное место. Где он может находиться?

Нет, не верно. Он не может знать ответа на этот вопрос. Надо задать другой.

Как он сюда попал?

Так правильнее.

Белый попытался вспомнить. Отдельные отрывки никак не складывались в цельную картину. Он растянулся на полу и заплакал. Удалось вспомнить лишь то, что он считал себя последним дураком, когда впервые очнулся в этом месте. Тогда холод еще не превратил его в это жалкое хныкающее существо.

Дурак. Это значит, что он совершил какую-то ошибку. Глупую, непростительную.

Что же произошло перед тем, как он попал сюда? Чувство стыда и холод надежно скрывали от него эти воспоминания. Тогда может лучше не торопиться, а попытаться маленькими шагками продвинуться чуть дальше по спирали времени.

Интересное выражение. Красивое. Наверное, он где-то учился, раз способен говорить и мыслить столь красиво.

Учился. Да, он учился. Давно, очень давно. Он забыл многое из того, чему его обучали. Это знания были ненужными, лишними, и он считал, что не стоит забивать ими голову. Его собственный жизненный опыт был больше, чем у всех его учителей вместе взятых.

Стоп! Возможно, отгадка где-то здесь. Похоже, он попал сюда, потому что не обратил внимания на одну из тех вещей, которым его обучали.

Надо вспомнить. Обязательно надо. Тогда он сможет выбраться из этого холодного места.

Это был третий месяц лета. В саду за храмом Митры в Тарантии росли десятки яблонь. В такой погожий день занятия всегда проходили именно

там. Шепот листвы, ароматы трав, щебетание птиц. Кто-то считал, что всё это отвлекало учеников, кто-то напротив настаивал, что это помогает лучше усвоить материал. Но с тем, что в последние летние деньки сидеть в кельях и пыльных учебных залах глупость, согласны были все.

Шестеро молодых людей, одетых в серые рясы послушников, расположились под тремя деревьями. Один ковырялся травинкой в зубах, трое грызли большие сочные яблоки, только что сорванные с ветвей. Тот из послушников, что был старше всех, подготовил таблички для записи и напряженно ждал пока придет жрец, которому выпало проводить сегодняшний урок. Последний же, самый младший ученик храма Митры, откровенно скучал, не зная к чему себя приложить.

Наконец из-за деревьев показалась статная фигура жреца. Ему было всего лет сорок, но за это время он уже успел отъесть себе немаленьких размеров живот. У жреца были добрые карие глаза. Его ярко красная ряса делала его похожим на одно из яблок, валяющихся на земле. Только на очень большое.

— Добрый день, — обратился он к послушникам.

— Добрый день, учитель, — ответили те, принимая более почтительные позы.

Молодой жрец обвел всех шестерых внимательным взглядом, убеждаясь, что все и вправду готовы его слушать.

— Сегодня мы продолжим наш экскурс в историю, — начал он. — В прошлый раз мы говорили о политических последствиях падения Ахерона. Сегодня мы коснемся религиозных аспектов.

Послушники подобрались. Урок обещал быть довольно интересным. Смутные времена рождали сильных людей. Роль отдельной личности в подобные периоды истории приобретала приоритетное значение. Достаточно вспомнить хотя бы возникновение первых государств.

Но данная закономерность относилась не только к политике, но и к вопросам веры. Не следует забывать, что после падения Ахерона поклонение Сету, явившееся основной религией того времени, попало под запрет. Люди не знали каким богам молиться. На помощь им пришло великое множество адептов малоизвестных божков, о которых раньше никто не слышал. Большая часть этих культов благополучно канула в вечность. Однако жрецы многих из них всё-таки сумели привлечь достаточно большое количество верных последователей, и начали на равных соперничать с насаждавшимся военными вождями хайборийцев митрианством.

С заката новых богов гнали на восход и полдень огнем и мечом.

Ранние митрианцы были беспощадны в своей борьбе за веру. Однако в течение всего первого столетия от основания Аквилонии религиозный хаос властвовал в человеческих умах.

— Я уже затрагивал историю борьбы, — начал свой урок одетый в красную рясу жрец, — с возникшими в те времена культурами. Имеются в виду общие направления, как в плане насаждения митрианства, так и в плане искоренения верований в мелких кхарийских божков. Вам уже известно, что предпринятые тогдашним жречеством шаги отличались большой степенью эффективности. Но были определенные недоработки. Так многие культуры не были окончательно уничтожены. Их последователи основались в Шеме, Кофе, Иранистане, Вендии и Черных Королевствах. Тогда это казалось допустимым, но сейчас мы видим, что им удалось укрепить своё влияние, кое-где даже на государственном уровне. К счастью о наиболее опасных из кхарийских культов мы можем узнать только из книг.

Раздался громкий хруст надкусываемого яблока. Жрец обиженно посмотрел на младшего послушника, заподозрив его в невнимательности. Тот всем видом показывал, что опасения учителя совершенно беспочвенны.

— А расскажите нам о каком-нибудь, — попросил другой послушник, стараясь отвлечь внимания жреца от своего не в меру охочего до яблок товарища.

Жрец с сомнением взглянул на солнце, прикидывая сколько сейчас времени и останется ли у него время на изложение основного материала. Потом решил, что в такой приятный денек можно немного развлечь учеников.

— Ну, ладно. Слушайте, — сказал жрец, усаживаясь на землю. Он огляделся по сторонам в поисках яблока получше и, наконец остановив свой выбор на большом красном плоде, со смаком впился в него зубами. — Был один очень забавный культ. Он возник на территории нынешнего Офира. Вера их не представляла из себя ничего особенного. Обычный демонизм. Красивый, правда, был у них божок. Подумайте только, возводили статуи, представляющие собой шарик с огромным количеством зубов и двумя глазами. Великий бесформенный Друаргл. Бесформенность была проклятьем, которое наложили на него древние боги. И теперь Друаргл должен был найти себе новое тело, которое его полностью устроит. Когда поиски эти завершатся, он сможет воплотиться в нашем мире, и будет всем его адептам счастье великое. Чтобы в поисках ему этих помочь, на алтаре перед зубастым шариком приносили человеческие жертвы. В тот миг, когда сердце бедняги переставало биться, Друаргл

вселялся в него, чтобы решить подходит ли ему это тело. Ну, ни об одном подошедшем я не слышал, а вот над отбракованным материалом издевались прилично. С несчастных снимали кожу, и шили из неё себе одеяния. Чем больше кусочков кожи разных людей было, скажем, на плаще, тем более ценным он являлся. Жир плавили на мыло. Мясо отдавали собакам. Что делали с костями, опять же неизвестно.

— И что здесь интересного? — спросил младший послушник. — Сами же сказали, обычный демонический культ.

— Жажда знаний это, конечно, хорошо, — философски произнес жрец, — но и о почтении к старшим забывать не следует. Раз сказал, что будет интересно, значит будет интересно. Ждите.

Жрец выкинул огрызок, оставшийся от яблока.

— Простите, — грустно сказал послушник.

— Главное, одному из высших жрецов такое не скажи, — посоветовал наставник. — Они пообидчивей, чем я, будут. Но раз вы столь подкованы в различных аспектах демонизма, то ответьте мне на один маленький вопросик. Как заманиваются в храмы будущие жертвы?

— Никак, — категорично заявил самый старший послушник. — Людей для жертвоприношений предпочитают закупать на невольничих рынках. Только там можно спокойно подобрать человека, удовлетворяющего всем требованиям божества.

Жрец вздохнул.

— Ну, что за время?! — посетовал он. — До чего же испорчена молодежь! Это сейчас раба купить не проблема. В те времена, о которых мы с вами говорим, старались всеми силами побороть темное наследие Ахерона. Работорговля тогда процветала лишь на полдне Хайбории в Стигии и приграничных землях, а на восходе в гирканских государствах. На территории современных Немедии, Аквилонии, Аргоса, Зингары, Офира и Кофа нельзя было даже владеть рабом в нынешнем понимании этого слова, а уж за куплю-продажу казнили даже без судебного разбирательства.

— Значит, культы использовали магию, — произнес один из послушников. — Если бы они похищали людей, подобно обыкновенным бандитам, стража бы быстро вышла на их след. А когда мозг человека задурманен, и он сам идет в пасть к змее, никто никому обвинения предъявить не сможет.

— Верно! — подтвердил догадку наставник. — Поэтому тогдашние жрецы Митры обратились за помощью к светлым магам, а позже в храмах наиболее способных послушников начали обучать магическим началам.

Впрочем, в вопросах обучения вы, наверное, даже лучше меня разбираетесь, так что вернемся к делам ушедших дней. Светские власти устанавливали районы, в которых часто пропадали люди, а маги брали их под наблюдение. Рано или поздно им удавалось почувствовать колдуна демонистов, и тогда в дело вновь вступала сталь.

— С последователями Друаргла была иначе? — спросил младший послушник.

— Да, — ответил жрец. — Они загадали нам загадку, которую до сих мы решить не в силах. Хотя в последнее время особо никто и не стремится: никого из адептов Друаргла в живых не оставили. События в Офире разворачивались по обычной схеме. В одном из районов Ианты стали то и дело пропадать люди. Среди них были и бедняки, и дворяне. Сыскная служба долгими поисками себя не утруждала. Было ясно, что орудуют не простые бандиты, слишком разномастными были жертвы. Почти сразу отослали депешу в Тарантию с просьбой прислать мага для проведения расследования. Маг прибыл, произвел все приготовления и стал ждать, когда неизвестные начнут свою охоту. Время шло, а никаких магических действий не совершалось. Люди же продолжали исчезать. Прислали еще троих магов. Результат тот же. Сыскная служба уже тоже трудилась во всю, пытаясь найти свидетелей похищений. Раскопать удалось немного. Порядка десяти людей видели, как некоторые богатые прохожие вдруг ни с того ни, с сего брали и заворачивали в грязные бедняцкие проулки. Район прочесывали раз за разом, но логова похитителей обнаружить не удалось. Тогда вернулись к магической версии. На аквилонских магов, правда, уже не надеялись. Стали расспрашивать свидетелей не ощущали ли они что-то необычное, какой-нибудь непонятный зов. Один немедиец рассказал, что ему почудился аромат персиков, и вроде начала играть очень красивая музыка, а потом всё пропало. Он запомнил этот момент, потому что ему очень хотелось пить, и он принялся искать торговца фруктами, лавка которого, судя по запаху, должна была быть где-то поблизости. Однако найти чего-либо ему было не суждено. Вроде бы глупость, но с учетом того, что никаких других зацепок не было, принялись разрабатывать версию с персиками. Успех был просто ошеломляющ. Про аромат персиков и странную музыку рассказало не меньше трех десятков людей. Удалось сузить район поисков. Опять привлекли магов, и опять был получен ответ, что они ничего не ощущают. Глава сыскной службы тогда разозлился до такой степени, что с эскортом из десятка стражников отправил их всех назад в Тарантию. Тогда иантцы решились на отчаянный шаг. Судя по показаниям свидетелей, в то время, когда они начинали ощущать аромат

персиков, их кто-нибудь толкал или окликал, и тогда наваждение пропадало. Это означало, что исчезали те люди, на которых было произведено достаточно длительное воздействие. Охотились “музыканты”, как окрестили неизвестных похитителей, практически каждый день, и это давала властям небольшой шанс на удачное воплощение задуманного. Более сотни стражников, переодетых в наряды городских простецов, должны были бродить по означеному району. Как только кто-нибудь из них ощутит аромат персиков, он должен был уронить на землю одну из перчаток и стараться избегать контактов с окружающими, чтобы не помешать воздействию “музыкантов”. Практически сразу же двое переодетых стражей расстались с перчатками. Одного из них всё-таки отвлекли, и музыка исчезла. А вот по следу второго стражники прошли до самого логова “музыкантов”, где и обнаружили храм Друаргla. Над похитителями власти устроили показательный процесс, и через седмицу все они были прилюдно казнены на главной площади Ианты. Правда, палачи так и не сумели добиться у демонистов ответа, что это была за музыка и аромат персиков. Установили лишь то, что к магии они не имеют никакого отношения, и никакой защиты от них не существует. Кстати, стражник, который прошел путь до храма, через год сошел с ума. Была мысль проследить за всеми, кто ощущал аромат персиков, но власти предпочли, как можно быстрее, забыть о культе Друаргla.

Дурак! Проклятый дурак!

Белый наконец всё вспомнил.

Хватило бы простого резкого движения, чтобы выйти из-под воздействия этих демонистов. Теперь понятно, почему его держат в этом леднике. Похитители не владеют магией в полном смысле этого слова, а потому бояться всех тех заклятий, что навешал на него Коричневый. Холод рано или поздно сведет с ума, и тогда он будет совершенно безвреден.

Нергал их забери! Им почти удалось. Откуда только этот культ взялся?! Их же всех давным-давно переловили!

Надо, как можно скорее, выбираться из этого логова. Только непонятно было, как это можно сделать. Он слишком слаб даже для того, чтобы просто произнести одно из уже заготовленных заклятий. Нагрузка убьет его.

А может это и к лучшему. Белому отнюдь не хотелось стать плащом или сапогами. Если он помрет здесь, а не на алтаре, то может они посчитают его тело непригодным для своих целей. Всё равно гадкая смерть.

Холод уже почти не ощущался, зато хотелось спать. Недолго осталось,

совсем не долго. Митра, как же не хочется стать сапогами.

Проклятье! Прочь! Рано умирать. Нельзя умирать.

Белый решился произнести заклятье связи с Зеленым. Надо было узнать, мертв ли зингарец. Остается надеяться, что магия его самого не прикончит.

— А-а! — тысячи острых игл вонзились в мозг. — Больно. Как больно.

Белый повалился на бок и начал тихонечко стонать. Когда боль стихла, он позволил себе улыбнуться. Он выдержал, а значит не все еще потеряно. Однако Зеленый мертв. Придется проверять остальных.

Желтый. Мертв.

Синий. Ранен, но жив. Проникнуть в сознание никак не получается.

Красный. Мертв.

Коричневый. Мертв.

Проклятье! Тысяча проклятий! Счастливчик похоже жив. Во всяком случае, в мозгу у Синего есть какие-то расплывчатые воспоминания об этом.

Холод подкрадывался все ближе и ближе. Его прикосновения стали ласковыми и нежными. Спать хотелось уже нестерпимо.

Белый плыл по волнам реальности, время от времени ныряя в пучину сна. Ему казалось, что адепты Друаргла должны были что-то непременно сделать для того, чтобы сохранить ему жизнь. Им же не нужен его труп.

Нет! Нельзя на это рассчитывать. Что было сил Белый сжал зубами губу и напился своей теплой крови. Тут же его согнул приступ кашля, но зато он отвоевал у холода несколько мгновений для ясных мыслей.

У него в запасе было одно заклинание, которое можно было применить в теперешней ситуации. Злая, нехорошая магия. Одно из адаптированных первыми митрианцами кхарийских заклятий. Его было строго настрого запрещено использовать, за исключением тех случаев, когда возникала угроза для самого существования культа Митры.

— Что ж, действительно наш случай, — заключил Белый, и начал произносить слова, приводящие заготовку в действие.

Прости меня, Оли.

* * *

— Митра! — Синий орал так, словно его четвертовали. — Проклятье! Убирайся прочь!

Чьи-то щупальца пробирались в мозг Оли. Шаг за шагом, ухват за

ухватом они продвигались вперед. Неведомый голос нашептывал ему что-то успокаивающее, просил не сопротивляться, говорил, что скоро всё закончится. Он становился всё громче, слова звучали всё убедительнее.

Внезапно проснувшаяся боль от сабли, торчащей в животе палача, обрушилась одновременно на оба сознания. И если Оли был более-менее к ней привычен, то для захватчика это было совсем новое ощущение. Синий сделал усилие и отвоевал себе немного пространства.

— Убирайся! — выкрикнул Оли, катаясь по земле, обхватив голову руками. — Убирайся!

К пленнику подбежали не только несшие стражу Конан и Эмилио, но и разбуженные воплями палача Сигурд, Счастливчик и Каруз.

— Что с ним? — спросил зингарец у Эмилио, протирая глаза.

Аргосец только пожал плечами.

— Пожалуйста, успокойся, — Оли узнал этот голос. Белый. — Мне нужно твоё тело. Я должен прикончить Счастливчика. У тебя не хватит для этого знаний.

— Убирайся из моей головы! — выкрикнул в голос Синий. Отвечать с помощью мыслей он даже не пытался.

— Ты не понял, — Белый неспешно произносил слова, так, чтобы Оли смог полностью постигнуть скрытый в них смысл. — Я в любом случае овладею твоим телом. Заклинание уже действует. У тебя нет ни шанса. Я просто не хочу вызывать лишних подозрений, так будет намного проще.

Метания Синего по земле привели к тому, что сабля еще немного продвинулась вглубь тела.

— А-а! — раздался в голове палача вопль Белого.

— А-а! — вторил ему Оли.

На миг борьба прекратилась. Противники пытались прийти в себя. Первым это удалось Белому, и он продолжил своё движение вглубь сознания Оли.

— Ты мой, — шептал он. — Ты мой.

— Да, лучше сдохнуть! — закричал Оли и потянулся к эфесу сабли.

В этот миг киммериец опустил ему на голову жестянную кружку, вырубив неудавшегося самоубийцу.

— Чего выдумал! — недовольно заявил Конан. — Помереть ему захотелось. Пусть сначала расскажет всё о своей шайке. Зря мы что ли аргосца кормим.

Эмилио хмыкнул. Все с любопытством смотрели на затихшего пленника. Но было похоже, что Оли вернулся в привычное для него в последнее время бессознательное состояние.

— Эмилио, следи за ним, — приказал аргосцу Конан. — Вдруг опять очнется и вздумает наложить на себя руки. Остальные досыпать, скоро ваша стража.

* * *

Путешествие по пустыне было еще тем удовольствием. Оно способно понравится лишь тем чудакам, что всю жизнь мечтали узнать, каково приходиться ракам, брошенным в котелок с нагретой водой. Тебя варят, а ты ничего не можешь с этим поделать. Утешает только то, что твоим товарищам приходится столь же сладко.

Из всех шестерых путников, если конечно считать пленного палача, хуже всего приходилось Сигурду. Конан и Эмилио в силу приключений бурной молодости бывали в пустынях ни раз, и ни два. Каруз вырос в этих краях, и несмотря на то, что он их недолюбливал, был всё-таки к ним привычен. Счастливчику было просто всё равно. Почему неизвестно, но большого расстройства жарким и сухим климатом он не выказывал. Оли всем своим существом уподобился тюку: лежал на верблюде и молчал.

— Когда? — в сотый раз спросил ванир у капитана. На более подробное изложение своей мысли сил у Сигурда не осталось.

— Скоро, — ответил Конан, даже не глядя на карту. — Сколько можно, Сигурд? Большую часть перехода мы преодолели. Потерпи немного. Будет тебе оазис.

— Еще немного, — заметил ванир, утирая пот со лба, — и мне будет уже всё равно.

— Дотерпишь, — эта была первая фраза, произнесенная Счастливчиком за очень долгое время. — Я уже вижу его. Вон там, чуть правее.

— Опять мираж, — возразил Сигурд.

Зингарец обиженно фыркнул.

Отряд приближался к оазису, и деревья даже не думали исчезать. На лицах людей начали появляться улыбки. Проблем с водой не было, ею запаслись с избытком еще в Сартосе, а вот тень была пределом мечтаний.

— А-aaa-aprrrr! — первым не выдержал Эмилио и, дав шпор лошади, помчался галопом к оазису. За ним устремился Сигурд, неплохо наловчившийся управляться с верблюдом, а потом и все остальные.

До колодца первым добрался Счастливчик, в очередной раз оправдавший своё прозвище. Зачерпнув ведро холодной воды, он сделал из

него пару глубоких глотков, а оставшуюся воду обрушил на подъехавшего Сигурда. Ванир расхохотался и полез доставать следующее ведро.

Когда все вдоволь напились, отряд направился под тень, которую давали две высоченные пальмы, пережидать полуденную жару. Переход оказался столь утомительным, что никто не вспомнил о пленнике, по-прежнему отдыхавшему на спине верблюда.

— Кром! — ударил себя по лбу Конан. — Он же там изжарится. Сигурд, пошли поможешь мне его оттащить. Эмилио, сходи набери воды.

Тащить Оли было неудобно из-за торчавшей в его животе. Аквилонца аккуратно уложили его на бок, так чтобы не расшевелить рану. Эмилио присел на корточки и плеснул ему немного воды на лицо, чтобы освежить перегревшегося пленника. К всеобщему удивлению Оли тихонечко простонал и попытался пошевелить рукой. Эмилио набрал воды в чашку, отобранную у Каруза, наполнил её водой и поднес к губам пленника. Тот начал маленькими глотками поглощать влагу. Когда чашка опустела, он снова потерял сознание.

— Ладно, пусть отдыхает, — сказал Конан. — Будем надеяться, вскорости опять очнется.

— Точно, — согласился Эмилио, растягиваясь в теньке. — А пока и мы немного отдохнем.

Пленник время от времени начинал шевелиться, тогда ему давали воды, но сохранить сознание сколь либо долго у него не получалось. В конце концов на него перестали обращать внимание. Счастливчик и Каруз решили немного поспать. Эмилио высматривал у Конана и Сигурда об их приключениях на “Вестреле”.

Когда жара немного спала, Конан принял решение двигаться дальше. Заполнив фляги холодной водой, путники направились к верблюдам. Эмилио решил перед тем, как двигаться дальше, напоить свою лошадь. В отличие от двугорбых жару она переносила не особо хорошо.

Сигурд подвел выючного верблюда, которого теперь делили Каруз и Оли к пальме, под которой лежал пленный аквилонец. К великому изумлению ванира он уже был в сознание, и вполне осмысленно оглядывал подошедшего пирата.

— Дайте воды, — попросил он.

Сигурд протянул ему одну из фляг. Оли дрожащей рукой откупорил её и стал жадно поглощать влагу.

— Держи, — сказал он возвращая полупустую фляжку. — Почему я еще жив?

— Конан! — позвал капитана Сигурд. — Быстрее, сюда!

К ваниру бросился не только киммериец, но и Эмилио. Ненамного отстали от них и Эмилио и с Карузом.

— Конан, — обратился к киммерийцу Сигурд. — Он пришел в себя.

— Капитан, — сказал Оли, — ваш помощник не желает сообщить мне причину, по которой я еще жив. Я вижу в вашей компании одного моего старого знакомого и полагаю, что он рассказал вам всё о моих намерениях в отношении вашего друга.

— Как разговорился, — бросил замечание аргосец.

— В живых ты только по одной причине, — сказал Конан. — И у нас, и Эмилио достаточно причин, чтобы желать твоей смерти. Карузу ты тоже доставил мало удобства, путешествуя с ним на одном верблюде. Одним словом, стоило бы тебя отправить на Серые Равнины, но нас очень занимает один вопрос. Вернее два. Кто твои товарищи? И по чьему приказу вы действуете?

Оли сухо рассмеялся.

— Значит, вы зря ждали, — сказал он. — Как только я вам всё расскажу, вы отправите меня на Серые Равнины.

— А если не расскажешь, — зло проговорил Эмилио, — будем долго тебя пытать. В Пуантене я освоил несколько очень интересных приемов.

Оли в ответ на это только улыбнулся.

Конан поднял вверх руку, показывая Эмилио, что ему лучше помолчать. Аргосец нахмурился, но язык попридержал.

— Я поклянусь сохранить тебе жизнь, — сказал киммериец. — Ты же расскажешь мне всё, что я пожелаю.

Оли внимательно посмотрел на киммерийца, выдержал паузу и покачал головой.

— Хорошее предложение, — сказал он, — но, к сожалению, я не могу на него согласиться. Даже несмотря на произошедшие не так давно события. Кстати, хочу сказать спасибо за то, что спасли мне жизнь.

— Странно, не припоминаю такого, — пожал плечами Конан. — Давай тогда поступим следующим образом. Ты рассказываешь нам всё, что знаешь, а мы посмотрим, насколько ценные твои знания, и решим сохранять ли тебе жизнь.

— И я должен поверить вашим словам? — изумился Оли.

— Разве у тебя есть выбор? — спросил Конан. — Впрочем, мы можем отдать тебя в руки Эмилио и посмотреть, что ты расскажешь под пытками.

— Вы добрый человек, капитан, — сказал Оли.

Конан улыбнулся краешком губ.

— Если честно, мне очень хочется, — продолжил Оли, — посмотреть,

чего сможет вытянуть из меня ваш дружок. Он думает, что знает всё о пытках. Дурачок. Когда мне захочется умереть, я умру, и он ничем не сможет мне помешать. Ну, да это только фантазии. Видимо, мне придется вам кое-что рассказать. Признаюсь честно, делаю я это во многом из чувства мести. Один мой знакомый попытался пробраться в мою голову, а это знаете ли очень неприятно. Очень. Какая-то часть его всё еще во мне, а может и нет. В любом случае, где бы он ни находился, ему очень не понравится то, что я сейчас сделаю. Ведь именно он поделился со мной тем знанием, которым я поделюсь с вами. Правда, забавно?

Сигурд обменялся с Конаном тревожными взглядами. Похоже, что у пленника было не всё в порядке с головой. Оли же молчал, ожидая ответа на свой вопрос.

— Забавно, очень забавно, — сказал киммериец. — Продолжай.

— Нет, — не согласился с ним Оли, — вы не можете оценить всю комичность ситуации. К вам в голову не пытался забраться пятидесятний старик и не оставлял там кучу ненужных знаний.

— Но сейчас его там нет? — спросил Конан.

— Кто знает, кто знает? — ответил Оли. — Это был очень хитрый старик. Столько книжек за все эти годы перечитал. Может быть, сейчас он затаился и выжидаeт момента, когда зингарец приблизится ко мне. Он жаждал его смерти куда больше остальных. Намного больше.

— Остальные, — вернулся к интересующему его вопросу Конан. — Где они? Что они собираются делать? Ты можешь нам рассказать?

Аквилонец рассмеялся, как если бы Конан сказал очень смешную вещь.

— Боюсь, что нет, капитан, — его живот всё еще вздымался в приступах хохота, и это причиняло ему боль, на которую он, однако, почти не обращал внимания. — Не могу. Даже, если бы захотел, всё равно бы не смог. Может, они у Нергала, может у Митры, а может быть в каком-нибудь отдаленном уголке Серых Равнин. Они все мертвы, я последний.

— Откуда мне знать, что ты не врешь? — спросил Конан.

— Ну..., — задумался Оли. — Я могу поклясться, а могу не делать этого. Думаю, лучше вам выслушать мой рассказ, а потом уже решать верить мне или нет. Кстати, не могли бы вы мне дать еще немного воды.

Сигурд бросил ему фляжку.

— Лови, — сказал он. — Можешь допивать.

— Благодарю, — величаво произнес Оли и начал жадно пить холодную воду. — Теперь, пожалуй, можно рассказать и том, почему ваш друг, капитан, должен отправиться гулять по Серым Равнинам. Я и мои

погибшие товарищи трудились во славу одного королевства. Какого именно не скажу. Зачем вам это? Занимались мы в основном тем, что устранили неугодных королевству людей. Что и когда совершили эти несчастные мы обычно и не знали. Мечу нужна лишь цель, остальное излишне. Но были случаи, когда завеса тайны немного приоткрывалась. В случае со Счастливчиком это было именно так. В королевстве узнали о пещерах, демонах и золоте. На пещеры и золото обличенным властью мужам королевства было плевать. Золота у них предостаточно, да и пещеры същутся. А вот про демонов они узнали очень много интересного от других мужей. Эти были обличены знаниями. Оказалось, что это на редкость опасные твари, — сказал Оли, а, увидев некоторое смущение на лицах слушателей, добавил. — И те, и другие. Выжившие говорили о крупных подвижных существах черного окраса с ярко зелеными глазами. Кто-то упоминал и их нечеловеческий разум.

— Мой хозяин во время своего визита в пещеры, — перебил аквилонца Каруз, — не испытал с ними никаких затруднений. Жалко только, что он золотом не заинтересовался.

Сигурд, Счастливчик и Конан непроизвольно отодвинулись от старика. Разговоров о графе Бирафире все старательно избегали, несмотря на то, что это знание могло спасти их жизни. Страх перед тем, что они увидели в поместье всё еще жил в их душах. Каруза, когда он начинал рассказывать о своем путешествии в пещеры, неизменно перебивали и переводили разговор на другую тему. Старик, казалось, был рад этому. Хоть он и старался говорить о Бирафире в спокойных тонах, было ясно, что он до смерти боялся своего прежнего хозяина и был доволен, что сумел под шумок сбежать из поместья, когда представился случай.

— Вы мне не знакомы, — сказал Оли, разворачивая голову так, чтобы получше разглядеть Карузу. — Кто вы? И что за человек ваш хозяин?

— Спроси у двух своих друзей, — отрезал Конан и зло посмотрел на Карузу.

— Ладно, оставим в покое этого неизвестного, но заранее уважаемого мной человека, — согласился Оли. — Если он сумел справиться с Красным и Зеленым, возможно, его имя не следует лишний раз поминать. А вот о демонах я расскажу поподробнее. Впервые в Хайбории их увидели на самой заре человеческой расы. Их назвали белсебуры. Об этом говорилось в хрониках, что вели в Пифоне тогдашние маги. Как и зачем они приходили в наш мир неизвестно. Только описание их внешнего вида и древнее наименование. Может и была какая-то запись, но в руки наших современников она так и не попала. О втором их появлении сведений

имеется побольше. За несколько столетий до нашествия варваров с севера в Ахероне родился один из величайших магов Хайбории. Уже в юном возрасте он занимался множеством магических экспериментов, в том числе и с призванием демонов в наш мир. Белсебуры стали его роковой ошибкой. Маг очень сильно недооценил их разум. Первое время они вели себя подобно послушным тренированным собакам, хотя обычно должен пройти немалый срок, прежде чем пленный демон осознает безвыходность ситуации и станет покорным. Белсебуры были глупы и послушны, и маг начал призывать их к себе во всё больших количествах. Сомнения закрались в его душу, если конечно она у него была, когда чаще он начал замечать ничем не занятых белсебуров в своей библиотеке. Большого значения он этому не придал, но всё-таки решил больше не призывать новых демонов, а ограничиться двумя десятками, жившими у него в доме. Эта предосторожность и помогла сохранить Хайборию для человечества. Когда демоны поняли, что число их собратьев перестало увеличиваться, они решили, что надо действовать. Непостижимым образом они избавились от своих уз, прикончили мага и разбежались по Пифону. За ними началась настоящая охота, к которой привлекли лучших магов города, ноказалось, что белсебуры словно сквозь землю провалились. К концу второй седмицы поисков маги сошлись на то, что просто-напросто исчезли узы, связывающие демонов с нашим миром, и успокоились. А еще через седмицу все маги, принимавшие участие в поисках были найдены мертвыми. Нанесенные им раны указывали на белсебуров.

Оли снова глотнул воды. Столь длинная речь далась ему с большим трудом.

— Еще? — поинтересовался Конан, предлагая свою флягу.

Аквилонец покачал головой.

— После этого демонами заинтересовались всерьез, — продолжил он свой рассказ. — Обыскали каждый закоулок Пифона. В поисковые отряды входило по десять гвардейцев, которых поддерживали двоё магов. Обнаружили пятерых демонов, двоих даже удалось убить. Остальные сбежали. Успех стал казаться всё более близким, и тогда белсебуры нанесли свой следующий удар. Посреди белого дня они напали на стражу одних из городских ворот, перебили их всех и вырвались прочь из Пифона. Демоны двинулись на закатный полдень материка, уничтожая на своем пути целые города. Они сносно переносили магические заклятия невероятной силы, не было того воина, что мог справиться с белсебуром. В добавок к этому они обладали потрясающей способностью к обучению и никогда не повторяли своих ошибок. Убийство демона было невероятно сложно задачей. Однако

людей было просто больше. Ценой гигантских жертв удалось уничтожить всех белсебуров, одного за одним. О своем позоре кхарийцы попытались, как можно скорее позабыть. Были убиты все простецы и воины, что видели живого белсебура. Магам предписывалось держать рот на замке и не писать никаких заметок, связанных с этим случаем. Этим и объясняется то, что мы почти ничего не знаем об этих демонах. Не стоит забывать и о том хаосе, что царил во время нашествия хайборийских племен. Насколько я знаю, сохранилось всего два труда, посвященных белсебурам.

— Мне кажется, — сказал Эмилио, — что я начинаю понимать. Тот, кто нанял вас боится, что белсебуры выберутся из сокровищницы. Уничтожить вход в пещеры невозможно. Он всё время перемещается. Намного проще убить человека, который знает, где его искать.

— Ты прав, дружок, — ухмыльнулся Оли. — И поэтому я советую вам немедля прирезать зингарца. Так будет лучше для всех нас. Потом можете убить и меня.

— Он лжет, — безапелляционно заявил Конан. — Сигурд, выруби его. Мы идем за сокровищем, и нас не запугать глупыми сказками.

* * *

Над пустыней стояла ночь. До оазиса, описанного на карте Счастливчика, в качестве места, где расположен вход в сокровищницу оставалось чуть больше дневного перехода, и потому Конан решил пройти сегодня немного больше запланированного, чтобы уже к завтрашнему закату быть у цели.

Путешествие оказалось довольно утомительным для всех членов отряда. Оли так ни разу и не приходил в сознание. Эмилио, Счастливчик и Каруз откровенно клевали носами. Впереди на небольшом удалении от остальных ехали Конан и Сигурд.

Ванир уже долгое время собирался обсудить с Конаном то, что поведал сегодня днем Оли, однако не желал, чтобы его услышал кто-нибудь, кроме капитана. Сигурд начал слегка подгонять верблюда, чтобы отъехать от остальных на безопасное расстояние. Конан разгадал его маневр и держал темп, заданный своим первым помощником.

— Что думаешь? — спросил наконец ванир. — Он наврал нам?

— Сет, его знает, — вздохнул капитан “Вестрела”. — Если врал, то очень уж красиво.

— Ну, и чего нам теперь делать? — поинтересовался Сигурд. —

Двигаемся дальше и надеемся на побрякушки Каруза?

Конан сплюнул.

— Проклятье! — тихо выругался он. — Надо же было подлецу так всё гаденько сочинить. Демоны, что невосприимчивы к магии, что к тому же способные к самосовершенствованию. Один раз амулеты на них подействовали, однако никто не знает подействуют ли во второй. Как всё нескладно!

— Ладно тебе, — сказал Сигурд. — Хватит страх нагонять. Ты же видел, что мальчишка в поместье выделявал. Он в сотню раз посильнее всех демонов вместе взятых будет.

— Вот именно! — заявил Конан. — Зачем ему с его силой было какие-то побрякушки делать?! Что-то я всё меньше и меньше Карузу доверяю. И история у него какая-то дикая. Захотел мирно провести старость, грея косточки на зингарском побережье. Деньги ему понадобились. Бред.

— Знаешь, — произнес после небольшой паузы Сигурд, — я со Счастливчиком о нем говорил. Зингарец мне заявил, что ему Каруз почему-то очень знакомым кажется. Говорит, будто прожил с ним бок о бок лет десять. Я было посмеялся, а потом пригляделся, и впрямь манеры у старикашки немного знакомые.

— Угу, — мрачно согласился с ним Конан. — Мне тоже так показалось. И Эмилио Каруза явно недолюбливает, а может боится.

Некоторое время пираты ехали молча, погруженные в мрачные мысли.

По пустыне гулял ветер, перегоняя шары перекати-поле. Стало заметно холодать.

— Капитан, наверное хватит на сегодня, — крикнул Эмилио уехавшим вперед морякам.

— Нет! — ответил Конан. — За сегодня прошли слишком мало. Я скажу, когда стоит остановиться.

Сигурд поежился.

— Имир! — пробурчал он себе под нос. — Как же холодно.

Киммериец никак не отреагировал на замечание ванира.

— Конан, — обратился Сигурд к другу, — может, ну к Нергалу это всё? Вернемся в Сартос, заработаем там как-нибудь деньжат и уберемся из этой проклятой страны. У нас же нет ни шанса. Демоны оказались не просто демонами, старики-стигиец непонятно чего от нас добивается. Амулеты эти липовые! Аргосец опять же с пленником-безумцем.

— Давай и про Счастливчика договаривай, — мрачно произнес Конан. — Я понимаю, что мы с ним через многое прошли, но и о словах аквилонца забывать не стоит. Никто не знает, кто такой Счастливчик, а его

карты ведут в логово белсебуров.

— Тем более, — сказал Сигурд. — Давай, вернемся.

— Сам же в последний момент откажешься, — мрачно усмехнулся Конан. — После стольких препятствий ни ты, ни я назад не повернем. Пираты не бегут от шторма, особенно, если они из Киммерии или из Ванахейма!

Сигурд громко расхохотался.

— Ладно! — сказал он. — Разграбим сокровищницу, отремонтируем “Вестрел”, отправимся в Мессантию и устроим там кутеж седмицы на две. А потом вернемся сюда и на оставшиеся деньги скопим всё Побережье вместе с его Хозяевами.

* * *

— И где здесь пещеры? — поинтересовался Конан у Счастливчика.

К оазису отряд подъехал еще засветло. В наличии имелся один колодец, два десятка пальм, бесчисленное множество кустов разной степени колючести, неглубокое озерцо и все. Никаких подземных ходов. Излазили и изрыли все. Даже полностью проверили дно озерца. Но все было напрасно.

Чувства путешественники испытывали двоякие. С одной стороны они теперь могли быть уверены, что завершат сегодняшний день под местными пальмами, а не на Серых Равнинах, с другой было все-таки обидно, что пришлось впустую проделать такой путь.

— Я вам говорил, — оправдывался зингарец, — что, когда я сам отправлялся к пещерам, то ничего не находил.

— Плохо, — заявил Счастливчику Конан. — Придется нам завтра приходить сюда еще раз. Только теперь уже без тебя.

Счастливчик только вздохнул и побрел в одиночестве к озерцу.

— Зря ты так с ним, — посетовал капитану ванир. — Мы ведь с тобой именно на такой вариант и рассчитывали.

— Просто мне такой вариант не нравится, — сказал Конан.

— А как мне он не нравится! — подключился к беседе Эмилио. Каруз тем временем отправился обустраивать место для ночлега. Солнце уже почти скрылось за горизонтом. — Мы все подохнем в эти проклятых пещерах, а этот мошенник благополучно возвратиться в Сартос.

— То есть ты больше не отказываешься идти вместе с нами? — лукаво поинтересовался киммериец.

— Я сомневаюсь, — сказал Эмилио, — что вы позволите мне вас здесь дожидаться. Разве что в качестве бездыханного тела. Лучше уж попытать счастья внизу. Хотя бы увижу живого белсебура.

— Вот и отлично! — похвалил аргосца Сигурд. — А что делать со Счастливчиком мы завтра придумаем. На худой конец свяжем его.

* * *

Эмилио проснулся от чьего-то прикосновения и тут же сообразил, что кто-то собирается его придушить. Одна рука зажимала аргосцу рот, другая мертвкой хваткой удерживала его собственные руки.

— Тихо ты! — зло сказал ему Сигурд. — Такой молодой и такой нервный. Не шуми, всё испортишь.

Эмилио послал на голову ванира все известные ему проклятья. Про себя разумеется. Потом кивнул, показывая, что всё понял и кричать не собирается. Сигурд знаками показал ему, чтобы тот развернулся.

Тут и Эмилио от удивления чуть было не забыл о маленькой просьбе первого помощника и не разразился воплем. Озера больше не существовало. На его месте располагалась ветхая лестница, уходящая куда-то под землю. Вроде всё, как и в первый раз. Но нет, очертания лестницы были не совсем обычными. По ней то и дело пробегала рябь, а если приглядеться, то можно было заменить серебристую пленку на камнях.

Сигурд дотронулся до плеча аргосца, надеясь в очередной раз завладеть его вниманием. На этот раз он указал на мирно спящего Счастливчика. К нему на цыпочках подбирался Конан, вооруженный небольших размеров камешком. Он вплотную приблизился к зингарцу, развернулся поудобнее и опустил своё орудие на висок спящего мошенника.

— Имир! Сработало! — радостно закричал ванир, глядя на лестницу. Ни ряби, ни пленки больше не было.

— Ничего не понимаю, — признался Эмилио.

— Проход появился, — пояснил Сигурд, — сразу, как только зингарец заснул. И чем больше времени проходило, тем более четким он становился. Мы с капитаном пошептались и решили, что сокровищница по-разному реагирует на бодрствующего Счастливчика и на спящего Счастливчика. А раз так, то было бы неплохо, чтобы сон зингарец стал чуть более крепким.

— Он хоть жив? — спросил Эмилио у подошедшего Конана.

— Обижаешь, — улыбнулся пират. — У него даже голова болеть не

будет, когда он в себя придет.

— В пещерах? — нехорошо ухмыльнулся аргосец.

— В пещерах, — подтвердил его догадку Сигурд. — Будим Каруза, берем два тела, к одному из которых прилагается сабля городского стражника, и отправляемся за сокровищем.

— Положим, меня вы уже разбудили, — сказал старый стигиец, протирая глаза.

— Сигурд! Заканчивай разговоры, — грозно сказал Конан. — Пошли за аквилонцем. Эмилио потащи Счастливчика, смотри не прирежь, а то можем из пещер и не выбраться. Старик, проверишь, как там верблюды привязаны.

Все разошлись исполнять поручения. Эмилио отправился к пальмам нарубить веток, чтобы соорудить носилки, на которых можно было бы тащить Счастливчика и Оли. Лазанье по деревьям никогда его занимало, а потому и навыков нужных у него не было. Через слово поминая Дэркето и Нергала, он потихоньку забирался всё выше и выше и всё-таки достиг вершины. Срубив три ветки покрупнее, он стал спускаться вниз.

— Правильно придумал, — похвалил его Конан. Они с Сигурдом уже подтащили Оли и начали крепить пленника к ветке с помощью его же рубахи, изорванной на полосы.

— Может, оставим его здесь? — спросил Каруз. — От него там никакой пользы не будет.

— Зато, он здесь нам проблем создать сможет, — не согласился Сигурд. — Вдруг он знает, как навсегда ворота к белсебурам закрыть.

— Ну, так прикончить его, — настаивал на своем старый стигиец.

— Не надо! — включился в спор спустившийся Эмилио. — Кто знает, может он нам еще чего-нибудь полезное в пещерах сообщит. Если твои амулеты работают, старик, он нам ни чем не помешает. Ну а если нет, то всё равно не спасемся что с ним, что без него.

— Аргосец, он твой пленник, — сказал Конан. — Тебе и решать. Помоему, Каруз дело говорит.

— Капитан, он с нами, — принял решение Эмилио.

Аргосец был вынужден признаться самому себе в том, что он может сколько угодно долго приводить разумные доводы в пользу того, чтобы взять с собой Оли, однако делает он это только ради того, чтобы иметь возможность собственноручно отправить ублюдка на Серые Равнины до того, как какой-нибудь белсебур оторвет ему самому голову.

— Тогда пошли, — сказал Конан. — Сигурд, мешки взял?

— А как же?! — ухмыльнулся ванир.

Эмилио привязал Счастливчика к ветке, взвалил один её конец себе на плечо, так что по земле волоклись только ступни зингарца. Аквилонец не испытывал даже таких неудобств: Конан и Сигурд решили первую половину пути в пещерах нести его вдвоем. Каруз шел впереди всех, так только он бывал здесь прежде. Во всяком случае, все считали именно так.

Эмилио двигался последним. Когда все уже начали спуск вниз по лестнице, он на мгновение остановился, посмотрел на небо и подмигнул своей богине, которая, как он надеялся, всё еще хранит его. Страшно не хотелось снова спускаться в эти ужасные пещеры, из которых он с таким с трудом выбрался. На этот раз может так не повезти.

— Эмилио, ты идешь? — окликнул его Сигурд.

— Да, — отозвался аргосец и вступил на лестницу.

В пещерах всё осталось по-прежнему. Лабиринт ходов, тусклый свет от стен. Вот только проблем с недостатком воздуха на этот раз не возникало. Это вселяло небольшую надежду на удачный исход их предприятия. Похоже, что амулеты старика-стигийца работали. Хотя не стоило исключать и того, что оказывается отсутствие магов в их отряде.

— Как-то всё слишком тихо, — недовольно произнес киммериец. — Ощущение, что вот-вот разразится буря.

— Успокойтесь, капитан, — спокойно проговорил Каруз. — Когда мы были здесь первый раз, демоны даже не показывались, пока мы шли к сокровищнице. На них удалось полюбоваться лишь на обратном пути.

— Да, знаю я, — отмахнулся киммериец. — Счастливчик мне рассказывал.

— Конан, — обратился к капитану Сигурд, — давай приводить его в сознание. Он может нам понадобиться.

— Стойте! — крикнул Каруз. Эхо разнесло его голос по всему лабиринту. — Вы уверены, что ворота не закроются? Не хотелось бы застрять здесь навсегда. Я хочу умереть на побережье Аргоса в объятьях золотоволосой красотки, а не здесь, сбивая кулаки о камень.

— Не бойся, — тихо, себе под нос, стараясь, чтобы стигиец не услышал, произнес Эмилио, — если что, я облегчу твои страдания.

Каруз бросил на него уничижающий взгляд.

— Надо будить, — заявил Конан. — Всегда можно приложить его еще разок. Аквилонца, кстати, тоже было бы не плохо привести в сознание.

— Как знаете, — остался при своем мнении Каруз, но спора продолжать не стал.

Эмилио плеснул на лицо Счастливчику немного холодной воды. Тот недовольно фыркнул и начал протирать глаза.

— Давай, просыпайся! — скомандовал аргосец и, взяв зингарца подмышки, рывком поднял его на ноги.

Счастливчик зло зыркнул на него. Эмилио сстроил самую невинную физиономию, показывая, что он человек подневольный и делает, что велят.

— Где это мы? — поинтересовался зингарец. — Мерзкое место. И голову ломит страшно.

— Извини, — смущенно проговорил Конан. — Я думал, что несильно тебя ударили.

— Так меня еще и били?! — возмутился Счастливчик.

— У нас не было другого выхода, — ответил ему Конан. — Пока ты был в сознании, мы не могли проникнуть в пещеры.

— Значит, мы в логове демонов? — изумился зингарец.

— А ты думал где?! — хмыкнул Эмилио. — Вот ты наконец сюда и попал!

— Мерзкое место, — повторился Счастливчик.

Сигурд тем временем закончил возиться с Оли. Аквилонец был в сознании, но судя по внешнему виду, его самочувствие ничуть не улучшилось, скорее наоборот. Взгляд Оли скользил по стенам пещеры, от которых исходило слабое зеленое свечение.

— Готово, — отрапортовал ванир, привлекая всеобщее внимание к пленнику.

— Я еще жив? — с огромным трудом произнес Оли.

— Да, — сообщил ему Эмилио. — Решили отдать тебя демонам на потеху.

Аквилонец попытался плюнуть ему в лицо, но не хватило сил. Эмилио оглушительно расхохотался, глядя, как Оли вытирает слону с остатков своей рубахи.

— Если сообщишь чего-нибудь полезное, — обратился к пленнику Конан, — обещаю сделать всё, чтобы вынести тебя отсюда.

— Сообщу, — согласился Оли и заговорщицким тоном продолжил. — Прирежьте аргосца. Это та еще крыса.

Эмилио поставил ногу на лицо пленника и немного поелозил сапогом. Конан неодобрительно посмотрел на аргосца. Тот только пожал плечами, но ногу убрал.

— Еще одно такое замечание, — сказал киммериец Оли, — и ты покойник.

— Я и так покойник! — ответил ему палач. — А совет я вам дельный дал.

— Заткнись, — отрезал Конан. — Двигаемся дальше. Нечего здесь

стоять и искушать судьбу.

Замолчал не только аквилонец, но и все остальные члены отряда. Так и двигались дальше в безмолвии, только Счастливчик тихо постанывал и массировал виски. Эмилио казалось это немного странным. Конан ведь и вправду ударил его совсем не сильно. Он видел это собственными глазами. Не хотелось, чтобы зингарец отдал здесь концы да еще по такой глупости. Когда придет время, он сам убьет его, извинившись перед этим. Аргосец надеялся, что Счастливчик его поймет.

— Уже скоро, — наконец произнес Конан. — Два поворота, и мы на месте.

— Странно, — удивился Каруз. — Мы с графом проделали путь побольше.

Эмилио мог бы сообщить капитану, что он в своё время тоже продвинулся дальше в пещеры.

— Лабиринт меняется, — коротко ответил стигийцу Счастливчик.

— Откуда ты знаешь? — спросил Каруз.

— Я же рисую эти проклятые карты! — крикнул зингарец. — Неужели непонятно?!

Конан с Сигурдом удивленно посмотрели на своего друга.

— Эй, Счастливчик, спокойнее, — обратился к нему ванир. — Что с тобой такое? Голова?

Мошенник зло посмотрел на пирата и похоже собрался послать его ко всем северным богам помои выносить, но в последний момент передумал.

— Да. Голова болит, — сказал он. — Мне плохо здесь. Очень плохо.

— До выхода продержишься? — спросил Конан.

— Должен, — не очень уверенно произнес Счастливчик.

— Зингарец! — крикнул Оли из-за спин пиратов. — Надеюсь, ты сдохнешь раньше меня. Тогда получится, что я не зря мучаюсь.

Эмилио вопросительно посмотрел на Конана. Киммериец колебался несколько мгновений, но потом всё-таки кивнул. Аргосец подошел к пленнику, опустился перед ним на корточки, одновременно доставая из-за пояса кинжал.

— Прощай, Оли, — обратился он к аквилонцу. В глазах митрианца мелькнул страх, но о пощаде он просить не стал. Впрочем, Эмилио бы её и не предоставил. Точным выверенным движением аргосец перерезал горло своего пленника.

— Давно следовало это сделать, — сказал Каруз.

Эмилио хотел выяснить, почему это стигиец так считает, но не успел.

— Прекратили разговоры, — скомандовал киммериец. — Идем

дальше. Я хочу убраться отсюда, как можно скорее.

Отряд миновал первый поворот. Эмилио начало трясти. Снова, всё повторится снова, но теперь он отсюда не выберется. Еще один поворот, и белсебуры выйдут на охоту, а у них из защиты только амулеты старика, который пугал его до дрожи в коленях.

Впереди показалась сокровищница.

— Золото, капитан! — крикнул Сигурд. — Клянусь Имиром, здесь его просто горы!

Эмилио отметил про себя, что золотишко действительно не поубавилось.

— Все, кроме Каруза, быстро наполнять мешки! — скомандовал Конан. — Старик, следи за демонами. Хоть шорох подозрительный раздастся, кричи!

На то, чтобы наполнить золотом четыре небольших мешка, ушло совсем немного времени. Каруз никаких знаков не подавал, а это значило, что пока всё спокойно. Однако, Эмилио помнил, что в прошлый раз белсебуры напали не сразу. Слава Дэркето, что хоть нет проблем со светом и воздухом! И плевать почему.

Мешки закрепили на спинах с помощью приделанных к ним веревок. Еще в Сартосе Конан с Сигурдом сошлись, что жадность в таком предприятии штука страшно вредная, и мешки были закуплены совсем небольшие. В каждый влезло только монет по семьдесят. Часть еще придется отдать Карузу. Однако сумма всё равно выходила умопомрачительная.

— Уходим! — скомандовал Конан. — Сигурд, веди. Я в конце. Эмилио, Каруз, Счастливчик, держитесь между нами.

Сигурд с самого начала задал очень быстрый темп. Ванир едва не сбивался на бег. Каруз несколько раз просил его идти помедленнее. В такие моменты старик красочно посыпался к Имиру. Эмилио был полностью согласен с пиратом: раз навязался в отряд, будь добр терпи.

В душе аргосца еще теплилась надежда избежать встречи с белсебурами. Но сбыться ей было не суждено. Когда отряд миновал две трети пути, из одного из ответвлений вылезла пара демонов. Эмилио, не долго думая, швырнул в одного из них свой мешок. Если золото притягивает демонов, значит лучше от него избавиться. Жизнь дороже.

Сигурд с Конаном обнажили свои мечи и подготовились защищаться. Эмилио тоже взял в каждую руку по кинжалу. Польза вряд ли будет, зато смерть красивая. Однако белсебуры враждебности не проявляли. Они несколько раз оббежали отряд и скрылись.

— Стариk, амулеты работают! — радостно заорал Сигурд.

— А-aaaa! — одновременно с ним закричал Счастливчик, обхватив голову руками. Затем он сделал пару нетвердых шагов и рухнул на пол.

— Счастливчик, что с тобой? — подбежали к нему Сигурд и Конан.

Зингарец не отвечал, а только постанывая перекатывался с боку на бок. Сигурд несколько раз ударил его по щекам, но должного эффекта это не возымело. Время шло, а молодому мошеннику лучше не становилось.

— Надо идти, — сказал Эмилио. — Здесь я себя не чувствую в безопасности.

— Он прав, — сказал Конан. — Идем. Я понесу его.

Конан забросил себе на плечи тело Счастливчика, и отряд двинулся дальше. Эмилио пожалел, что пальмовые ветки оставили у входа в сокровищницу. Конану теперь будет сложно махать мечом.

Несколько раз на пути охотников за сокровищами попадались белсебуры. Большинство из них не обращало на людей никакого внимания. Некоторые какое-то время следовали за отрядом, приглядываясь и принюхиваясь, но и они в конце концов отставали. Эмилио был настолько рад тому, что демонам до людей нет никакого дела, что не сразу обратил внимание на одну странность.

Отряд шел другой дорогой. В самом начале в лабиринте не так много ответвлений, и Эмилио на всякий случай запоминал повороты. И теперь он был уверен, что не ошибся в своем суждении. Второй странностью было то, что возглавлял отряд ни Сигурд, а Каруз. Именно он вел их новой дорогой. Что примечательно ни Конан, ни Сигурд никак на происходящее не реагировали, просто молча плелись вслед за стариком. Ну раз так, то значит и ему, Эмилио, негоже жаловаться. Подождем, посмотрим. Осторожность лишней не бывает.

Завершилось путешествие в гигантских размеров пещере, по которой бегало не меньше сотни белсебуров. Эти на людей реагировали хуже. Подходили довольно близко, рычали, махали своими когтистыми лапами перед самыми лицами путников, но напасть не решались.

— Ну, вот мы и пришли, — улыбнулся Каруз. Оба пирата смотрели на стигийца невидящими глазами. Эмилио, не будучи дураком, тут же изобразил такой же взгляд. — Конан, бросай тело сюда. Ему здесь самое место.

Конан кинул стонущего Счастливчика в ноги стигийцу. К зингарцу тут же подбежало двое белсебуров. Демоны обнюхали его, не нашли интересным и убежали прочь.

— Как забавно! — сказал стигиец, с улыбкой глядевший на эту сцену.

— Кто... ты.... такой...? — по слогам произнес киммериец. По его лицу сбегали струйки пота.

— Замечательно, — обратился к нему Каруз. Стигиец со времени прибытия в пещеру заметно помолодел. Из старика он превратился в довольно крепкого мужчину лет пятидесяти. — А я и не знал, что заклинание подавления воли можно преодолеть.

— Кто ты такой? — уже уверенней произнес Конан.

— Ты знаешь, капитан, а я тебе даже расскажу, — сказал Каруз. — Я не вижу большого смысла убивать вас, во всяком случае сразу. Опасности вы для меня не представляете и может быть еще принесете какую-нибудь пользу.

Конан с огромным трудом поднял правую руку и указал на Счастливчика.

— Всё из-за него, да?

— Да, капитан, — улыбнулся Каруз. — Почти всё из-за него. Послушайте мою историю. Может быть, вы сами придете к тому, что лучше быть со мной заодно. С чего бы начать?

— С начала, — Эмилио показалось, или Конан попытался улыбнуться.

— Вы правы. С начала, — согласился стигиец. — Что ж, слушайте. Семь лет тому назад Черный Круг заинтересовался руинами, находящимися неподалеку от Луксура. В одной из недавно полученных орденом книг говорилось, что там могут находиться артефакты времен Роты Всадника. Собрали группу из сорока магов. Возглавлял её я. Мы копались в песках более трех месяцев, но не смогли найти ничего. Довольно странный момент. Обычно при раскопках попадаются горшки, ложки, монеты. В древние времена вся территория Стигии была очень плотно заселена. Но на исходе четвертого месяца нам удалось обнаружить нечто воистину грандиозное. Правда, к Роте Всаднику находка не имела никакого отношения. Это был полностью сохранившийся храм позднекхарийской эпохи. Магия, которая практикуется в настоящее время в Черном Круге, как известно, является измененным видом той, что использовали в Ахероне. Кхарийское магическое искусство было чересчур подвержено влияниям хаоса, а потому заклинания очень часто выходили из-под контроля. Собственно, это империю и погубило. Наша магия пусть не так сильна, но гораздо более упорядочена. Однако не стоит думать, что все кхарийцы были безумцами. Среди них находились и те, кто уже тогда пытался изъять из заклятий хаотические элементы. Почему о них ничего не известно? Да, потому что таких исследователей верховные маги убивали при первом же удобном случае, видя ту опасность, которую они

представляют. И мы, капитан, умудрились обнаружить в этом древнем храме несколько книг по видоизмененной кхарийской магии. Заклинания были очень похожи на современные стигийские, но были в пять-десять раз сильнее. Я думаю, не стоит вам говорить о том, сколь грандиозна была находка. С такими знаниями Черный Круг в мгновение ока стал бы сильнейшим магическим конclaveом Хайбории. Но мы не захотели делиться найденным с Тот-Амоном и другими жрецами. Десять сильнейших магов, включая меня, вступили в заговор. Сначала мы вынесли из храма все книги, а потом создали мощнейшее заклятье из тех, что обычно применяются в качестве ловушек. От храма ничего не осталось. Используя знания, почерпнутые из кхарийских книг, мы открыли портал в один из соседствующих с нашим миров. Ничего интересного там не было: голая земля и серое небо. Здесь мы пробыли несколько месяцев, ожидая, пока закончится расследование, проводимое Черным Кругом в связи с нашей гибелью. Время от времени один из магов отправлялся в Хайборию, чтобы сообщить нам последние новости. Когда всё утихло, и было принято решение возвращаться в наш мир, среди нас возник раскол. Часть магов решила, что нам не по силам умело распорядиться полученными знаниями и предложила пойти на поклон к Тот-Амону. Подобные настроения надо было пресекать в корне, и в результате в Хайборию вернулось не сорок магов, а только двадцать шесть. К тому моменту у нас в руках была огромная сила, но не было никакого плана действий. Тогда у моей дочери, что была вторым по силе магом среди нас, родилась неплохая идея. Если мы сумели найти дорогу в пустынный мир, то мы сможем открыть портал и в обитаемый. После долгих поисков мы остановились на мире, населенном белсебурами. Они представлялись нам идеальной военной силой. Так и возникли эти самые пещеры. Здесь мы жили, изучали новые заклятья, учились работать с демонами. В Хайбории постоянно находилось не более двух магов. Они должны были следить за происходящими событиями и собирать золото для нашего будущего завоевательного похода. Деньги мы хранили в этом мире. Нам казалось, что так надежнее. В войне, которую планировалось развязать белсебуры должны были стать нашим козырем против магов, а для армии использовать наемников. Подготовка шла полным ходом. Даже самый слабый из нас с помощью кхарийских книг сумел обрести силы, превосходящие силы Тот-Амана. За седмицу до выступления все маги были призваны сюда. Уточнялись мелкие детали планов, проводились совещания, заготавливались крупные заклинания. И тогда случилось нечто ужасное. Белсебуры вышли из-под нашего контроля. Они, не обращая внимания ни на атакующие, ни на защитные заклятья,

убивали магов одного за другим. Мы с дочерью находились в районе сокровищницы. Объединив наши силы, мы стали пробиваться к выходу. Мы с огромным трудом отбивались от навалившихся демонов. Теми заклятьями, что мы посыпали на их голову, в нашем мире можно было обрушить горы и высушить моря. Эти же твари даже и не думали умирать, только отбегали, чтобы не испытывать неудобств. Кое-как мы пробились в эту пещеру. Здесь находились ворота в наш мир. Разумеется, они были закрыты. Я велел дочери перекрыть ход, ведущий в пещеру, а сам занялся построением портала. Белсебуры из всех сил пытались пробиться через магический щит, поставленный моей дочерью. Один, видимо самый хитрый, не пытался разбить его, а аккуратно шаг за шагом продвигался внутрь его. В тот момент, когда я открыл портал и приготовился в него шагнуть, я увидел, как белсебур проник сквозь защиту и одним ударом лапы прикончил мою дочь. Он убил единственного дорогого в этом мире мне человека. Сначала я хотел просто прикончить проклятую тварь. Видит Сет, в том состоянии я бы без труда это сделал. Но в последний миг я решил, что это будет слишком милосердно. Покойный аквилонец был прав, белсебуры обладают разумом, а значит они могут испытывать не только магические страдания. Я скрутил демона заклятьем и шагнул вместе с ним в портал. В Хайбории, не теряя времени, я начал осуществлять задуманное. На моё заклятье ушли целые сутки, за которые белсебур чуть было не освободился, но оно того стоило. Я не знаю, как мне хватило сил. Чуть позже, изучая структуру примененных мною в тот момент заклятий, я пришел к выводу, что мне не должно было хватить сил даже на кратковременное пленение демона. Можете считать меня дураком, капитан, но я верю, что дух погибшей дочери помогал мне всё это время. Но теперь это не важно. Важно другое. Белсебура не стало, а вместо него возник зингарец по кличке Счастливчик. На нем лежало проклятье: он должен был всю жизнь искать дорогу домой, но быть не в состоянии её найти. Наш мир был чужд его изначальной демонической природе. Вся его жизнь должна была стать вечной каторгой. Но с этими демонами вечно выходит всё не так, как хочешь. Вместо того, чтобы скитаться по пустыне в поисках утерянного портала, он принял рисовать эти карты. Видимо белсебур умудрялся находить те точки, где Хайбория соприкасается с его миром. Сам он два раза прошел по своей карте, но из-за висящего над ним проклятья ничего отыскать не сумел. Какое-то время я следил за ним и пришел к выводу, что мой план с моральным истязанием демона провалился, и настала пора его банально прикончить. Но меня пугали эти карты. Я, как и Оли, не жаждал появления сотен белсебуров в нашем мире.

Подумав, я решил, что лучше отправить Счастливчика в его мир и уже там убить его. Так я надеялся прекратить соприкосновение миров. Какое-то время я занимался изготовлением амулетов, что должны были защитить меня от демонов. А то, что было потом, вы, капитан, уже знаете. На протяжении всего вашего путешествия я вам немного помогал, ведя к конечной цели. Правда, я думал, что в оазисе мне придется снять проклятье с белсебура, но вы с вашим камеш...

Стигиец захрипел, и из его рта вместо слов стало доноситься бульканье. Не удивительно для человека, в чью спину всаживают кинжал.

— Это из-за тебя они погибли, ублюдок! — сказал Эмилио, пиная бездыханное тело мага. — Зингарец здесь ни при чем.

— Молодец, — сказал Конан, кладя руку на плечо аргосца. — Ты всё правильно сделал. Только почему на тебя его заклинание не действовало?

— Перед тем, как встретиться с вами в Бирафире, — раскрыл тайну Эмилио, — я снял с Оли все амулеты, что на нем были. Большая часть наверняка была лично на него настроена, но на чем-то могли лежать и общие заклятья. Получается, что и вправду лежали.

— Я рад, — сказал Конан. — А теперь уходим отсюда. Сигурд, хватай Счастливчика.

Ванир наклонился, чтобы взять на руки тело зингарца. Но тот уже пришел в себя и отмахнулся от ванира рукой.

— Не надо! — крикнул он. — Ты что не слышал, кто я такой?!

— Плевать! — рявкнул ванир. — Ты мой друг и друг Конана. Уходим.

Счастливчик перевернулся и посмотрел на ванира. Лицо зингарца начало меняться, приобретая демонические черты. Но в его глазах можно было различить слезы.

— Ты не понимаешь, — всхлипнул он. — Это всё обман. Сны это обман. Я не спас её. Я её убил! Убил самую прекрасную на свете девушку.

В этот миг один из демонов, обнюхивающих в данный момент Эмилио, взял и укусил его за руку. Не сильно, но ощутимо. Аргосец заорал, как резаный.

— Прочь! — заорал на белсебура Счастливчик. Тот отбежал на приличное расстояние и уже оттуда начал злобно рычать на зингарца. — Уходите, пока действуют амулеты.

— Ты идешь с нами, — тоном не терпящим возражений сказал Сигурд.

Демоны со всей пещеры начали сбегаться к четверым людям. Злобно рыча, они ходили кругами, но напасть всё еще не решались. Из единственного выхода лезли всё новые и новые твари. Но в какой-то момент их поток иссяк. К этому времени в пещере было не меньше пяти

сотен белсебуров.

— Нет, бегите, — сказал Счастливчик. — Я их задержу. Иначе не выбраться.

Сигурд всё еще колебался, но Конан уже принял решение.

— Сигурд, уходим! Быстро! — заорал он, хватая за плечо первого помощника.

Все четверо направились к выходу. Счастливчик в меру сил отгонял демонов. Перед ним они испытывали непонятный страх. Сам зингарец продолжил меняться. В нем было всё меньше человеческих черт и всё больше демонических. Когда отряд добрался до туннеля, зингарец махнул рукой, чтобы остальные уходили, а сам остался стоять, обороняя проход. Белсебуры осмеливались подойти к нему уже на расстояние вытянутой лапы, и было ясно, что рано или поздно они нападут на зеленоглазого мошенника.

— Счастливчик, идем с нами! — в последний раз попросил Сигурд.

— Нет. Пусть мой сон хоть в чем-то сбудется, — грустно улыбнулся зингарец. — Прощай, ванир. Ты хороший игрок.

— Прощай, — сказал Сигурд и пустился вдогонку за Конаном и Эмилио.

Перед тем, как миновать первый из поворотов, Эмилио оглянулся назад. Перед входом в пещеру стоял здоровенный белсебур в остатках человеческой одежды и отбивался от наседающих на него собратьев. По прикидкам Эмилио какое-то время он должен был продержаться. Оставалось только молиться Дэркето, чтобы они успели добраться до выхода.

Так Эмилио не бегал со временем своего прошлого визита в пещеры. Он уже собирался упасть и умереть, когда наконец увидел впереди свет и ведущую наверх лестницу. Стоило пиратам и Эмилио покинуть подземелье, как магический проход исчез, а на его месте снова возникло озерцо, из которого, к слову говоря, еще пришлось выплывать.

Как только аргосец достиг берега, последние силы оставили его и он провалился в сон.

* * *

— Точно не поедешь с нами? — в очередной раз спросил Эмилио Конан.

— Нет, хватит с меня Побережья, — помотал головой аргосец.

— Возьми хоть часть денег, — предложил Сигурд.

— Нет. От них одно несчастье, — отказался Эмилио. — Если бы не этот клад, Рузес и остальные были бы живы. Вам они нужнее. Я видел, что стало с вашим кораблем.

Пираты рассмеялись.

— Как знаешь, — сказал Конан. — Прощай, Эмилио. Может, свидимся.

— Прощай, аргосец, — махнул рукой Сигурд.

— И вы прощайте, — сказал пиратам Эмилио, разворачивая лошадь в направлении дороги, ведущей на Кеми. — Доброго пути.

WWW.CIMMERIA.RU